

18+

ПОСЛЕДНЯЯ
МОНА ЛИЗА

ДЖОНАТАН САНТЛОУФЕР

Арт-триллер для поклонников Дэна Брауна

Annotation

О чем молчит загадочная «Мона Лиза»?

Август 1911 года. Винченцо Перуджа пробирается по темным коридорам Лувра, снимает «Мону Лизу» со стены и уносит ее в парижскую ночь. Через два года картина снова оказывается в Лувре.

Более века спустя профессор истории искусств Люк Перроне приезжает во Флоренцию, чтобы узнать о самом известном преступнике своей семьи – Винченцо Перудже. Знакомясь с дневником знаменитого прадеда, он оказывается втянутым в рискованное приключение. Перроне еще и не подозревает, что люди, занимающиеся кражей и подделкой произведений искусства, не только беспринципны, но и опасны...

Удастся ли герою раскрыть тайну кражи «Моны Лизы»? И что скрывалось за этим похищением?

Автор детективных романов и знаменитый художник Джонатан Сантлоуфер рассказывает захватывающую историю о краже «Моны Лизы» из Лувра в 1911 году, появившихся в результате этого подделках, а также читатель узнает о современной изнанке мира искусства.

- [Джонатан Сантлоуфер](#)
 -
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)

- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [Примечание автора](#)
- [Интервью с автором](#)
- [Благодарности от автора](#)
- [Об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
-

Джонатан Сантлоуфер

Последняя Мона Лиза

© Jonathan Santlofer, 2021

© Яковлев А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Основано на
реальных событиях*

*Посвящается
Джой, которой
эта книга
нравилась с самого
начала, но
которой, увы, не
довелось увидеть
ее завершения.*

*«Подделка –
это двойное
убийство, ибо она
лишает
первозданного
существования как
оригинал, так и
копию».*

Мадам де Сталь

*«В мире нет
ничего*

оригинального».

Джим Джармуш

21 августа 1911 года

Париж, Франция

Всю ночь он провел, скорчившись в темноте, и перед его мысленным взором проносились адские, как на картинах Босха, сцены: какие-то отвратительные чудовища, корчащиеся в пламени люди... Он безотрывно вглядывается во тьму, понимая, что в таком же мраке проведет остаток своих дней.

«Мы теряем то, что недостаточно ценим», – крутится в голове единственная мысль, пока он надевает поверх уличной одежды свой рабочий халат, застегивает его и открывает дверь чулана.

В музее темно, но он без труда находит дорогу, пробираясь по длинной галерее. Расположение залов он знает прекрасно; чувство вины только подогревает его решимость. Хищная тень крылатой Ники Самофракийской пугает его до дрожи, хотя ему душно в застоявшемся воздухе.

Знакомое лицо выныривает из темноты, как призрак: красивые губы потрескались, кожа стала серой. Откуда-то доносится детский плач. Он затыкает уши и всхлипывает, изгибаясь то в одну, то в другую сторону, словно ища во тьме свою утраченную любовь и своего ребенка; он шепчет их имена, и стены зала надвигаются, склоняясь к нему, а ощущение пустоты внутри усиливается, пока, наконец, не охватывает его целиком: он как будто становится полым. Тогда он понимает, что чувство опустошения, которое так долго его не отпускало, было предчувствием, предпросмотром остатка жизни: он привыкал быть покойником.

«Чьи это шаги?»

Но нет, сейчас раннее утро, к тому же понедельник, музей закрыт для посетителей. Застыв на месте, он вглядывается в полумрак

галереи, но ничего не видит. Должно быть, померещилось; ему уже трудно отличить реальность от воображения. Приставив к уху руку в перчатке, он прислушивается, но вокруг тихо, слышно лишь его собственное тяжелое дыхание и лихорадочный стук сердца.

Еще несколько шагов через арку и галерею Двора Висконти – зал с высокими потолками, на стенах которого помещаются картины размером с фреску. Полотна в темноте выглядят черными прямоугольниками, но ему нетрудно их представить: пейзаж Коро, знаменитая батальная сцена Делакруа, «Коронация Наполеона» кисти Жака-Луи Давида – диктатор в возмутительном наряде, в плаще из шкуры животного и венце из плюща, с самодовольным и торжествующим выражением лица.

Именно в тот момент, когда он представляет себе Наполеона, его воспаленное воображение изобретает то самое объяснение, которое позже будет напечатано в газетах: «Я украл картину, чтобы вернуть ее на родину».

Тогда он превратится из безродного иммигранта в патриота и героя.

Уже более уверенно, сосредоточенно и целеустремленно он движется по следующей, узкой галерее. Он всем покажет, кто он такой.

В малой галерее Квадратного салона он едва различает силуэты картин Тициана и Корреджо и мерцающий между ними приз – дама среди скал, недремлющий вампир, самая известная женщина в мире – «Мона Лиза».

Пока он выкручивает железные болты из маленькой деревянной панели, сердце его бешено колотится, нервные окончания покалывают, в голове проносятся десятки мыслей. Одержимый своей затеей, он не замечает собственного искаженного отражения в стекле, которое сам же и вставлял всего лишь на прошлой неделе.

На все уходит пять минут.

Потом он, прижав к груди картину, неслышной тенью скользит из одного зала в другой, затем вниз по галерее на лестничную клетку, где останавливается, чтобы снять с картины тяжелую раму со стеклом и оставить их здесь. И вновь он движется по узкому коридору, обставленному мраморными скульптурами, теперь уже быстрее, потев и тяжело дыша, ныряет под арку и, наконец, добирается до бокового

выхода Порте-дез-Ар. Все проходит в точности, как планировалось, мечта сбывается... Вот только дверная ручка не поворачивается.

Он дергает и крутит, тянет и трясет ее, но ручка не шевелится; и единственное производимое движение – бег его отчаянных мыслей.

Глубокий вздох, затем еще один, и тут его осеняет: отвертка, ну, конечно! Тем же самым инструментом, которым он только что вывинчивал болты, он откручивает фурнитуру замка; наконец, дверная ручка падает ему на ладонь, и он прячет ее в карман рабочего халата, который затем снимает, плотно скатывает и засовывает за пояс на спине.

Подрамник с картиной он прячет под рубашку; старое полотно царапает его кожу, когда он застегивает поверх рубашки пиджак. Его сердце бьется об лицо таинственной четырехсотлетней красавицы, которая не раз становилась свидетельницей собственного похищения, наблюдала за многочисленными аудиенциями со стены спальни Наполеона, выдержала взгляды миллионов зевак, и теперь, уставшая и измученная жизнью, она жаждет отдыха – но ее история еще далека от завершения.

Декабрь 2019 года,

Флоренция, Италия

Карло Бьянки приложил платок к носу, утирая сопли. Его магазинчик на Виа Страчателла, недалеко от Понте-Веккьо, был маленьким и тесным: книги стояли на полках, лежали на столе и на полу стопками, похожими на миниатюрные деревни индейцев майя. Пыльный магазин весь пропах плесенью и сыростью.

Бьянки искал книгу об устройстве садов рококо – насколько он помнил, она была где-то здесь. Наконец, она нашлась в самом низу высокой стопки. Лежа на боку и подметая бородой пол, он вытаскивал книгу, когда вдруг увидел перед своим лицом мужские кроссовки на толстой подошве.

Бьянки едва не вывернул шею, пытаясь с пола рассмотреть незнакомца.

«*Posso aiutarla?*»^[1]

Мужчина посмотрел на него сверху вниз:

– Вы говорите по-английски?

– Да, – ответил Бьянки, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль со штанов и куртки. – Когда всю жизнь имеешь дело с книгами, выучиваешь много языков.

– Я ищу дневник, рукописный журнал, который вы недавно купили у французского книжного торговца по имени Пеллетье.

– Пеллетье? Точно не помню. У меня это должно быть отмечено в списке недавних покупок, – Бьянки сделал вид, что роется в ворохе квитанций, лежавших на столе. Он помнил каждую книгу, которую продал или купил, в том числе у французского букиниста Пеллетье, но он никогда не разглашал личных данных своих клиентов.

– Дневник был написан больше ста лет назад, – добавил посетитель.

Пеллетье клялся, что продал дневник этому Бьянки, а мало кто из людей способен лгать, только что лишившись пальца и рискуя потерять второй.

– Вы никак не могли забыть такую покупку, – незнакомец положил ладонь на руку Бьянки и прижал ее к прилавку.

– Си, си, я вспомнил, – заговорил продавец. – Такой рукописный дневник, на итальянском языке?

Мужчина отпустил его руку, Бьянки поспешно убрал ее и попятился, едва не кланаясь.

– Мне очень жаль, но... этот дневник... я уже продал его.

– Кому?

– Одному старичку-коллекционеру, он собирает всякую всячину.

– Как его зовут?

– Я не пом...

Незнакомец схватил Бьянки «за грудки» и приподнял его, оторвав от пола.

– Имя? Быстро!

– Г-гульермо, – выдавил Бьянки, размахивая руками и суча ногами в воздухе.

Мужчина разжал руки, и Бьянки неловко приземлился, опрокинув высокую стопку книг.

– А где бы мне найти этого Гульермо?

– Он... он... э-э... – Бьянки запнулся, переводя дыхание, – профессор... в университете... во Флоренции, но... но, по-моему, сейчас он на пенсии.

Он украдкой бросил взгляд в окно – нет ли там случайно кого-нибудь, кого он мог бы позвать на помощь – однако посетитель тут же загородил его собой.

– Адрес!

– М-мне кажется, его можно узнать в университете...

Незнакомец посмотрел ему в глаза таким тяжелым взглядом, что Бьянки тут же принялся листать свою картотеку. Найдя нужную карточку, он хотел зачитать адрес, но мужчина выхватил картонку из его пальцев.

– Вы ведь сами не читали этот дневник, верно?

– Я? Нет-нет! – потряс головой Бьянки.

– Но знаете, что он был написан по-итальянски...

– Мне, должно быть, Пеллетье сказал... а может, я взглянул на одну страничку, не больше.

– Ясно, – губы незнакомца растянулись, обнажив прокуренные зубы, карточка исчезла у него в кармане. – И вы никому не скажете, что я приходил, ни этому Гульермо, никому другому...

– Нет, синьор, нет. Даже Пеллетье. Я ни словечка никому не скажу.

– Конечно нет, – произнес незнакомец.

Бьянки еще пытался восстановить дыхание и равновесие, когда посетитель вдруг ударил его кулаком в грудь. Взмахнув руками, торговец опрокинулся на другую стопку книг.

Мужчина поднял его, ухватил руками за горло, сдавил и начал душить. Бьянки хотел взмолиться о пощаде, но смог издать лишь несколько сдавленных пискон; комната поплыла перед его взором.

– Нет, ни словечка не скажешь, – произнес мужчина, почувствовав, что гортань букиниста хрустнула под его пальцами.

Два месяца спустя

Из-за письма, пришедшего на электронную почту менее двух недель назад, я утратил способность думать о чем-либо другом и бросил все дела ради призрачной возможности. Можно сказать, причуды. И вот я здесь. Пытаясь справиться с волнением, я остановился и размял затекшие мышцы, затем покати́л чемодан по длинным переходам, ощущая смесь утомления и возбуждения после восьмичасового перелета из Нью-Йорка, где тоже, в общем, было не до сна.

Аэропорт Леонардо да Винчи напоминал большинство себе подобных безликой многолюдностью и ярким, режущим светом. Тот факт, что он был назван в честь Леонардо, показался мне пророческим, хотя назвали его так, конечно, не для меня. Я взглянул на часы: шесть утра. Затем я поискал поезд в город, нашел его и, гордясь этим достижением, рухнул на свое место и закрыл глаза. В голове комариной стайкой вился сразу десяток мыслей.

Тридцать две минуты спустя я оказался на Рома Термини, огромном многолюдном вокзале, в котором пульсировал гудящий рой пассажиров. Поезда, парившие прямо за билетными киосками, изрыгая в зимний воздух белые дымки, придавали ему некоторые элементы романтики.

Итак, я врезался в людскую толпу – «*Scusami, scusami*»^[2] – с благодарностью вспоминая родителей, которые с малых лет обучали меня родному языку, и пошел от одного поезда к другому, сжимая в руке билет, ища глазами на большом табло Флоренцию и чувствуя, как уходит минута за минутой. В итоге я чуть не опоздал на свой поезд, потому что в расписании был указан лишь его конечный пункт назначения, Венеция. Как бы мне хотелось побывать в Венеции. Ну, как-нибудь в другой раз; а сейчас я приехал по делу.

Поезд до Флоренции оказался новым, чистым, с удобными сиденьями. Я поставил свой чемодан на багажную полку, снял рюкзак,

уселся и тут же пару раз клюнул носом – при этом перед глазами возникали какие-то летящие по воздуху страницы, которые я пытался и никак не мог поймать.

Чтобы прогнать сон, я выпил кока-колы и стал смотреть в окно. Равнинные пейзажи постепенно сменились холмами, за которыми возвышались далекие горы со средневековыми городками на макушке. Вся обстановка казалась мне немного нереальной, словно я смотрел кино, а не ехал к открытию, которое, как я надеялся, должно было дать ответ на загадку столетней давности и увенчать мои двадцатилетние исследования судьбы самого известного преступника в нашем роду.

Через полтора часа я вышел из шумного вокзала Санта-Мария-Новелла в центре Флоренции и поволок свой чемодан по ее мощеным улочкам. Неяркое солнце то пряталось, то выглядывало из-за низких облаков, воздух был свежим и холодным. Я воспроизвел в памяти события последних двух недель: получение электронного письма; покупка билета с открытой датой; поездка в итальянское консульство, где я, используя все свое обаяние, уговорил тамошнюю молодую сотрудницу выдать мне культурное *«пермессо»*^[3], а также письмо, удостоверяющее, что я являюсь профессором искусств в университете, и предоставляющее доступ в итальянские культурные учреждения; затем звонок двоюродному брату в Санта-Фе. Он скульптор, всегда готовый ставить арт-сцены в Нью-Йорке, и он был страшно рад возможности снять мой лофт в Бауэри. Неделями позже я завернул картины в пузырчатую пленку, передал занятия в колледже своему дипломнику и взял отпуск за неделю до конца сессии – рискованный шаг для преподавателя, надеющегося получить профессорскую должность.

Перейдя широкую улицу перед вокзалом, я нырнул в лабиринт узеньких улочек, пытаюсь следовать указаниям GPS своего сотового, который то и дело менял маршрут. Дважды мне пришлось поворачивать обратно, но все же минут через десять я добрался до Пьяцца-ди-Мадонна – большой прямоугольной площади, над которой возвышалась крашеная охрой часовня с куполом из красного кирпича – и разглядел там старинную электрическую вывеску с названием нужной мне гостиницы: «Палаццо Сплendor».

Вестибюль гостиницы был размером с небольшую манхэттенскую кухню. Давно не крашенные стены, полы из сильно потрескавшегося

бело-пестрого мрамора, единственное украшение – выцветшая черно-белая фотография статуи Давида Микеланджело.

– Люк Перроне, – сказал я сидевшему за столом молодому парню: покрытые расплывшимися татуировками жилистые руки, дымящаяся сигарета, все внимание на зажатый между ухом и плечом мобильник – этакая наркоманская эстетика.

– *Пассапорто*, – отвечал тот, не поднимая глаз. Когда я спросил на своем лучшем итальянском, могу ли я оставить свой чемодан и вернуться попозже, он поднял вверх палец, как будто я мешал его беседе. Явно личной, если только он не называл всех жильцов гостиницы «иль мио аморе». Не дожидаясь ответа, я поставил чемодан и направился к выходу.

Гугл-карты сообщили, что монастырь Сан-Лоренцо располагается в пяти минутах ходьбы от меня, и я думал, что легко туда доберусь. Но сначала я пошел не в ту сторону, потом понял, что держу карту вверх ногами. Я вернулся, еще раз обогнул купол часовни на Пьяцца-ди-Мадонна и пошел по указанному маршруту мимо громоздившихся друг на друга красно-коричневых строений, затем вдоль длинной, до конца квартала, неровной каменной стены с нишами в виде арок со ступеньками. Площадь Сан-Лоренцо была пустой и почти безлюдной, если не считать нескольких туристов и пары монахов в длинных коричневых хламидах.

Я осмотрелся, начиная понимать, что все окружающее и увиденное ранее – часть огромного единого комплекса.

Базилика песочного цвета прямо передо мной казалась грубо сработанной и незавершенной, три ее арочных входа с тяжелыми деревянными дверями были закрыты. Слева от церкви находилась арка поменьше, за ней – темный переулок, который привел меня в знаменитую обитель Сан-Лоренцо – место, которое я раньше видел лишь на фотографиях.

Сделав несколько шагов, я словно очутился в дивном сне: квадратный садик с шестиугольными изгородями и двухэтажной лоджией, классический и гармоничный – все это спроектировал мой любимый архитектор эпохи Возрождения Брунеллески. На мгновение я попытался представить себя живописцем времен Высокого Возрождения, а не каким-то нью-йоркским художником, который

бьется за кусок хлеба и преподает историю искусства, чтобы оплачивать счета.

Я вздохнул, и мое дыхание обратилось в парок. Утро было холодное, и все во дворе покрылось серебристым инеем. Три монаха в длинных шерстяных балахонах обматывали растения мешковиной, и я в своей тонкой кожаной курточке озяб до дрожи. Не думал я, что во Флоренции будет так холодно. Если честно, после получения того письма я вообще мало о чем думал.

«Уважаемый мистер Перроне, одна из последних просьб профессора Антонио Гульермо заключалась в том, чтобы я связался с Вами по поводу найденного им дневника, предположительно написанного Вашим прадедом. Профессор собирался опубликовать какую-то работу об этом дневнике, которая должна была стать «откровением», как он утверждал. К сожалению, внезапная смерть помешала ему даже написать ее.

Сам дневник вместе с другими книгами и бумагами профессора был передан в дар Лаврентийской библиотеке во Флоренции. Я составлял каталог его работ и уложил журнал в коробку с надписью «Мастера Высокого Возрождения».

Чтобы увидеть бумаги профессора Гульермо, Вам нужно получить культурное permesso, полагаю, это не составит большого труда.

Если будете запрашивать эти бумаги, советую Вам не упоминать сам дневник и прошу не ссылаться на меня при составлении запроса.

*Искренне Ваш,
Луиджи Кватрокки
Quattrocchi@italia.university.org»*

Я сразу же связался с Кватрокки по электронной почте. Судя по ответу, тот был в здравом уме и не собирался меня разыгрывать. Он подтвердил факт существования дневника, хотя и не мог поручиться за его подлинность.

Уже много лет я рассылал письма, простые и электронные, в поисках хоть какой-нибудь информации о прадеде. Большинство из них оставались без ответа, а те отклики, что я получал, неизменно требовали денежных затрат, но не давали результатов. На сей раз

информация пришла сама, бесплатно, и за ней не скрывалось никакого лукавства – во всяком случае, не просматривалось.

– Простите, синьор, – ко мне приближался один из монахов, молодой, с рыжей бородой и поразительно голубыми глазами. – Вы ждете, когда откроется библиотека?

– Ну, да! – отрезал я, потом извинился. – Вы говорите по-английски?

– Немножко, – ответил он.

Тогда я сказал, что владею итальянским.

– *Il bibliotecario e 'spesso in ritardo*, – сообщил монах. Понятно, библиотекарь часто опаздывает. Я взглянул на часы: ровно десять, и библиотеке уже пора было открыться.

Монах спросил, откуда я.

– Приехал из Нью-Йорка, но родом из Рагузы, – ответил я, хотя никогда не бывал в этом сицилийском городке. Откуда на самом деле вела происхождение моя семья, мне не хотелось говорить. В мои намерения вообще не входило что-либо сообщать о себе.

– Брат Франческо, – представился монах, протягивая руку.

– Люк Перроне. – Я оглянулся на дверь библиотеки.

– Она скоро откроется, – заверил монах. – *Pazienza*.

Да, терпение. Вот уже чего мне всегда не хватало, особенно теперь, когда я бросил все ради какой-то бредовой идеи.

Я проследил, как брат Франческо вернулся в сад к собратьям, что-то шепнул им, и все три монаха поглядели в мою сторону, прищурившись, должно быть, от зимнего холода и света. Отойдя в тень арки, подальше от их глаз, я прислонился спиной к колонне и представил свое жилище в Бауэри и свою довольно хаотичную коллекцию, которую я начал собирать еще мальчишкой, когда мы жили в Бэйонне в штате Нью-Джерси. Теперь она занимала целый угол моей студии: копии газетных статей столетней давности, поэтажный план музея, где путь следования моего прадеда был отмечен красным маркером, несгораемый картотечный шкаф, набитый вырезками с подробностями той кражи. Один из его ящиков я отвел под письма, которые еще подростком начал писать всем, кто мог хоть что-нибудь знать о преступлении моего прадеда, и ответы на них, немногочисленные и мало что проясняющие.

Холодный ветер пронесся по обители, заставив меня поежиться. Еще сильнее я вздрогнул от чьего-то похлопывания по руке. Это оказался тот же молодой монах.

– Mi scusi, ma la biblioteca e' aperta. [\[4\]](#)

Я коротко кивнул ему и направился по арочной дорожке к деревянной двери, которая теперь была открыта.

Штаб-квартира Интерпола

Лион, Франция

Джон Вашингтон Смит еще раз перечитал электронные письма. В его обязанности, как у каждого сотрудника Интерпола из отдела краж произведений искусства, входил просмотр всех сводок, а также веб-сайтов торговцев антиквариатом, картинных галерей и всех, кого можно было заподозрить в нелегальной купле-продаже краденых старинных изделий и тому подобного. Все эти сведения постоянно обновлялись на одном из трех его мониторов. Особый интерес для него – с годами ставший чем-то вроде навязчивой идеи – представляла кража знаменитой картины Леонардо в 1911 году, события, произошедшие за время ее двухгодичного отсутствия, а также подозрение, что в Лувре теперь находится поддельная Мона Лиза. За эти годы Смит не раз слышал, что укравший картину Винченцо Перуджа вел в тюрьме дневник – но слух этот до сей поры не находил подтверждения. Однако вот правнук вора Люк Перроне – американский художник и искусствовед, за которым он следил уже много лет – упоминает этот дневник в переписке по электронной почте с каким-то итальянским профессором.

Смит снял очки и потер переносицу, пытаясь унять боль между глазами. Много часов приходилось ему проводить, глядя на мониторы, расположенные буквой «П» и занимавшие большую часть стола. Его белый пластмассовый рабочий стол на металлических ножках чем-то напоминал инопланетный корабль. Беспроводная клавиатура и мышь тоже были белого цвета, как и тумба с ящиками для бумаг по ту сторону стола. Белый потолок. Белые стены. Бледно-серое покрытие пола, имитирующее ворсистый ковер, пружинило под ногами. Смит порой задавался вопросом, что проектировщики этим хотели обеспечить – здоровье ног сотрудников Интерпола или практически

полную тишину в помещении. Впрочем, большой роли это не играло, потому что все его коллеги носили кроссовки или мягкую обувь. Сам Смит тоже ходил в фирменных белых кроссовках на толстой подошве, которые он чистил зубной щеткой.

Смит еще раз пробежал взглядом электронные письма, пытаясь унять волнение и прикидывая варианты дальнейших действий. Можно было бы сообщить местным властям и попросить их понаблюдать за Перроне и этим итальянским профессором, или выпустить уведомление, пометив его одним из восьми цветов, которыми Интерпол обозначает предполагаемые правонарушения, из которых красный присваивается делам наивысшей важности. Но здесь не было никаких свидетельств преступления или хотя бы нарушения. Смит никак не смог бы убедить генеральный секретариат выпустить такое уведомление.

Он еще раз взглянул на левый монитор, куда выводились данные о предметах, числящихся сейчас в международном розыске, и дате их пропажи. Кража и подделка произведений искусства – серьезные преступления, и вовлеченные в них коллекционеры, воры и посредники нередко оказываются людьми не просто непорядочными, а опасными. Согласно статистике Интерпола, кражи предметов искусства по важности идут сразу после торговли оружием и наркотиками, деля третье-четвертое места с отмыванием денег. К своей работе Смит относился серьезно, как и ко всем своим занятиям, например, ежедневной гимнастике и тяжелой атлетике, добавившей немалую мышечную массу его почти двухметровому телу. Быть или показаться кому-то слабым – одна мысль об этом была невыносимой для парня из «домов Баруха» на Манхэттене^[5]. Джон вырос без отца, хоть и взял его фамилию в качестве второго имени, чтобы сделать свое чуть более запоминающимся.

Смит посмотрел на часы: близился полдень. Кроме головы, начала побаливать спина от четырехчасового сидения перед компьютером и нелегкой поездки от дома – маленькой квартирке на окраине Лиона – до монолита из стекла и стали, в котором находится штаб-квартира Интерпола. Этот путь по оживленным городским улицам он проделывал дважды в день.

Нужно было сделать перерыв, покурить и поразмыслить.

Цилиндрический лифт доставил его к восьмиугольному внутреннему двору в середине здания. Здесь уже стояли несколько человек, хотя в холодном тесном дворике они выглядели какими-то ненастоящими, как андроиды. Может быть, и я похож на робота, подумал Смит. Хотя роботы вряд ли курят «Мальборо Лайт». Он затаился, прикидывая в уме плюсы и минусы того, что собирался сделать, и что, как он знал, явно противоречило правилам Интерпола.

Взгляд вверх, на маленький восьмиугольный кусочек неба, вызвал в его памяти сомкнутые стены «домов Баруха» – оба здания имели сходство с тюрьмой, хоть на здешних стенах и не было граффити, а в их тени никто не продавал наркотики. Ирония судьбы, подумал Смит, променял одну тюрьму на другую. А ведь когда-то казалось, что эта дорога принесет успех и славу. Неужели уже слишком поздно? Еще одна затяжка – и мысль оформилась, словно кто-то написал ее дымом в легких или голове, как рекламный самолет оставляет за собой надпись в небе: *если тебе суждено прославиться и преуспеть, то именно сейчас*. Сейчас или никогда. Смит опасно посмотрел на стоящих во дворе людей, словно они тоже могли прочесть эту мысль. Да, ему приходилось в жизни делать всякое. Кое в чем он даже никому не признавался. Но способен ли он на *этом* поступок?

Докурив, он продолжал думать. Думал, стоя в поднимавшемся лифте. Продолжал думать и взвешивать все, что стояло на кону, когда шел по своему тихому этажу, мимо аналитиков, сидевших в открытых боксах или маленьких звукопоглощающих камерах для конфиденциальных бесед. Он на секунду задержался у стеклянной стены конференц-зала, где проходило совещание аналитиков, на которое его не позвали, затем, стиснув кулаки и набычившись, быстро прошел мимо и нырнул в свое эргономичное кресло.

В свои сорок семь лет он оставался рядовым аналитиком криминальной разведки, одним из многих в отделе краж произведений искусства. Каждый год у него на глазах другие, менее преданные делу, обгоняя его, поднимались по служебной лестнице вверх, к Генеральной ассамблее, высшему руководящему органу Интерпола. Двадцать лет сбора и исследования данных, целых двадцать лет с момента окончания Нью-Йоркского колледжа криминальной юстиции имени Джона Дэя по специальности «обработка данных и

криптография», и чем в итоге он может похвастаться? Все так же торчит за компьютером по десять часов в день.

Смит тяжело вздохнул, откинулся на спинку кресла и уставился на длинные плоские лампы вверху, источавшие теплый свет. Надо что-то делать. Совершить что-то выдающееся, чтобы о нем заговорили; показать этим людям наверху, чего он стоит.

Склонившись к мониторам, он еще раз перечитал переписку двух ученых мужей, затем переслал ее всю на свой личный электронный адрес на сотовом – так, чтобы никто не увидел и не задавал лишних вопросов. Потом он перевел курсор на колонку файлов с материалами о той знаменитой краже, которые он собрал за много лет, и открыл папку «Перроне». На центральный монитор вышли все собранные им данные об этом человеке: переписка о прадедушке, в которую Перроне вступал с разными людьми на протяжении почти двадцати лет, его выставки и преподавательская работа, отстранения от занятий в старших классах (их было четыре: одно за курение в туалете, два за драку в классе, одно за связь с уличной бандой), список женщин, с которыми Перроне встречался дольше полугода (их было много, на каждую имелась подборка информации), вождение в нетрезвом виде в шестнадцать лет, арест за проникновение в чужое жилище со взломом – судимость снята по причине несовершеннолетия, но Смит, как служащий Интерпола, смог получить доступ к полицейским отчетам в Бейонне^[6], а заодно и данные о родственниках Перроне.

Смит добавил в эту подборку последние электронные письма. Он нашел телефон районного управления карабинеров во Флоренции, чтобы информировать местные власти, как предписывала поступить инструкция Интерпола. Смит уже начал набирать этот номер на своем мобильнике, но остановился на секунду, еще раз оценил последствия – и вместо этого позвонил в аэропорт и заказал себе билет во Флоренцию.

Флоренция, Италия

Пройдя в открытую дверь в углу клуатра^[7], я поднялся по крытой лестнице на лоджию, подгоняемый долго копившейся внутренней энергией. Наверху мое внимание привлекла блеклая фреска с изображением Благовещения, но я не стал задерживаться. Сидевшая у входа в библиотеку охранница порылась в моем рюкзаке и показала жестом, что я могу пройти.

Знаменитый вестибюль Лаврентийской библиотеки, построенный пять веков назад, оказался намного меньше, чем я себе представлял, но это было не важно. Все, что я увидел – величественная лестница работы Микеланджело; она заполняла вестибюль и была похожа на живое, дышащее существо. То было движение, застывшее в камне – мне даже представилось, что он когда-то выплескивался сюда в жидком виде, как волны расплавленной лавы, и постепенно затвердевал, образуя ступени.

Центральная лестница была перекрыта, поэтому я свернул на малую боковую и стал подниматься – медленно, ступенька за ступенькой, как будто двигался по ним не только вверх, но и в прошлое.

Передо мной простерлась библиотека, длинная и прямоугольная, она внушала почтение и благоговение. Стараясь шагать только по ковру, покрывавшему изящный мозаичный пол, я пошел по центральному проходу, оглядывая кессонный деревянный потолок и витражные окна, заливавшие теплым солнечным светом деревянные церковные скамьи. В памяти всплыло детское впечатление: я сижу на такой же скамье, зажатый между матерью и отцом, и всякий раз, когда отец повторяет слова молитвы, меня окатывает его обычным утренним пивным перегаром, и мне хочется куда-нибудь убежать.

Потом до меня вдруг дошло, что скамейки огорожены сигнальной лентой, и кроме меня в библиотеке нет ни одного посетителя. За секундной растерянностью последовала паника: разве может дневник

храниться здесь, в этом мавзолее? Здесь вообще бывают читатели? Может быть, Кватрокки все это выдумал?

Я повернул назад и обратился к молодой женщине, сидевшей за столиком у входа.

– Scusami...^[8] – это слово прозвучало неожиданно громко, эхом отозвавшись в пустом помещении. – Как мне... заказать книги... документы?

– Здесь? – она поджала губы. – Это невозможно. Это памятник культуры. Больше не действующая библиотека.

– Что? С каких пор?

– Давно уже. Моя мама сюда ходила, но это было тридцать лет назад.

– Нет, этого не может быть... Я приехал издалека... – собравшись с мыслями, я открыл рюкзак и достал «пермессо» и рекомендательное письмо. – Но у меня есть... это.

Служащая пробежала взглядом документы.

– Все в порядке.

– Да? Как? Если библиотека закрыта...

– *Devi calmati, signore*. Успокойтесь, – она ласково похлопала меня по руке. – Вам нужна научная библиотека. Это рядом. Спросите у охранницы на улице.

Я глотнул воздуха, какое-то время осмысливал ее слова, затем поблагодарил, развернулся и ринулся вниз по парадной лестнице Микеланджело, на сей раз практически бегом.

Охранница у входа внимательно прочитала письмо, а затем указала на тяжелую деревянную дверь с узором из гвоздей, шляпки которых напоминали застрявшие пули. Рядом с дверью висела потертая металлическая табличка «*Medicea Laurenziana Studios*», а также современный цифровой замок и звонок, который я с силой нажал.

Дверь мне открыла женщина лет сорока пяти, одетая в веселенькое цветастое платье. Больше в ней ничего веселого не было: короткая стрижка, поджатые губы, висящие на шейной цепочке очки, которые она подняла к глазам, чтобы изучить мои документы. Затем она молча вернула их мне и пропустила в приемную. Там она забрала у меня рюкзак и жестом предложила пройти через рамочный металлоискатель.

После тревожного сигнала я выложил из кармана ключи и мелочь в ее требовательно выставленную ладонь. Затем еще раз прошел через рамку.

Металлоискатель заверещал снова. Женщина сделала знак, чтобы я подождал, и вернулась с седобородым мужчиной в мешковатом шерстяном жилете. Тот, стараясь не встречаться со мной взглядом, охлопал меня со всех сторон: грудь, спину, бока, ноги с внешней и внутренней стороны, у самого паха.

Суровая дама вынула из моего рюкзака мобильник, показала его мне, а другой рукой указала на табличку на стене: Niente Telefono. Niente Fotos^[9].

– Это останется у меня, – сообщила она. – Возьмете, когда будете уходить.

Телефон отправился в проволочную корзинку на столе, а охранница продолжила рыться в моем рюкзаке. Найдя коробочку леденцов, она принялась осматривать ее так внимательно, словно это была бомба.

– Карамелла, – объяснил я. – Конфетки, понимаете?

– *Mangiare nella biblioteca e' vietato!*^[10] – прогавкала она в ответ.

Я поклялся ничего не есть и машинально перекрестился (остаточный тик строгого католического воспитания). Она посмотрела на меня, прищурившись. Я пригладил волосы за ушами, жалея, что не постригся и не нашел времени побриться. Я снова ощущал себя школьником, которому директор вот-вот скажет: ты отстранен от занятий.

Женщина достала из рюкзака мой ноутбук, отложила его в сторону и наткнулась на пакетик «Джолли Ранчерс»^[11]. «*Mangiare vietato!*»^[12] – повторила она и бросила пакетик в проволочную корзинку. Затем она сунула ноутбук обратно, вернула мне рюкзак, еще раз пристально посмотрела на меня и произнесла несколько слов по-итальянски, обращаясь к обыскавшему меня мужчине, словно я не мог ее понять. А сказала она: «Проводите его в читальный зал, но присмотрите за ним».

Седобородый провел меня через маленькую комнату, в которой имелись: картотечный каталог во всю стену, деревянный стол со стеклянной столешницей, уставленный книгами, и большой шипящий радиатор. За ней оказался собственно читальный зал для научных

работников: ярко освещенная комната средних размеров, вдоль стен которой тянулись полки с книгами, а посередине стоял длинный стол. Две библиотекарши, сидевшие за столиками поодаль, подняли на меня глаза. Бородач тоже оказался библиотекарем. Он сказал, что его зовут Рикардо, и вообще, скрывшись с глаз строгой начальницы на входе, стал гораздо обходительнее. Приглушенным голосом он сообщил, что длинный стол предназначен для таких научных сотрудников, как я, и что я могу заказывать любые книги и материалы у сидящей здесь старшей библиотекарши, а затем представил меня ей.

Та подняла очки на лоб, застенчиво-кокетливо кивнула и протянула руку; ногти у нее были выкрашены в ярко-розовый цвет. Это была очень привлекательная женщина лет пятидесяти, узкий свитер соблазнительно обтягивал ее фигуру. Гортанным хриловатым шепотом она спросила, откуда я приехал, и когда я ответил, что из Нью-Йорка, сообщила, что никогда там не была, но хотела бы съездить. Я ответил на своем лучшем итальянском, что если она соберется к нам, то я с удовольствием ей все покажу. Женщина улыбнулась, бросила взгляд в сторону приемной и попросила простить, если «Муссолини» на входе доставила мне какие-то неудобства. Старшую библиотекаршу звали Кьяра, и она изъявила готовность оказать мне любую помощь. Потом она чуть повернула голову в сторону соседнего столика.

– А это Беатрис, – произнесла она, – иль мио ассистенте.

Ассистентка, молодая женщина лет двадцати, в толстых очках и мешковатом свитере, подняла голову, быстро и неуверенно улыбнулась мне и тут же вернулась к работе.

Кьяра вручила мне бланк запроса, который я заполнил в точности как советовал Кватрокки: Гульермо, Мастера Высокого Возрождения. Библиотекарша внимательно прочитала запрос и передала его Рикардо. Когда тот, прихватив с собой сеточную тележку для книг, удалился в хранилище, Кьяра продолжила интервью: бывал ли я раньше в Италии? есть ли у меня здесь друзья или родственники? надолго ли я приехал? После чего она предложила мне устраиваться поудобнее за длинным столом – где больше нравится – и провожала взглядом, пока я шел к своему месту. Место я выбрал так, чтобы сидеть лицом к ней, но как можно дальше. Мне почему-то хотелось спрятаться – желательно, ото всех.

Устроиться поудобнее не получилось, хоть я и попытался: мне вот-вот предстояло узнать, существует ли этот дневник на самом деле, и эта мысль держала меня в тревожном напряжении.

В зал вошли двое мужчин и сели на другом конце стола: обоим за тридцать, оба в очках, один с коротко подстриженной бородой, другой с усами, эспаньолкой и «хвостиком» на затылке.

Чтобы чем-то занять себя, я достал ноутбук и включил вилку в одну из розеток на столе. Потом откинулся на спинку стула, непроизвольно начал барабанить ногтями по столешнице – и тут же перестал: звук получился гулким, и все в комнате оглянулись на меня. Я виновато улыбнулся им, потом закрыл глаза и вспомнил свой домашний «алтарь» в Бауэри, годы напряженного расследования этой истории вокруг прадедушкиной кражи – теории без выводов, вопросы без ответов. Услышав звук приближающейся тележки, я открыл глаза и увидел, что Рикардо везет в мою сторону длинную плоскую коробку из белого картона. Он выложил коробку на стол передо мной и откатил тележку в сторону.

Несколько секунд я смотрел на нее, затем дотронулся, как будто не веря, что она настоящая. Потом поднял крышку.

В коробке лежала стопка картонных папок, надписанных аккуратным почерком: «Высокое Возрождение во Флоренции», «Раннее Возрождение в Сиене», «Заметки по маньеризму». Несомненно, Гульермо был очень обстоятельным исследователем. Я вынул из коробки одну папку, вторую, третью, четвертую... стопка папок на столе все росла. Выложив еще несколько, я увидел ее – синюю тетрадь, перетянутую грубым шпагатом. Я судорожно вдохнул и украдкой поглядел перед собой, затем вбок: Кьяра изучала какие-то документы, Беатрис сортировала карточки в каталоге, а оба читателя, обложившись книгами, печатали что-то у себя в ноутбуках.

Я поставил крышку коробки на одну из библиотечных подставок для книг, закрывшись ей, как щитом. По бокам от него я воздвиг небольшое укрепление из папок, изо всех сил стараясь, чтобы эти действия казались непреднамеренными. После этого я вынул из коробки тетрадь и развязал бечевку. Обложка истрепалась, и я перевернул ее, как мог, осторожно. Бумага была не разлинованной и немного пожелтела.

Внизу первой страницы я увидел подпись, сделанную карандашом, аккуратным мелким почерком: Винченцо Перуджа.

Потянувшись к своему рюкзаку, я достал отскерокопированный образец подписи прадеда, сделанной на обороте полицейской фотографии. Приложив образец к тетрадной странице, я сравнил его с почерком в дневнике. Почерк был одинаковым.

Под подписью Перуджи тем же мелким почерком были выведены слова: *La mia storia*.^[13]

21 декабря 1914

Тюрьма Муратэ, Флоренция, Италия

*«Non ho dormito in molte notti...»
Я не спал много ночей.*

Матрас тонкий. Переворачиваясь, я каждый раз чувствую каменный пол. В камере очень холодно. Штукатурка на стенах отсырела. Тюрьма не отапливается. Одеядло у меня потертое и колючее. Я хожу туда-сюда, чтобы согреться. И считаю шаги. Шаги делаю маленькие, ступня к ступне. Шесть шагов в ширину. Девять в длину.

Умывальника здесь нет. Туалета нет. Раз в неделю можно помыться в душе. Одно окошко с решеткой. На самом деле никакое это не окно. Оно выходит в узкий коридор, откуда охранники наблюдают за нами. Единственная отрада – ежедневная прогулка во внутреннем дворе. Туда тоже солнце не осмеливается заглядывать.

Я вспоминаю суд, и мне становится стыдно. Я спорил с судьей, с прокурором и даже со своим адвокатом. Прикидывался сумасшедшим страдальцем. Патриотом, так сказать. Но какой из меня патриот.

Приговор вынесли мягкий. Год и три месяца. Я заслуживал более строгого наказания.

Каждый день я получаю подарки. Сигареты. Вино. Продукты. Приходят письма от женщин, которые признаются мне в любви! Но самый драгоценный подарок – это тетрадь и карандаши, которые дал один сжалившийся охранник. Если бы Симона видела меня сейчас, сочла бы она меня глупцом? Я сижу в тюрьме, а те два мерзавца на воле. Я думаю о них днем и ночью. Как получить с них то, что мне причитается. Как поквитаться.

Я стараюсь сдерживать дрожь, когда пишу. Чтобы не дрожал карандаш.

Закрывая глаза, я вижу нашу квартирку на улице Рампоно. Вижу, как поднимаюсь по старым деревянным ступенькам и открываю дверь. Меня встречает Симона. Мне становится так грустно и тоскливо, что слезы текут из глаз.

Но надо решить, с чего начать. Как объяснить, почему моя жизнь пошла под откос.

Можно сказать, что началось все с хорошей новости.

*Декабрь 1910**Париж*

– Ах, Винсент, Винсент, я так счастлива, – Симона кружилась вокруг их «постели». Постель состояла из лежащего на полу матраса, покрытого двумя рваными шерстяными одеялами, поверх которых красовались три вышитые подушки – она купила их на огромном рынке Ле-Аль. Причем удачно купила; она вообще была приметливой и постоянно искала недорогие способы украсить их унылое жилище. Ее глаза блестели, густые светлые волосы вихрем кружились вокруг прекрасного овального лица.

Винченцо смотрел, как она кружится, и ему казалось, что душа у него словно раскрывается – его до сих пор удивляло, что эта умная и нежная красавица отдала предпочтение ему, хотя при желании могла заполучить любого мужчину в Париже. Ее свободное, слегка приталенное платье – единственная уступка ее нынешнему положению – поднялось, приоткрыв краешек нижней юбки и туго зашнурованные ботильоны. Ботильонам было уже три года, но на Симоне все казалось модным. Свои грубые черные чулки она носила как на улице, так и дома. В этом году декабрь в Париже выдался серый и мрачный, и в их старом шестиэтажном доме было холодно, как на какой-нибудь сибирской заставе.

Симона игриво дернула Винченцо за куртку.

– Радуйся, я настаиваю! – воскликнула она и снова начала кружиться, но сразу же остановилась, задохнувшись.

Винченцо обнял ее за талию, но она отстранилась, словно хотела сказать «не нужно меня держать, я не упаду», и все же руку он не убрал.

– Все хорошо, – заверила она.

– Милая, отдохни, пожалуйста.

– Нет, со мной все в порядке. – Она надула алые губки, затем изобразила улыбку и добавила. – Эта выставка – как раз то, о чем ты так долго мечтал.

– Да, – ответил он и честно попытался порадоваться, но что-то мешало. Вместо облегчения он чувствовал себя так, словно какой-то узел затянулся внутри.

– Le Salon de la Nationale!^[14] – в голосе Симоны звучала гордость. – Лучшие произведения парижского искусства, и как раз в его двадцатую годовщину, это важнее и значительнее, чем в другие годы! Говорят, что Роден будет выставляться. Представь себе, Винсент, твои картины рядом с бронзовыми шедеврами Родена!

Он кивнул, позволив себе немножко погордиться.

– Ах, Винсент, это же так чудесно! – произнесла она, все еще тяжело дыша.

– Симона, сядь, пожалуйста.

– Да я просто закружилась, глупости. Со мной все хорошо.

Винченцо посматривал на нее, пока открывал коробку «La Paz», вытряхивал щепотку табака на бумажку и скручивал большим и указательным пальцами тоненький цилиндрик. Взгляд на сигарету вызвал в его памяти слова Поля Сезанна о видении конусов, сфер и цилиндров в природных объектах – слова, которые Пикассо и Брак, и даже его старый друг Макс Жакоб, воспринимали всерьез.

– Эти кубисты... – произнес он, словно выплюнув последнее слово.

– О, Винсент, пожалуйста, только не сейчас, – Симона строго посмотрела на него. – Ты должен быть счастлив! Я настаиваю!

Он вздохнул, пытаясь осмыслить и прочувствовать тот факт, что две его картины в этом сезоне войдут в экспозицию крупнейшей парижской выставки.

– А что, огонь потух? – спросил он, чтобы переменить тему, и скрылся в другой комнате, их единственной другой комнате, которую Симона превратила в сказочный мир, разрисовав стены ветвями плюща и винограда в стиле китайских свитков.

Мисс Стайн^[15], побывав у них в гостях, назвала эту роспись любопытной и забавной, хотя поначалу думала, что это работа Винченцо. С Симоной она общалась мало, и во время их последнего визита на улицу Флерюс 27 та была поручена ее жуткой подруге с

крючковатым носом, мисс Токлас, которая всегда разговаривала с женами. Это было почти год назад. Их обычные походы по выставкам и студиям становились все реже, потому что Винченцо делался все более замкнутым, даже озлобленным, но Симона надеялась, что после выставки все переменится.

Она остановила Винченцо, собиравшегося подкинуть в печь поленьев.

– Не трать дрова. Пойдем погуляем. Такое событие нужно отпраздновать!

Она крепко обняла его за шею и поцеловала в щеку.

Ему хотелось сказать: «А где мы возьмем денег?» Его скудное жалованье уходило на книги, краски и кисти, а остаток они откладывали для будущего ребенка.

– Будем веселиться, и все! – топнула ногой Симона. – Не смейте спорить со мной сегодня, месье Перуджа!

– Я и не спорю, – ответил он. Да и как бы он посмел? Симона никогда ни на что не жаловалась: ни на холод, ни на общий санузел в коридоре, ни на безденежье. Мог ли он отказать ей в маленьком празднике?

Он посмотрел на ее прелестное лицо, слегка располневшее из-за беременности, и выдавил из себя улыбку. Подумать только, скоро он станет отцом. Но беспокойство не отпускало. С прошлой зимы у Симоны тянулась череда недомоганий и заболеваний, она постоянно кашляла и простужалась вплоть до воспаления легких. Хотя сейчас она просто сияла от счастья.

– Хорошо, – сказал он, шагая между стопками книг. Многие страницы в них были загнуты и исписаны пометками – результат его неизбывного стремления компенсировать отсутствие официального образования. – Мне надо кое-что рассказать тебе о том, что я делал сегодня в Лувре.

– Расскажи!

– Не сейчас, – поддразнил он ее. – За ужином скажу.

Симона за пару минут заколола волосы под своей шляпкой-клош и надела толстый свитер, который уже сидел на ней в обтяжку.

– Пойдем. – Она протянула мужу изящную руку.

На улице Винченцо обнял Симону за плечи, и она прижалась к нему сбоку. Он почувствовал гордость и слабую надежду. Может быть,

эта выставка поможет продать хоть несколько картин, им ведь так нужны деньги. Да, заверил он себя, все наладится. Он заметил, что Симона засунула руки под свитер, придерживая ими увеличившийся живот. Ему все еще не верилось, что у них скоро будет ребенок.

Они пересекли канал Сен-Мартен. «Построен Наполеоном», – сообщил Винченцо: голова его была забита множеством прочитанных фактов. Затем они взобрались на один из холмов, по которым проходит улица Бельвиль, и остановились, чтобы полюбоваться сверху видом на город, украшенный газовыми фонарями вперемежку с новыми электрическими лампочками, похожими на раскаленных светлячков.

– Здесь всегда так красиво. – Симона выдохнула вместе со словами легкое облачко пара.

Винченцо промолчал; Париж не был его родиной и не стал ему домом. Он так и не прижился здесь и в отсутствие Симоны все время чувствовал себя приезжим. Едва они вышли из своего бедного «цыганского» района, запах подкисшего козьего молока и мусора сменился чистым холодным воздухом, приправленным ароматом каштанов – их продавали на каждом углу в маленьких бумажных пакетиках, которые Винченцо иногда приносил домой. Он запивал каштаны холодным белым вином и называл это ужином.

Когда Симона устала, они сели в один из новых моторных омнибусов и поехали на площадь Вогезов, окруженную прекрасными домами и особняками, в которых, как заметил Винченцо, когда-то заходили кардинал Ришелье, Виктор Гюго, куртизанки и королевы. Однажды, думал Винченцо, они купят себе такой же роскошный дом. Симона, женщина, которую он несказанно любил, этого заслуживала.

Улица Риволи была запружена транспортом – новые автомобили и такси вытесняли лошадиные упряжки – и они выбрались из омнибуса и пошли вдоль реки, где было потише. Деревья стояли голыми: серые стволы, тонкие ветки. Буксир тащил по реке баржу, над которой с пронзительными криками кружила стая морских птиц. Налетел ветер, он растрепал густые черные волосы Винченцо и принялся задирать широкую юбку Симоны, которую та старалась придерживать.

– Любимая, ты не замерзла? – спросил Винченцо, которого все время беспокоило хрупкое здоровье жены.

– Нет! – ответила она, совладав, наконец, с юбкой и улыбаясь. – У меня все в полном порядке!

Он понимал: Симона не признается, что озябла, чтобы не испортить этой прогулки вдвоем. Он улыбнулся ей – Винченцо так редко это делал в последнее время – и поцеловал в лоб. Они пошли дальше, обсуждая, где бы поесть. Симона предложила одно кафе, Винченцо – другое, подешевле. Потом он вдруг заявил:

– Мы поужинаем в «Чудесной рыбалке»!

– Что? – Симона даже остановилась и повернулась к нему. – Со мной сейчас действительно Винченцо Перуджа – мужчина, который не жалуется на отсутствие денег, только когда спит?

– Неправда, я никогда не сплю, – парировал он, и сказал при этом правду, но сказал ее смеясь, и Симона подхватила этот смех. – У нас ведь праздник, кутить – так кутить!

Он крепче обнял ее за плечи, и они пошли мимо статуи Генриха Четвертого, где остров Сите резко обрывался, через небольшой прибрежный парк. Поодаль на реке буксир выпускал в небо клубы дыма: все в серых и черно-белых тонах, как у Эдуарда Мане, которым Симона восхищалась и даже подражала ему в своих картинах.

Сразу за парком располагался ресторан с видом на Сену. Внутри было уютно и шумно, пахло морепродуктами и табачным дымом.

– Устрицы, – провозгласил Винченцо, когда они, по его настоянию, уселись за столик у окна. – И бутылку вашего лучшего «мюскаде».

Официант выгнул бровь.

– Какие-то проблемы? – Винченцо хмуро посмотрел на него, разглаживая свой поношенный пиджак.

– Нет, месье, – ответил тот и поспешно удалился.

– Ты видела, как он на меня посмотрел? Так, как будто мне здесь не место, как будто я бродяга или преступник какой-нибудь!

– Успокойся, – попросила Симона. – Не порть наш праздник. Ничего не было.

– Ничего? Он посмотрел на меня так, словно я какой-нибудь нищий, который пришел ограбить этот его пафосный ресторан!

– Винсент, пожалуйста, не сейчас.

Винченцо смиренно склонил голову. Тогда Симона приподняла его подбородок своей изящной рукой и сообщила:

– Я сижу с самым умным и красивым мужчиной в этом зале.

– Самым умным?

– А кто больше всех читает ученых книжек? Хотя звание самого красивого тебя, похоже, больше устраивает? – продолжала она. – А скоро ты станешь самым успешным!

Винченцо невольно улыбнулся.

Принесли устриц, Винченцо и Симона выжали на них лимон и стали неторопливо есть, прихлебывая соленую воду из раковин. Они допили бутылку вина, и Винченцо, возможно, немного захмелев, заказал еще одну, чтобы выпить ее с *pommes de terre à l'huile*, запеченным в масле картофелем, и теплым хрустящим хлебом.

– Так что ты хотел рассказать мне о своей сегодняшней работе? – спросила Симона.

– Ну, ты же знаешь Гастона Тикола, который руководит у нас отделом реставрации, этого тирана и негодяя, который все время называет меня «иммигрантом» и помыкает, гоняет меня туда-сюда... – Винченцо тяжело вздохнул. – Не обращай внимания. Я хотел сказать, что сегодня он поручил мне закрыть некоторые картины стеклом.

– Закрывать стеклом? Но их же будет невозможно рассмотреть из-за бликов...

– Возможно, но в музее решили, что сохранность шедевров важнее. Да и не в этом дело. Интереснее то, какие картины будут убраны под стекло и с какой картиной мне сегодня пришлось работать.

Симона наклонилась над столом, огни свечей отражались в ее глазах, придавая им золотистый оттенок.

– С какой же?

Винченцо несколько секунд помедлил. Ему доставляло удовольствие выражение любопытства на лице любимой.

– Угадай, – предложил он, широко улыбаясь – это случилось так редко, что Симона приняла игру и задумалась, постукивая пальчиком по губам.

– «Аллегория» Курбе?

– Да нет, это слишком большая картина, чтобы закрывать ее стеклом, ты же знаешь. – Улыбка сошла с его лица, а подслеповатый левый глаз сердито прищурился.

– Ой, ну, не смотри на меня так, – попросила Симона.

Ему стало стыдно за свою несдержанность по отношению к этой замечательной женщине, но ему хотелось подать свою историю так,

чтобы заинтриговать Симону и донести до нее тот трепет, который он испытал.

– Сделай еще одну попытку.

– Может, тот ужасный Тициан в Квадратном салоне?

– Теплее, теплее...

– Говори же! – дотянувшись через стол, Симона игриво шлепнула его по руке.

– Не кто иной, как сама мадонна Леонардо.

– Нет! – она широко раскрыла глаза. – Не может быть!

– Да! Я держал ее в руках.

– «Мону Лизу»! Врешь!

– Вот так держал, у самого лица, – Винченцо показал пальцами один сантиметр. – Я мог рассмотреть все детали – горы и тропинки, тщательно прописанные волосы, даже трещинки на лаке.

Глаза Симоны распахнулись еще шире.

– Ну, и как, Винсент? Что ты чувствовал?

Этот вопрос застал его врасплох. Что он чувствовал? Волнение? Да. Возбуждение? Безусловно. Хотя спустя несколько месяцев он признается себе, что уже в тот момент почувствовал зависть – зависть к Леонардо, создавшему то, что ему самому никогда не удастся, нечто совершенное во всех отношениях – и желание навсегда удалить его творение из этого мира.

– Могу я увидеть ее? – спросила Симона.

– Конечно. Ты можешь в любой день прийти на это унылое кладбище искусства и поглазеть на эту картину, как и все остальные.

– Ах, Винсент, как ты можешь такое говорить. Ведь когда-нибудь и твои работы, а может, и мои, окажутся на таком же кладбище. Но я имела в виду, когда ты в следующий раз возьмешь картину в руки, могу ли я прийти и посмотреть на нее в твоих руках?

– Тикола никогда этого не позволит.

– Ну, тогда у меня есть идея получше. Принеси мне картину на дом, и я повешу ее над нашей постелью!

Симона рассмеялась, и Винченцо посмеялся в ответ, но про себя подумал, что принес бы картину домой, если бы мог. Ради этой женщины он готов был сделать все что угодно, вообще, буквально.

Когда они, покончив с ужином, допивали сладкий кофе со сливками, Симона сказала: «Ах, Винсент, это было прекрасно» – и он

согласился с ней. Хотя, несмотря на все выпитое и съеденное, ощущал какую-то пустоту внутри.

После ужина они гуляли в саду Тюильри, возле фонтана, где была отключена вода, и прямоугольных клумб, на которых не было цветов. Винченцо обнимал Симону, и она делала вид, что ей тепло, а он притворялся, что сыт и доволен, хотя чувство странного опустошения не отступало.

Заметив, что Симона дрожит, он настоял, чтобы домой они поехали на омнибусе, невзирая на расходы. И потом, уже после того, как они позанимались любовью, он лежал на матрасе, держа руку у нее на животе, и смотрел, как она спит, осторожно укрыв ее шерстяным одеялом до самого подбородка – даже в тот момент, когда он восхищался красотой этой принадлежавшей ему прекрасной женщины, он чувствовал ту пустоту в душе. И позже, когда он так и не смог заснуть и встал, чтобы пройтись по комнате, расписанной зеленым виноградом и плющом, и посмотреть в окно на освещенный луной недостроенный купол новой церкви Сакре-Кер, он чувствовал все ту же пустоту.

Он достал из стопки книг стихи Бодлера «Цветы зла» и прочел строфу о смерти и разложении. Дрожащими руками он быстро вернул книгу на место, хотя слова поэта остались в его мыслях незатухающим эхом.

Утром Симона проснулась простуженной и чувствовала себя так плохо, что не пошла на свою работу в галантерейный магазин. Винченцо перед уходом заварил полный чайник чая и подбросил в печь побольше дров, чтобы ей было тепло, пока он трудится в музее.

На прощанье он поцеловал Симону – и в этот момент вновь почувствовал, даже сильнее, чем раньше, ощущение пустоты, хотя все еще не мог понять, чем оно вызвано.

Лишь спустя несколько месяцев он понял, в чем дело, но к тому времени было уже слишком поздно.

Лаврентийская библиотека

Флоренция, Италия

Меня отвлек от чтения звук чьих-то шагов. Звонко постукивая по деревянному полу высокими каблуками сапог, в зал вошла молодая блондинка. Я проводил ее взглядом, пока она шла к столику Кьяры, стягивая на ходу длинные кожаные перчатки каким-то театральным жестом, словно играла на сцене. Наши взгляды встретились, но она, казалось, смотрела не столько на меня, сколько сквозь меня, и может быть, меня и вовсе не увидела. Потом она, наклонившись, заполнила бланк запроса и стала ждать свои книги, стоя спиной к залу и каким-то завораживающим движением похлопывая парой перчаток по ладони. Ее шерстяное пальто было цвета охры, как и многие здания, увиденные мной во Флоренции, и я подумал, не купила ли она его, чтобы слиться с окружающей обстановкой, хотя пальто было явно недешевым, из тех, что бросаются в глаза.

Когда Рикардо принес ей книги, она одарила его такой широкой улыбкой, что он даже смутился. Прижав книги обеими руками к груди, как школьница, она направилась к столу. Другие мужчины, как я заметил, тоже оторвались от работы и смотрели на новую читательницу. Она выбрала себе место подальше от всех нас и неторопливо устроилась, предварительно сняв пальто и повесив его на спинку стула. Несколько секунд она изучала одну книгу, затем другую, теребя свои белокурые пряди, выбившиеся из общего пучка, в который были забраны ее волосы. Я делал вид, что продолжаю читать, но никак не мог оторвать глаз от плавного изгиба ее шеи. Она бросила на меня быстрый взгляд, и я уткнулся обратно в дневник, пытаюсь вспомнить, зачем пришел сюда, и вернуться мыслями к прочитанному.

За долгие годы поисков мне ни разу не доводилось слышать, что мой прадед был в числе художников Национального салона. Возникал

вопрос, не помешало ли ему что-нибудь участвовать в выставке. Надо сказать, до сей поры я не встречал и сведений о том, что он вообще был художником. Новость эта была для меня утешительной и имела смысл: никто из моих родителей, бабушек и дедушек, насколько я знал, не занимался искусством, и вот, наконец, в моем роду нашелся художник. Я пытался представить себе, какие картины писал мой прадед, и надеялся, что когда-нибудь это выясню. Записав себе для памяти, что нужно будет ознакомиться с экспозицией той выставки, я взглянул на часы. К моему удивлению, близился уже час дня – то есть за чтением пролетело все утро. Я бы и еще с удовольствием поработал, но библиотека закрывалась на обед, а у меня была назначена встреча с Луиджи Кватрокки – человеком, чье письмо привело меня сюда.

Прежде чем вернуть коробку библиотекарям, я аккуратно уложил обратно дневник и тщательно прикрыл его папками профессора Гульермо. Я уже ощущал себя как бы владельцем этого дневника, словно все эти годы он ждал меня и только меня.

Я мог бы пройти к двери со своей стороны стола, и здесь было ближе, но вместо этого я пошел вокруг дальнего конца, где сидела блондинка. Когда я проходил мимо, она подняла глаза, и мы еще раз обменялись взглядами. Она была даже красивее, чем мне показалось вначале: лицо ее словно светилось изнутри, а осанка была как у школьницы за партой. Не твоего поля ягода, сказал я себе, и все-таки, не удержавшись, еще раз посмотрел на нее – и наши глаза снова встретились, но она сразу же отвела взгляд, поспешно уткнувшись в книгу, словно я застал ее за чем-то постыдным.

«Муссолини» на вахте вновь забрала у меня рюкзак, порылась в нем, потом вернула, а заодно и мой телефон. Когда я напомнил про леденцы, она вынула их из проволочной корзины, держа коробку кончиками пальцев, словно там был какой-то яд, и она боялась к нему прикоснуться, а затем направила меня к рамочному металлоискателю таким толчком, который трудно было назвать деликатным.

У выхода я задержался, чтобы посмотреть на садик с возвышения, откуда была лучше видна его шестиугольная форма. Бросив взгляд на противоположную сторону клуатра, я заметил в тени верхней аркады какое-то движение. Мне показалось, что это был человек в обычной светской одежде, не монах. Разглядеть я его не успел. А может быть, там никого и не было.

Стены ресторана были выкрашены в кремовый цвет и увешаны обрамленными кадрами из старых черно-белых итальянских фильмов. В собравшейся здесь молодежи я без труда угадал студентов – они во всем мире выглядят одинаково. Здешние были разве что чуть более стильно одеты: мальчики в обернутых вокруг шеи шарфах, девочки в пуловерах с треугольным вырезом и обтягивающих джинсах. Грузный мужчина, старше меня лет на тридцать-сорок, помахал мне рукой, и я стал пробираться к нему между тесно стоящими столиками. В ресторане былолюдно и шумно, типовой техно-поп задавал ритм обычному гаму, все разговаривали и курили так, что у меня защипало в глазах.

Когда я приблизился, Кватрокки кивнул, и мы обменялись рукопожатиями. Ладонь у него была сухой и теплой.

– Как вы меня узнали?

– Погуглил, – ответил он. – Там же есть фотографии. С позволения сказать, в жизни вы гораздо лучше выглядите. Извините, если я говорю что-то не так. Вы ведь только что приехали. Наверное, очень устали?

– Ни капельки, – произнес я, и это была правда: несмотря на разницу часовых поясов и утро, проведенное в библиотеке, я ощущал небывалый прилив энергии.

Кватрокки в своем парчовом жилете и узорчатом галстуке выглядел джентльменом эдвардианской эпохи и резко выделялся на фоне студентов, некоторые из которых, проходя мимо нашего столика, кивали и приветливо улыбались ему.

– Они явно вас любят, – заметил я.

– Как и я их... хотя работа преподавателя порой – сущий ад.

– Это точно, – согласился я. – Похоже, вы из Англии? Не итальянец?

– Нет, просто я учился в Оксфорде. От некоторых словечек и акцента трудно избавиться, да я, если честно сказать, и не пытался, – ответил Кватрокки. – Держу пари, вы думали, что я ношу очки.

– Почему? А... ваша фамилия. Понимаю. Кватрокки – по-итальянски значит «четыреглазый». Нет, мне это не приходило в

голову.

– Значит, в вашей школе так не дразнились. – Кватрокки приподнял графин. – Вина?

Когда я ответил, что предпочитаю газировку, он нахмурился и принялся убеждать меня, что стакан вина только улучшит мое настроение.

– Чересчур улучшит, – возразил я, вспомнив свои запойные дни и ночи.

Кватрокки подозвал официанта, спросил разрешения сделать заказ за меня и велел принести суп минестроне и бутылку пеллегрино ^[16].

– Фирменное блюдо заведения, лучшее в меню, – затем он подался вперед так, что пуговицы жилета готовы были оторваться, и спросил почему-то шепотом. – Вы видели дневник?

– Да. Он лежал на самом дне коробки, спрятан под папками.

– Правда? А мне казалось, что я клал его сверху. Старею, наверное. Да я и так уж старый, – он провел рукой по своим редким волосам, зачесанным вперед в тщетной попытке скрыть уже обозначившуюся лысину. – Забыл, должно быть. Тяжелый это был период, когда Тонио ушел и... Ну и как, интересный он, этот дневник?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что Тонио – это уменьшительное от Антонио. Так звали профессора Гульермо, который раздобыл дневник. Я ответил, что да, дневник очень интересный, и спросил, читал ли его Кватрокки. Он, казалось, был поражен этим вопросом.

– Нет, ни словечка. Будь Тонио жив, может быть, я бы и почитал, но... я только начинаю привыкать к тому, что я теперь... один, – голос Кватрокки дрогнул, и на глазах показались слезы.

– Мне очень жаль, – пробормотал я, поняв, что Кватрокки, очевидно, был не просто коллегой покойного и каталогизатором его архива.

– Да жалеть, в общем, не о чем, – сказал он, вытирая слезы. – Мне повезло. Я очень рано нашел своего учителя. Тонио был моим преподавателем в университете. Мне был двадцать один год, ему – сорок два. Мы были как Леонардо и Салаи.

– Но вам-то было не десять лет! – о Леонардо и его юном ученике я знал не только потому, что много лет преподавал искусствоведение,

но и по причине своей одержимости всем, что касалось Леонардо.

– Да, и я не был ни воришкой, ни пронырой, ни красавчиком – хотя в то время выглядел получше, чем сейчас!

– Я читал, что Леонардо и сам был красивым молодым человеком, любил разгуливать по улицам Флоренции в розовых туниках и фиолетовых чулках, но состарился раньше времени.

– Как и все мы, – Кватрокки вновь провел своими пальцами, украшенными множеством перстней, по скрывающему лысину зачесу. – Знаете, официально Салаи был приемным сыном Леонардо.

– И кажется, написал копии с нескольких картин Леонардо и пытался продать их, выдав за оригиналы?

– Это не доказано, хотя могло быть. Но он, видимо, заботился о Леонардо – он оставался с ним до самой смерти, – Кватрокки отвел взгляд, глаза его вновь увлажнились. – Простите. Я все еще очень тоскую. Прошел всего месяц, как Тонио ушел из жизни, буквально накануне своего девяностолетия.

Он изящно промокнул глаза, затем взял себя в руки и пустился в рассуждения о том, что большинство выдающихся художников эпохи Возрождения были нетрадиционной ориентации.

– ...и в их числе Микеланджело и Донателло, но один лишь Леонардо делал это открыто, остальные скрывали свою гомосексуальность, и это было благоразумно, ведь во Флоренции пятнадцатого века она была запрещена законом...

– Может быть, слишком открыто для своего времени, – заметил я. – Он даже побывал под арестом за содомию с мужчиной-проституткой. И вы, должно быть, знаете про его трактат про мужской орган – «О пенисе» – где Леонардо утверждает, что пенис действует независимо от воли своего обладателя, и его следует украшать, а не скрывать? У моих студентов этот трактат пользуется популярностью.

– Похоже, ваши лекции по искусствоведению гораздо веселее моих!

– Я стараюсь, – улыбнулся я. – Вы сказали, что профессор Гульермо попросил вас связаться со мной. Как он догадался это сделать?

– Полагаю, он выяснил, что вы – правнук Винченцо Перуджи, а найти вас нетрудно – «Фейсбук», «Твиттер», сайт вашего университета. Тонио был настоящим исследователем и, несмотря на

преклонные годы, очень упорным и проницательным, – Кватрокки сделал знак, чтобы принесли счет и, не слушая возражений, заплатил за нас обоих.

Улица встретила нас прохладным свежим воздухом и уже знакомыми сочетаниями каштана и охры на старых зданиях. Кватрокки нужно было обратно в университет, и я пошел с ним, надеясь получить ответы на накопившиеся вопросы.

– Вы не знаете, что он собирался написать об этом дневнике?

– Не знаю. Он не успел ничего написать. Он ушел... – Кватрокки глубоко вздохнул, – ...так внезапно. Вы, вероятно, думаете, что в его возрасте смерть не является неожиданностью, но Тонио не был типичным девяностолетним стариком. Он проходил по несколько миль в день и был воплощением здоровья. Если бы не этот несчастный случай, он, безусловно, был бы сейчас с нами.

– Несчастный случай?

– Его сбил автомобиль. Нарушитель скрылся, оставив старика умирать на улице, можете себе представить? – Кватрокки покачал головой. – А потом, вдобавок ко всему, на следующий день после смерти Тонио, какие-то хулиганы или наркоманы залезли в нашу квартиру и перевернули там все вверх дном. Я потом несколько недель наводил порядок.

– Что они украли?

– В том-то и дело, что ничего. Возможно, что-то искали, хотя в полиции сказали, что это была, скорее всего, шайка малолетних правонарушителей – иначе у них хватило бы ума украсть что-нибудь из нашего антиквариата, а они просто поломали несколько ценных изделий!

– Но дневник они не взяли.

– Нет. Тонио хранил его в своем кабинете в университете.

Мне пришла в голову тревожная мысль: если я мог двадцать лет искать этот дневник, чтобы разгадать вековую тайну, то этим могли заниматься и другие люди.

– А сколько времени дневник был у Антонио?

– Недолго, всего несколько недель. Хотя впечатление произвел на него сильное. Тонио не раз говорил, что читает удивительный документ – дневник человека, который украл «Мону Лизу»!

– А, так вы знакомы с содержанием.

– Это все, что я знаю.

Когда я спросил, не обсуждал ли он с кем-нибудь этот дневник, Кватрокки, кажется, даже обиделся.

– Нет. С какой стати?

– А профессор Гульермо?

– Поскольку он планировал что-то опубликовать на эту тему, думаю, что он держал свое открытие в тайне.

– Вы не в курсе, как ему достался дневник?

– Думаю, через какого-нибудь букиниста. Гульермо сотрудничал со многими из них, главным образом, местными, но знал несколько торговцев из Парижа и Германии.

– У него был список этих торговцев, или, может быть, сохранилась квитанция о покупке дневника?

– Я разбирал его бумаги, но не помню, чтобы наткнулся на что-нибудь подобное, а Тонио был очень аккуратным человеком, – Кватрокки помолчал, словно вспоминая. – Хотя до его письменного стола я лишь недавно добрался. В первую неделю было слишком тяжело этим заниматься, понимаете?

– У него была какая-нибудь телефонная книга или ежедневник?

– Для деловых встреч он вел записную книжку, и это было единственное, что он делал очень неаккуратно. Он пользовался этой записной книжкой много лет и отказывался поменять на новую. Кстати, только сейчас я понял, что давно ее не видел.

– А его мобильный телефон?

– У Тонио не было мобильного, он их терпеть не мог.

Кватрокки шел невыносимо медленно. Он распахнул пальто и вспотел, при том, что я продрог в своей кожаной курточке. Улицы здесь были очень разными – то широкими, то узкими, то с плавным изгибом, то угловатыми. Наконец, мы вышли на просторную площадь, вокруг которой выстроились модные магазины, а в центре красовалась старинная карусель с вычурными узорами, правда, похоже, не действующая.

– Площадь Республики, когда-то здесь собирался древнеримский форум, – произнес Кватрокки, указывая на триумфальную арку, под которую мы свернули. Когда мы двинулись дальше по извилистым улочкам, он взял меня под руку. Он то и дело останавливался, чтобы отдышаться, затем снова цеплялся за мой локоть, и мы шли дальше по

улице, зажатой между светло-коричневыми зданиями. Не считая тяжелого дыхания и эпизодических вздохов, он вел себя, в общем-то, спокойно, как вдруг остановился и повернулся ко мне.

– Я сейчас кое-что вспомнил: мне звонил один коллекционер старинных документов. Это он так назвался: коллекционер старинных документов. Он сказал, что слышал об этом дневнике от кого-то из старых знакомых профессора Гульермо. Он не уточнил, от кого именно, а если и называл имя, то я его не знал и не запомнил. Он спросил, не знаю ли я, где находится дневник, и даже предлагал вознаграждение.

– Что вы ответили?

– Сказал, что понятия не имею, о чем речь. К тому моменту я уже выполнил просьбу Тонио – сообщил вам о дневнике – да и не искал в этом никакой выгоды для себя. У Тонио была хорошая пенсия, у меня приличное жалованье, я ни в чем не нуждаюсь.

– И он вам поверил?

– Видимо, да. По крайней мере, больше не звонил.

По улице пронесся порыв ветра, и я в очередной раз содрогнулся, но не столько от холода, сколько от мысли, что кто-то, кроме меня, ищет дневник Перуджи. Взлом квартиры профессора и звонок загадочного коллекционера не выходили у меня из головы, и я снова спросил, не мог ли кто-нибудь еще знать о дневнике.

– Кроме меня, только один человек – моя секретарша. Она печатает мои лекции и письма, в том числе электронные – всю корреспонденцию. Но ей семьдесят восемь лет, из которых почти пятьдесят она проработала в университете, и заслуживает всяческого доверия.

– Не возражаете, если я с ней поговорю?

– Синьор Перо-ни, – произнес Кватрокки, с ударением на каждом слоге моей фамилии. – Синьора Моретти – воплощение благоразумия. Но если вы настаиваете на беседе с ней, то это будут, как вы, американцы, говорите, «ваши похороны».^[17]

Он шел за этими двумя от самого ресторана, далеко позади, не боясь упустить, потому что толстяк двигался так медленно, что приходилось, наоборот, останавливаться, сворачивать в переулки или прятаться за припаркованными машинами. Хотя они его не знают, а он-то их лица изучил хорошо по фотографиям в Интернете. Перроне оказался выше и внушительней, чем на фото, а Кватрокки толще – он то и дело цеплялся за ограду, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

И вот они подходят к университету, а он останавливается у ряда велосипедов и мотоциклов и закуривает, поглядывая на студентов, которые проходят мимо, смеясь и разговаривая. Он пытается вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя таким же беззаботным – и не может.

Вместо этого вдруг приходит воспоминание, как падал брат. Он проводит тыльной стороной ладони по глазам, словно желая стереть видение, но оно не исчезает – остаточное изображение, вызвавшее эмоцию, от которого он, казалось, избавился много лет назад.

Он с силой сжимает веки и вновь открывает их, услышав, как по-девчачьи смеется жирный итальянец. Он, наверное, и визжит тоже, как баба. А к Перроне надо бы присмотреться, он на вид крепкий и напористый – как раз такой, каких приятней всего ломать.

Вернувшись в «Палаццо Сплендор», я получил ключ от номера у того же парня за стойкой – он снова говорил по телефону, а может быть, и вовсе не прекращал. Помочь мне донести сумку на второй этаж он не предложил – при том, что лифта в гостинице не было.

Царской роскоши за сто двадцать евро в неделю я не ожидал и оказался прав. Мои однокомнатные апартаменты включали крохотную ванную (раковина, туалет, душ без занавески), мини-кухню (маленький холодильник, плита, раковина), недействующий камин с пустой каминной полкой, двухместную кровать с потертым ситцевым покрывалом, комод, на нем зеркало в деревянной раме, и наконец, шкаф, настолько узкий, что три имевшиеся вешалки входили в него только под углом. На единственном окне не было штор, но это не имело значения, поскольку оно выходило в глухой темный проулок.

Принявшись распаковывать чемодан, я почувствовал, как заботы этого долгого дня начали понемногу отступать. На смену им хлынули мысли обо всем, что я оставил позади – о работе, студии, друзьях. Вспомнился разговор с моим арт-дилером из Челси, который состоялся меньше недели назад.

– *Мне придется закрыть галерею, Люк. Я просто не могу ее больше содержать.*

– *И чем ты займешься?*

– *Сделаю небольшую паузу, попутешествую. Мир искусства меня вымотал за последние десять лет.*

– *Меня тоже.*

– *Не расстраивайся, Люк. Ты найдешь себе другую галерею.*

У меня не было такой уверенности. Моя последняя выставка, четыре года назад, прошла неважно, коллекционеры, прямо скажем, не выстраивались в очередь за моими работами, а я видел, что случилось с другими малоизвестными художниками, когда их галереи закрылись. В итоге они оказывались в дешевых кооперативных галереях, где боролись друг с другом за каждый кусок стены, хотя смысла в этом никакого не было, потому что коллекционеры и критики на эти выставки не ходили.

Стараясь не думать о своих картинах, я стал раскладывать белье и носки в верхнем ящике комода. Но в памяти уже возник по ассоциации другой разговор, который состоялся чуть позже с заведующим кафедрой, специалистом по искусству французского рококо восемнадцатого века. В особенности он любил Ватто и Фрагонара – художников, создававших веселенькие картины с розовыми девушками на качелях или млеющими в садах влюбленными.

«Для получения должности профессора вам нужно провести выставку своих работ».

Выставка? Без галереи? Это не так просто. Но я не стал говорить ему, что моя галерея закрылась.

Я перестал раскладывать вещи, присел на край кровати и задумался. Чем же стала для меня эта поездка – погоней или бегством? Глаза мои закрывались от усталости, тело расслаблялось, но сознание продолжало работать.

Разговор с Кватрокки породил больше вопросов, чем дал ответов. Поход в университет закончился полным поражением. Секретарша Кватрокки, сморщенная старуха, выглядела так, будто каждый день ела американцев типа меня на завтрак. Она признала, что набирала электронное письмо, но в ответ на мой вопрос, мог ли еще кто-нибудь прочитать его, она смерила меня убийственным взглядом и молча вышла из комнаты.

Откинувшись на спину, я стал смотреть на лепнину на потолке – единственную красивую часть комнаты. Но через минуту, не в силах успокоиться, встал и достал из багажа привезенные с собой газетные статьи и полицейский снимок Винченцо Перуджи – единственное фото прадеда, которое мне удалось найти. День, когда это случилось, я помнил так ясно, словно с тех пор прошло не двадцать лет, а несколько часов.

Пыль и паутина. Грязь и мышиный помет. На чердаке душно, и под невысокой раскаленной крышей такое же пекло, как и снаружи: в середине лета в Бейонне, в штате Нью-Джерси, царит зной. Что может быть хуже? Во всяком случае, так мне казалось в мои четырнадцать лет, когда я был наказан. Вначале – летними дополнительными занятиями по алгебре. Если x равен игреку, то... «То какая на хрен разница?» – поинтересовался я у учителя. Он пожаловался директору, а тот – родителям. Засим последовало

наказание, одно из множества в те годы. «Приберись на чердаке!» Надуманная нудная работа, чердаком никто не пользовался.

Первый час я тупо просидел на заднице, куря сигареты, а потом заметил задвинутый в угол старый пароходный кофр. На богатую добычу я не надеялся, но когда стер рукой пыль с крышки, открылись инициалы “С.П.” Через минуту до меня дошло, что кофр, должно быть, принадлежал моему деду Симону Перроне, который жил в Италии и умер до моего рождения.

Замок пришлось вскрывать отверткой. Внутри, прямо сверху, лежала винтовка, которую я тут же достал и осмотрел. Дерево немного поцарапано, ствол металлический, спусковой крючок заржавел. Я тут же представил, как похвастанюсь этой находкой перед пацанами, да так потом и сделал.

Под винтовкой лежала фотография, полицейский снимок анфас и в профиль, с надписью внизу: «il carcerato 378 699».

Заключенный, значит. На обратной стороне мелким ровным почерком подпись: Винченцо Перуджа.

Мой прадед?

Больше я не обращал внимания на чердачную духоту и мух, жужжавших у самой головы. Я не мог оторваться от фотографии этого человека, этого преступника! Вечером за ужином я выложил этот снимок на стол и увидел, как отец перестал жевать.

– Это ведь отец твоего отца, да? Мой прадедушка Винченцо.

– Это... никто, – пробормотал отец невнятно: он уже был изрядно под хмельком. – Сам не понимаешь... ерунду какую-то говоришь.

Я вскочил из-за стола и убежал: мне все равно не хотелось жевать мясной рулет с консервированным горошком. «Вернись!» – крикнул вслед отец. У матери вид был такой, словно она собиралась заплакать. Она часто плакала – а что ей оставалось, если она не могла справиться ни с мужем-хулиганом, ни с сыном-правонарушителем.

Потом я встретился с приятелями из нашего района, похвастался старой винтовкой и выпил несколько кружек пива. Но фотографию прадеда я им не показал. Этой находкой мне не хотелось ни с кем делиться.

Несколько недель я донимал родителей этим снимком, но все без толку. Они вели себя так, как будто прадеда никогда не существовало, притворялись, что не знают, о ком речь, говорили, что я спятил. А я

довольно скоро выяснил, что они в прошлом поменяли фамилию – еще один до той поры неизвестный мне факт. Тогда и начались мои ночные поиски в Интернете, письма, простые и электронные, недели, месяцы, годы сбора информации – в конце концов, это стало для меня чем-то вроде миссии: узнать все возможное о Винченцо Перудже, человеке, выкравшем «Мону Лизу»!

Черт побери! Подумать только: этот чел, этот преступник, был моим прадедом. Я не мог понять, почему мои родители так стыдятся этого родства, ведь самому мне хотелось рассказать о нем всему миру. Мысль об этом казалась настолько захватывающей и опасной, что я решил выяснить все о своем прадедушке.

Но, несмотря на двадцать лет упорных поисков, этот человек до сего дня оставался для меня загадкой. До сего дня.

После прочтения лишь нескольких страниц дневника фотография будто ожила. Предчувствие не обмануло: у меня оказалось больше общего с прадедом, чем с отцом, скучным госслужащим.

Отложив в сторону фотографию, я развернул привезенные с собой газетные вырезки. Первую статью, напечатанную в «Нью-Йорк Трибьюн» в 1911 году, я давно заламинировал и помнил почти дословно.

В ПАРИЖЕ УКРАДЕНА КАРТИНА ДА ВИНЧИ

Париж, 22 августа. – Сегодня мир искусства был повергнут в ужас: стало известно, что картина Леонардо «Мона Лиза», широко известная также под названием «Джоконда», таинственным образом исчезла из Лувра.

Преступник (или преступники) не оставили следствию ни одной «ниточки». Были обследованы все укромные уголки и закоулки, от крыши до подвала, но найдены лишь драгоценная рама и стекло от картины, оставленные на лестнице черного хода.

Самое замечательное в этом деле – то, что пропажу картины почти двое суток никто не замечал: все думали, что картина убрана для фотосъемки или реставрации.

Пристроив статью на каминную полку, я стал просматривать остальные. Я привез их с собой в расчете на то, что здесь, во Флоренции, увижу в них что-то, чего не замечал раньше. Один журналист предполагал, что «Мона Лиза» была украдена кем-то с целью шантажа французского правительства; другой намекал, что

картину похитили немецкие заговорщики с целью поставить французов в неловкое положение; в третьей статье, вышедшей через две недели после преступления, утверждалось, что не менее трех свидетелей видели «Мону Лизу» в поезде, направлявшемся в Голландию, но доказательств не приводилось, и имена свидетелей не разглашались. Кое-кто предположил, что картину выкрал богатый американец, «откуда-то с Запада», и якобы пронес ее на борт «Кайзера Вильгельма II», но когда корабль пришвартовался в Нью-Йорке, ни выходца с Запада, ни картины там не было – загадка, да и только.

Еще три статьи: в одной Лувр обвинялся в недостаточной безопасности, в другой высмеивали полицию за неудачное расследование, в третьей считали, что кража – не более чем розыгрыш. В Лувре, конечно, проявили беспечность. А если учесть тот факт, что директор Лувра в день пропажи картины был в отъезде, а охранник, который должен был находиться в Квадратном салоне возле «Моны Лизы» даже в закрытом музее, остался дома из-за болезни ребенка, то причин подозревать, что в деле замешан кто-то из «своих», было достаточно.

Наконец, еще одна вырезка, на мой взгляд, самая важная из всех. А заметка эта появилась в маленькой парижской газетке «Le Cri de Paris» ровно за год и один месяц до кражи 1911 года.

«МОНА ЛИЗА» ПРОДАНА В АМЕРИКУ

Париж, 24 июля. Заслуживающие доверия источники сообщают, что в одну из июньских ночей из галереи Лувра была украдена «Мона Лиза». Кража осталась в тайне, а в раму была вставлена копия шедевра. Это произошло благодаря соучастию сотрудника музея. Утверждается, что подлинник был перевезен в Нью-Йорк и там продан некому американскому коллекционеру.

Несмотря на то, что данная версия до сих пор не нашла подтверждения, она послужила почвой для нескольких теорий, утверждавших, что «Мона Лиза», ныне находящаяся в Лувре, является подделкой. Эта идея терзала меня с тех пор, как я впервые прочитал ее в подростковом возрасте. Причиной, по которой я оказался здесь, была надежда, что дневник Перуджи прольет свет на эту историю, и я, наконец, узнаю правду.

Фотографию прадеда я сунул под рамку зеркала, стоящего на комод. Заключенный номер 378699 был снят анфас и в профиль:

темный пиджак, полосатый галстук, накрахмаленный воротник, густые черные волосы с аккуратным пробором, высокий лоб. Скуластый, с большой нижней губой, он неплохо выглядел, несмотря на широкий нос, наводящий на мысль об уличных драках. Бог весть сколько часов я провел, глядя на эту фотографию. Она до сих пор завораживала меня по одной простой причине: если бы не закрученные вверх усы Перуджи и немного обвисшее веко на правом глазу, его можно было принять за моего брата. Много лет я пытался проникнуть в тайну, которую хранило это настороженное лицо.

Теперь, прочитав кусочек его дневника, я понял, как мне казалось, его нужду и страсть, его жажду признания. Кое-что мне самому было слишком хорошо знакомо.

– Я не отступлюсь, – произнес я вслух, обращаясь одновременно к себе и к фотографии прадеда. Мне удалось подняться со дна, и я не собирался туда возвращаться. Трудный подросток из Бейонны остался в прошлом, пусть он там и останется.

– Я доберусь до истины, – кивнул я человеку на фотографии, сам впервые в жизни веря в эти слова. – Во что бы то ни стало!

Джон Смит в очередной раз просмотрел досье, которые загрузил на свой телефон: одно на американца, другое на итальянских профессоров – покойного Антонио Гульермо и его любовника Луиджи Кватрокки, а также переписку между Кватрокки и Перроне. Затем он отложил сотовый телефон и откинулся на спинку стула, разглядывая спальню и небольшую гостиную в гостиничном номере, который он собирался использовать в качестве временной оперативной базы. Гостиницу трудно было назвать роскошной, но Джон никогда не стремился к роскоши, он всегда считал роскошь чем-то не стоящим усилий и даже легкомысленным. Его скудно обставленная и безупречно чистая квартира в Лионе служила тому лишним доказательством. О чем он мечтал в детстве – так это о приключениях, об увлекательной жизни, которая не укладывалась бы в рамки служебных обязанностей. В принципе, трудностей на его долю выпало немало, и он успешно с ними справлялся, но настоящего азарта не испытывал. До сей поры не испытывал.

Чувствуя одновременно усталость и возбуждение, Джон рывком перешел в «упор лежа» и отжимался на одной руке, пока ощущение бодрости и решительности не разлилось по всему телу. Тяжело дыша, он таким же рывком поднялся и, не обращая внимания на знак «курение запрещено», закурил сигарету, открыл окно и высунулся в него до пояса, давая остыть мускулистому телу.

Вы хорошо исполняете свои обязанности, Смит, но сверх того ни шага не делаете, не выкладываетесь.

Так всего неделю назад отозвался о его работе Андерсен, его босс, этот выскочка датчанин, проработавший на своей должности меньше трех лет. Он любил рассказывать подчиненным и всем желающим, что его фамилия произошла от английского Эндрю, что означает «мужественный». Вот уж чего Смит в нем никогда не замечал.

Это он-то не выкладывался? Видимо, проведенные на службе ночи и выходные в зачет не пошли? Да он этой работе всю жизнь отдал, разве Андерсен не в курсе?

Он сделал глубокую затяжку и задумчиво проследил взглядом, как облачко дыма тает в воздухе.

Джон, конечно, понимал, что имел в виду его начальник – что его участие не способствует раскрытию дел. В отличие от вклада тех его коллег, которые не только отследили пропажу произведения искусства, но и смогли довести дело до ареста преступника и возвращения краденого.

К тому же вы плохо работаете в команде.

Вот этим Андерсен его действительно задел. Смит представил себе, как он врезал бы этому датчанину – так, чтобы кровь потекла по светлым усам и вялому подбородку.

Он еще покажет своему руководителю, да и другим тоже докажет, что умеет не только пройти дистанцию, но и пройти гораздо дальше, выложиться по полной, чего бы это ни стоило. За двадцать лет работы аналитиком криминальной разведки у Джона выработалась профессиональная интуиция, чутье на криминал, и этим чутьем он сейчас руководствовался.

Сделав еще одну глубокую затяжку, он едва ли не до боли задержал дым в легких.

В Интерполе он отпросился в отпуск по болезни (небольшая операция, ничего серьезного, но где-то с недельку нужно будет отдохнуть и восстановиться). Для коллег это стало настоящим сюрпризом, поскольку за все время службы он ни разу не брал больничный. «Неудачи быть не должно», – подумал Смит. Неудача в этом деле станет концом его карьеры, и этого нужно избежать любым способом. Но он принял решение, и пути назад не было.

Щелчком выбросив сигарету за окно, он смотрел, как она, догорая, летит к земле. Затем взглянул на противоположную сторону темной площади Пьяцца ди Мадонна, на серое каменное здание и неоновую надпись «Палаццо Сплендор», мерцающую в ночи, как одно из этих проклятых «красных» уведомлений Интерпола.

Нью-Йорк Сити

Его супруга уже успела снять макияж и нанести слой какого-то безумно дорогого крема на хирургически подтянутую кожу лица, отчего та приобрела вид, сияющий чуть ли не до радиоактивности.

– Отличный получился вечер, ты хорошо поработала, – сказал он. Хотя еду она заказала в ресторане и официантов наняла там же, так что работать ей особо не пришлось. Да и платил за все он.

Не глядя на него, она молча небрежно сбросила свое шелковое кимоно на диван в стиле ампир, откуда то свалилось на пол бесформенной грудой. Не потрудившись поднять одежду, она легла в постель, включила лампу и, негромко клацнув кроваво-красными ногтями по мягкой обложке, взяла с ночного столика какую-то книгу: судя по названию, что-то про убийство.

– Особо не утомляй организм чтением, – посоветовал он.

– Это про гангстеров, – парировала она. – Так что и тебе, должно быть, не чуждо.

Он шагнул в ее сторону; руки непроизвольно напряглись, а в голове промелькнули воспоминания детства: прокуренная и многолюдная букмекерская контора, ночные поездки с отцом, который иногда молчал всю дорогу, а порой раздражался лекциями, которые он не осмеливался прервать, нередкие пощечины от отца, а бывало и хуже, намного хуже.

– Ну, давай, ударь меня. – Она выставила подбородок. – Я же знаю, что тебе этого хочется.

Нет, он не доставит ей удовольствия видеть, что он утратил самоконтроль. Ничего такого, что можно использовать против него в суде, она не получит, эта некогда красивая девушка, которую он увел у гораздо более молодого мужчины. Теперь ее красота перешла по большей части в разряд воспоминаний. Неплохо было бы убить ее, подумал он, и уложить ее тело в какую-нибудь вычурную позу в стиле Гойи или Веласкеса. Но нет, сам он пачкать руки не станет, хотя

почему бы ему в свои шестьдесят четыре не жениться в третий раз, на такой женщине, которая оценила бы его по достоинству.

– Долго ты собираешься читать? – спросил он.

– А что? Ты же забудешь об этом, как только выйдешь в коридор.

Они уже несколько лет спали в разных комнатах.

Он отвернулся от нее с мыслью, что нужно, наконец, найти выход из этого брака и брачного контракта. Устроить несчастный случай? Это нетрудно, хотя в последнее время он был слишком занят более важными делами.

Он прошел по коридору, устланному коврами, к винтовой лестнице и спустился на первый этаж своего особняка. Он не стал задерживаться у картины Ренуара на лестничной площадке – очередная мясистая розовая обнаженка, выбранная его тридцатидевятилетней мегерой, а на его вкус, чересчур слащавая. Мелькнула мысль, а не искромсать ли полотно на кусочки.

Следующая лестница вела в законченный подвал, оборудованный под домашний офис. Лишь две книги лежали на письменном столе. Первая – зачитанный томик Достоевского, его любимый роман «Преступление и наказание». Особенно нравилась ему первая половина, где главный герой, Раскольников, совершает убийство, считая себя сверхчеловеком, стоящим выше закона. Но вторая половина, с унылыми бреднями о чувстве вины и раскаянии, была ему не по душе. Ведь нужно просто добиваться того, что ты хочешь – как изложено во второй его настольной книге, «Государе» Макиавелли.

У стены за столом стоял высокий книжный шкаф, на полупустых полках которого сиротливо жались несколько книг по искусству и аукционных каталогов. Достав из верхнего ящика стола пульт управления, он нажал несколько кнопок, и книжный шкаф сдвинулся на колесиках в сторону. Еще ряд цифр – и кусок стены, оказавшийся потайной дверью, открыл скрытую за ним еще одну дверь, стальную. Повинуясь очередной быстро набранной команде, стальная дверь открылась, и он вошел в хранилище. Заключительный аккорд по клавишам пульта – и проход закрылся за его спиной: дверь, стена и книжный шкаф все поочередно вернулись на свои места.

Настал его любимый момент: предвкушать, стоя в темноте. Он наслаждался им, сколько хватило терпения, затем щелкнул выключателем, и комната залилась светом.

Восемнадцать картин. Одиннадцать рисунков. Тринадцать гравюр. Каждый шедевр – со своей системой освещения. Он собирал их тридцать лет, начав с небольшой законно приобретенной картины Пикассо Голубого периода. Помимо Пикассо, единственной легальной покупкой в этом хранилище была гравюра Рембрандта, которая в настоящее время оценивалась в полмиллиона долларов – гроши по сравнению с произведениями искусства, висящими по соседству. Он часто одалживал эти две работы музеям для выставок – показать, что он не только законопослушен, но и щедр.

Прежде чем осмотреть свою коллекцию, он выключил сигнализацию, убедился, что термостат по-прежнему выставлен на шестьдесят восемь градусов^[18], и проверил осушитель воздуха – оба работали от небольшого генератора. Для начала он постоял перед морским пейзажем Моне, вглядываясь в насыщенные синие и фиолетовые цвета неба и воды. Затем полюбовался на небольшую картину Ван Гога, на которой прихожане выходили из церкви. Он разглядывал полотна обстоятельно, время от времени проводя кончиками пальцев по краске. Касаться жирной кожей хрупкого красителя – действие греховное, но он мог делать все, что заблагорассудится, хоть ласкать языком нарисованный сосок нагой дикарки Гогена, представляя себе вкус ее пота и соли, вкушая запечатленную в картине историю жизней, прожитых художником и этой простой, хоть и привлекательной молодой женщиной, которую он обессмертил.

По его телу пробежала дрожь. Он отступил подальше, любуясь, словно детьми, своими сокровищами и наслаждаясь мыслью, что эта красота принадлежит ему и только ему.

Это эгоистично?

Нет, с этим он не согласен. В конце концов, разве он не позаботился об этих произведениях искусства лучше, чем те беспечные музеи и галереи, из которых их украли?

Ведь это его призвание, мистическое и божественное, практически религия. Когда он видел какое-то произведение искусства в музее или галерее, он испытывал буквально физически ощутимую вибрацию и уверенность, что он должен заполучить, спасти этот шедевр – эта мысль приходила ему в голову, как повеление свыше, от самого Господа.

Он перешел от таитянской сцены Гогена к Мадонне кисти норвежского художника Эдварда Мунка. Эта Мадонна с чуть приоткрытыми темно-красными губами была на удивление соблазнительна. Он даже облизнулся, затем уселся напротив в позолоченное кресло Уоррена Платнера^[19] – изогнутая спинка облегла его тело так, словно сделала его невесомым. Он придвинул кресло на несколько дюймов ближе к картине, металлическое основание скрипнуло по мраморному полу, и эхо откликнулось визгом в пустом подвале. Он заткнул уши, но слишком поздно: призраки были уже здесь.

Так скрежетало кресло о бетонный пол гаража, куда они вытащили того мужчину, подняв его с постели среди ночи. Глаза его были широко раскрыты от ужаса, невнятные мольбы заглушал скотч на лице. Мальчик наблюдал за ним, краем глаза поглядывая на отца, который надел на ствол глушитель, затем снял и заставил его повторить это действие. Отец нависал над ним, пыхтя от начинавшейся эмфиземы. Он мог бы и умереть от нее, если бы дотянул до этого. С глушителем он, тогда четырнадцатилетний мальчик, справился успешно, прикрепил и снял, руки двигались быстро, он пытался не обращать внимания на звуки, доносившиеся из горла того человека в кресле.

– Налепи ему на рот еще скотча, – приказал отец.

Мальчик оторвал новый кусок ленты и наложил его поверх первого, почувствовав под скотчем губы связанного человека – они шевелились, как черви. А еще запах: пахло потным телом и еще чем-то кислым, что он гораздо позже научился распознавать как страх. Он посмотрел вниз и увидел мокрое пятно, растекающееся по пижамным штанам жертвы.

– А вдруг кто-нибудь из его родственников вернется? – спросил он тогда.

– Никто не вернется. Жена уехала. Дети... не знаю, где... да и какая разница? Мне не рассказывают биографий, говорят только место и время.

– А что, если кто-нибудь услышит?

– Для этого и нужен глушитель, дурачок. Выстрел будет не бесшумным, но тихим, так что соседи не проснутся... и вообще, черт возьми, я разрешал тебе задавать вопросы?

Отец вложил пистолет ему в руку.

– Надень это. – Он протянул сыну пластиковые очки и вставил ему поролоновые пробки в уши. – Не хочу, чтобы ты оглох или ослеп. Какая мне тогда от тебя польза? – Он сипло засмеялся. – Ближе подойди. Ты не в тире.

Мальчик неуверенно шагнул вперед.

– Я сказал, ближе! – Отец схватил его за шею и толкнул к связанному. Мужчина в кресле задергался, отчаянно мотая головой.

– Давай! – взревел отец, поднимая руку сына, державшую пистолет, к груди того мужчины. – Черт, давай уже, жми на курок!

Глаза жертвы дико моргали, губы под скотчем извивались.

– Быстрее, ну! Разрази тебя гром, давай!

Мальчик выстрелил, пистолет дернулся от отдачи, издав глухой звук.

– Проклятье, мать-перемать, ты ему в плечо попал! – Отец обхватил ладонь сына своей, прицелился и надавил ему на палец. Глухо стукнул еще один выстрел, и в центре футболки того мужчины появилось красное пятно, оно начало расплываться, прежде чем отец снова нажал на палец сына, и тогда появилось еще одно красное пятно.

– Никогда не рискуй, – наставительно сказал отец.

Мальчик смотрел, как тот мужчина опрокинулся набок вместе с креслом и уткнулся в пол гаража – вся эта сцена в подробностях отпечаталась в его сознании, хотя позже, обдумывая случившееся, он осознал, что в тот момент ничего не почувствовал.

– Молодец. – Отец с редкой для него нежностью похлопал его по плечу.

Сосредоточив внимание на винно-красных губах соблазнительной Мадонны Мунка, он снова успокоился, скользя взглядом по своей добыче, по ее мягким губам и загадочной улыбке. Это была единственная картина в хранилище, которая висела одна на всей стене. Он наклонился в одну сторону, затем в другую – она провожала его взглядом; потом он подошел ближе и коснулся кончиками пальцев потрескавшейся краски на ее щеке, воображая тепло и податливость гладкой плоти там, где их никогда не было. Он наклонился, его губы застыли в дюйме от ее губ, нарисованный лик поплыл перед глазами, голова закружилась от колдовских чар, которые она на него наложила. Дыхание перехватило, он сделал шаг назад.

Но она ли это на самом деле?

Он должен это узнать.

Он уже начал поиск доказательств, и пути назад не было.

– Любой ценой, я узнаю, кто ты такая, – прошептал он ей. –
Любой ценой.

*Лаврентийская библиотека**Флоренция, Италия*

– Как вы догадались, что я уже на подходе? – спросил я, не отрывая глаз от белой коробки, уже лежавшей на коляске Рикардо. Мне стоило некоторых усилий произнести это с улыбкой, без тени подозрительности в голосе.

– Услышал, как вы проходите контроль на вахте, – ответил Рикардо.

Я кивнул, хотя сильно сомневался, что ему хватило бы времени сходить в подсобку за моим вчерашним заказом. Но отчего я стал таким подозрительным? Может быть, у меня просто развилась паранойя после стольких лет поисков этого неуловимого дневника?

– Что-нибудь не так, синьор Перроне? – Кьяра всем корпусом подалась в нашу сторону.

– Зовите меня Люк. Нет, все в порядке, – ответил я, потом мне вдруг пришла в голову новая идея. – Скажите, а есть ли у вас какая-нибудь литература о... Дуччо?

– У нас имеется очень много материала об этом сиенском художнике, синьор... – тут она улыбнулась, – Люк. Есть старинные издания и современные научные труды.

– Могу я на них взглянуть?

– Их несколько ящиков.

– Начнем с современных исследователей. – Я улыбнулся ей в ответ.

– Уно моменто, – произнесла она и затем, обращаясь к Рикардо, еще несколько слов по-итальянски, а я в этот момент почему-то подумал о тех взломщиках, что залезли к Кватрокки, и о странном звонке коллекционера старинных документов. Кьяра еще раз поинтересовалась, все ли в порядке, и я заверил, что да, просто я

немножко устал, а она сказала, что я слишком много работаю, и ласково похлопала по моей руке своими алыми ногтями. Рикардо вернулся с картонной коробкой с надписью «Дуччо II», я вытащил свою ладонь из-под Кьяриной, примостил коробку с Дуччо поверх «Мастеров Высокого Возрождения» и направился к дальнему концу длинного читательского стола – туда же, где сидел в прошлый раз.

Двое ученых, что приходили вчера, уже сидели на своих стульях – каждый из нас как бы негласно забронировал себе рабочее место. Тот, что с хвостиком, приподнял голову и, казалось, наблюдал за мной поверх очков. Я встретил его взгляд и смотрел на него, пока он не отвернулся. Затем я открыл картонную коробку «Дуччо II»: там лежали не только папки, но и отдельные документы – именно то, что мне было нужно. Отодвинув коробку в сторону, я заново выстроил свою импровизированную крепость из папок Гульермо, достал дневник, нашел страницу, на которой остановился, и продолжил чтение.

Я не хотел идти в студию Пикассо. Но Симона уверяла, что мне нужно больше общаться с другими художниками. Мне было трудно ей отказать.

На площади Одеон я сел на омнибус и вышел на вершине холма. Поднялся еще на квартал вбок, по улочке с пекарнями и ресторанами, из которых пахло сладкой выпечкой. Вот только в желудке было пусто. С тех пор, как я поел, прошло уже несколько часов. А съел я всего лишь кусок хлеба с клубничным вареньем, которое Симона сварила из ягод, собранных в Булонском лесу.

Я свернул сигаретку, перекусил дымом и пошел по улице Равиньян к Улью^[20]. Это небольшое деревянное строение. Там помещались студии нескольких художников. В том числе Пикассо.

Я колебался. Еще не поздно было повернуть назад. До этого я уже встречался с Маленьким Испанцем, и он мне не понравился. Но наказ Симоны понуждал идти дальше.

Дверь открыл Пикассо в заляпанном краской балахоне. Велел посидеть, пока он закончит. Слишком занят был работой, чтобы прервать ее и проявить любезность.

Его студия провоняла скипидаром и льняным маслом. И псиной. Сама псина – убогая и старая – спала у ног Пикассо. Повсюду были холсты. Все в этом новомодном кубистском стиле. Фрагментарно и некрасиво. А еще я заметил на полке две знакомые статуэтки: иберийскую и первобытную. Очередное повальное увлечение в Париже. Я тут же вспомнил, где видел их в последний раз. У себя на работе, в Лувре!

Я как бы между прочим спросил у Пикассо, где он их взял.

Когда он ответил, что статуэтки достал ему друг, искусствовед Гийом Аполлинер, я почувствовал приступ гнева. Этот Аполлинер удостоил внимания мои картины на недавней выставке в галерее. Назвал их старомодными и унылыми. Слова эти до сих пор жгут меня изнутри.

Знал ли Пикассо, что статуэтки украдены? Возможно, он даже участвовал в этом. Я не мог с уверенностью сказать. Но я запомнил,

что они у него.

Пикассо напевал за работой. Популярную танцевальную песенку:

Oh Manon ma jolie
mon coeur te dit bonjour
ma jolie ma jolie ma jolie... [21]

Он все повторял и повторял этот глупый куплет. Потом принялся читать мне лекцию об искусстве и моей ответственности как художника. Я выслушал, не перебивая, хотя его речь меня оскорбила. Пикассо стал говорить о своем друге Жорже Браке, он тоже кубист. Назвал себя и его Уилбуром и Орвиллом, братьями Райт [22] в живописи. Каково самомнение! Потом он заговорил о старомодных художниках и об их озабоченности красотой. Я знал, что это камешек в мой огород. Он говорил теми же словами, какими Аполлинер ругал мои картины.

Затем Пикассо отложил кисти. Повернулся ко мне лицом. И развернул свою картину, чтобы я мог ее рассмотреть. При этом пространно объяснял, как он заново изобрел представление трехмерных фигур на плоской поверхности.

Все, что я увидел – изломанный хаос. Но я ничего не стал говорить.

Он спросил, понимаю ли я, о чем он говорит. Я почувствовал, как во мне закипает гнев.

Но я ответил спокойно. Я сказал ему, что все прекрасно понимаю, и, в свою очередь, задал вопрос. Почему бы не попытаться нарисовать красивую картину, самую красивую на свете?

Пикассо отвечал со злостью. Потому что так уже делали раньше, и сделали так, как ни у вас, ни у меня в жизни не получится!

Я сказал ему, что единственное, чего мне хотелось бы – это написать самые красивые картины, какие только возможны.

Он посмотрел на меня, как на идиота. И сказал, что красота – удел прошлого.

Мы еще поспорили. Ни один из нас не отступил от своей точки зрения.

Пикассо, наконец, предложил мне чашку кофе. Но было уже поздно. Я был сыт по горло его лекциями. И его оскорблениями.

Я сказал, что тороплюсь по делам, и ушел.

На улице было холодно. Деревья покрылись инеем. Я остановился перед «Кафе де Абесс» и поглядел в запотевшее окно. В кафе сидел мой старый друг Макс Жакоб. Рисовал воздушные замки какой-то молоденькой красавице, которая смотрела на него, как зачарованная. К тому времени я не видел Макса уже несколько месяцев. С тех пор, как он присоединился к Пикассо, Браку и этому подонку Аполлинеру.

Мне очень хотелось посидеть с Максом и той красивой девушкой. Попить кофе. Принять участие в их оживленной беседе. Но нет. Я повернул прочь и поклялся никогда больше не возвращаться в это место. Я стал изгоем. Навсегда.

Спустившись с холма, я быстро пошел к площади Одеон. Я не стал садиться на омнибус. Мне хотелось двигаться самому. И я побежал изо всех сил по улице, идущей вверх по холму. Теперь я понимаю, что убегал от будущего в безопасное прошлое. Но и на бегу у меня не выходили из головы эти статуэтки в мастерской Пикассо. Я думал о том, как их можно использовать против него.

Я остановился там, где Перуджа провел внизу страницы жирную черту карандашом – как я успел заметить, он таким способом обозначал конец отрывка. Какое-то время я думал об этом его визите в студию Пикассо, понимая, как он был унижен и взбешен. Конкуренция между художниками – все это я тоже слишком хорошо себе представлял. Потом я встал и потянулся: спина затекла от долгого сидения за столом. Парень с хвостиком на затылке поднял глаза и кивнул, я кивнул в ответ, с большим интересом отметив для себя, что блондинка вновь появилась на дальнем конце стола. Чтение дневника так захватило меня, что я не заметил, как она пришла.

Кьяра незадолго до этого удалилась вместе с Рикардо в подсобку; Беатрис, как обычно, сидела, склонившись над своим столом. Парень с хвостиком отошел к дальней стене зала и рассматривал книги, стоявшие там на полке. Момент был самый подходящий, и я сделал то, что задумал раньше: вынув из коробки Дуччо половину содержимого, положил туда дневник и прикрыл его, вернув материалы обратно. Если кто-то ищет этот дневник – а судя по словам Кватрокки, некий коллекционер интересовался именно дневником – сюда они не додумаются заглянуть. Правда, оставался риск, что библиотекари проверяют содержимое коробок. Не подумают ли они, что я украл дневник? Правда, Кватрокки говорил, что никто не знает о его существовании, но что, если библиотекари просматривали бумаги и видели его? Сказать наверняка было невозможно, но рискнуть стоило.

Я подошел с обеими коробками к столу Кьяры. Она поинтересовалась, нашел ли я то, что искал, в материалах Дуччо, и я ответил, что да, нашел, но они мне еще понадобятся в дальнейшем.

«Certo»^[23], – произнесла она со своей обычной кокетливой улыбкой.

Сходив за ноутбуком и рюкзаком, я снова отправился вокруг стола длинной дорогой и, проходя мимо блондинки, улыбнулся ей. В этот раз она улыбнулась в ответ, тогда я остановился и совершил, как мне кажется, один из самых нахальных поступков за все мои тридцать семь

лет: наклонился и спросил на своем лучшем итальянском, не согласится ли она выпить со мной чашечку кофе.

– Но мне нужно еще почитать, – ответила она по-английски.

– Так вы американка, – определил я.

– Да, – ответила она. – И вы, оказывается, тоже. А я думала, что вы итальянец или испанец.

Вот как, она обо мне думала. Это мне понравилось. Чуть наклонив голову, я прочел название книги, которую она держала перед собой: «Живопись во Флоренции и Сиене после “черной смерти”».

– А, это я читал. Огонь книжка.

– Читали? Не может быть!

– Богом клянусь. – Для убедительности я осенил себя крестным знаменем. – Все, что мне нужно для счастья, – хорошая книга о бубонной чуме.

Она рассмеялась, и ее полные губы приоткрылись, обнажив ровные белые зубы.

Кьяра погрозила нам пальцем.

– У меня из-за вас будут неприятности, – прошептала блондинка.

– Извините, – прошептал я в ответ. – Но вы знаете, эта книжка издана в мягкой обложке на английском языке. Вам вовсе не обязательно читать ее здесь.

– Но мне здесь так нравится!

– Мне тоже. Но о последствиях чумы для художников можно прочесть где угодно, – сказал я, не удержавшись от доли позерства.

– Ну вот, – притворно надулась она. – Вы все испортили.

Я рассмеялся, и Кьяра устремила на нас испепеляющий взор.

– Всего лишь по чашечке кофе, – шепнул я. – Пока она не вышвырнула нас отсюда.

В читальном зале не было окон, и погода на улице преподнесла мне сюрприз: утром, когда я входил в библиотеку, было пасмурно, как перед дождем, теперь же небо над Сан-Лоренцо было акварельного бледно-голубого цвета с редкими хлопковыми облаками, хотя теплее не стало.

– Натуральный? – спросил я про меховой шарф, которым она укутала шею.

– Ну, если кролик был натуральным, то да.

– Думаю, большинство кроликов – да.

– Надеюсь, вы не донесете на меня зоозащитникам?

Я хохотнул, и мы пошли по одной из улиц, расходящихся от площади в разные стороны. Улочка была узенькой, извилистой и сплошь уставленной магазинчиками: магазин модной обуви, киоск джелато^[24], магазин модной мужской одежды, даже «Фут Локер»^[25] здесь обнаружился. Сразу за ним было небольшое кафе, куда я и предложил зайти.

– Но погода такая хорошая... Давайте пройдемся немного.

– Конечно, – согласился я.

– А вы покладистый.

– Во всех смыслах, – ухмыльнулся я.

– Фу, вы еще хуже, чем итальянские мужчины. Вы долго тут прожили или всегда таким были?

– Прошу прощения! Нет, я здесь всего несколько дней. Кстати, меня зовут Люк Перроне.

– Значит, вы все-таки итальянец.

– Итальянец американского происхождения. Сойдет?

Ответом мне были легкая усмешка, чуть приподнятая бровь и тот же странный взгляд, каким она посмотрела в самый первый раз – то ли глядя в меня, то ли глядя насквозь, на что-то за моей спиной.

– А прозвище у Люка когда-нибудь было?

– Не-а, – ответил я. Хотя прозвище тут же вспомнил. Приятели в Бейонне звали меня Лаки, «везунчик», но от него я отсекся, когда уехал оттуда, равно как вытравил из себя джерсейский говорок и все, что было связано с прошлой жизнью.

– Значит, Люк. Имя тебе идет. – Она протянула мне руку в кожаной перчатке, на ощупь очень мягкой и явно дорогой. – Александра Грин. Пишется с немой буквой Е на конце.

– Сокращенно – Аликс или Эли?

– Это будет зависеть от обстоятельств.

– От каких?

– От того, понравишься ты мне или нет. – Она оглядела меня с головы до ног. – Я еще не решила.

Мы пошли дальше по узкой улочке, главным образом, в тени, потому что здания по бокам закрывали большую часть неба. Я спросил, где она выросла, и не удивился, когда она ответила, что в Верхнем Ист-Сайде, на Манхэттене. В ней было то сочетание

крутизны и изящества, которое у манхэттенских становится второй натурой. Кроме того, она наверняка ходила в частную школу.

– В квакерскую, – сказала она в ответ на мой вопрос.

А мне казалось, что она должна была учиться в какой-нибудь более престижной школе в пригороде, где-нибудь в Найтингейле или Брирли.

– А разве на Манхэттене есть квакерские школы? Я знаю только одну в Бруклине.

– Там я и училась.

– И твоих родителей не беспокоило, что тебе приходится ездить в такую даль из Верхнего Ист-Сайда?

– Мои родители в разводе, – произнесла она так, как будто это все объясняло. – Впрочем, как и у всех, наверное?

– Мои – нет, – ответил я. – У них пожизненное, условно-досрочного освобождения не предвидится.

– Несчастливы?

– Не думаю, что в их словаре есть слово «счастье». А кроме того, у них нет денег на развод.

– А-а, – протянула она и, наверное, целую минуту рассматривала меня так, словно искала во мне признаки бедности. Потом спросила, где я вырос, и я сознался, что в Нью-Джерси. Чтобы переменить тему, я спросил, для чего она приехала во Флоренцию.

– Я пишу диссертацию по... м-м... истории средних веков.

– Про чуму?

– А, это просто для развлечения, – улыбнулась она.

– Где ты учишься?

– В Барнарде. Ну, знаешь, женский колледж в Колумбийском университете.

Меня не удивило, что она учится в университете «Лиги плюща». Как после этого признаваться, что я два года корпел в муниципальном колледже, чтобы заработать портфолио для поступления в художественное училище?

– Значит, ты к тому же еще и умная девочка.

– К тому же?

– Красивая, и к тому же умная.

– Ну вот, опять в тебе заговорила итальянская кровь.

– Прости. Что бы мужчина ни сказал, у него будут проблемы.

– Дело не только в том, что говорят мужчины, но и в том, как они это говорят. Но у тебя нет проблем. Пока. – Она улыбнулась краешком рта. – Между прочим, я знаю, что ту книгу про чуму можно купить в Штатах. Это был просто один из предлогов поехать сюда. Но разве для этого нужны какие-то поводы? Здесь ведь так красиво!

И она сделала изящный полуоборот на своих высоких каблуках.

– Да, конечно, – согласился я, не отрывая глаз от ее фигуры в течение всего этого па. Двигалась она так, словно училась в балетной школе, да так оно и было, наверное. Она была явно из очень состоятельной семьи. В молодости я и представить себе не мог, что буду ухаживать за такой женщиной, не говоря уже о том, чтобы прогуливаться с ней по улицам Флоренции.

– Орсанмикеле. – Она показала на каменное здание, похожее на крепость. – Давай зайдем?

Внутри эта церковь не походила, кажется, ни на одну другую: просторное полутемное квадратное помещение со сдвинутым вбок алтарем и невысокими окнами. Фигуры немногочисленных посетителей едва виднелись в сумраке.

– Сначала здесь было зернохранилище, – сказала Александра, и я вспомнил, что сам рассказывал об этом на лекциях: точно, зерновая биржа, ставшая церковью. Узнал я и богато украшенную дарохранильницу, в реальности еще более роскошную, чем представлялось. Она походила на миниатюрную готическую церковь, построенную из белого мрамора с инкрустациями из лазурита и золота вокруг ярко раскрашенного изображения Мадонны.

– Андреа Орканья, – пробормотал я. – Еще один великий художник и скульптор эпохи Возрождения.

Я подошел ближе к дарохранильнице, чтобы полюбоваться ее вычурными узорами, а Александра в это время скрылась в расположенной неподалеку часовне, но через минуту быстро вышла и схватила меня за руку.

– Уйдем отсюда.

Я предложил заглянуть в скульптурную галерею, находившуюся наверху, но Александра отказалась, ей почему-то не терпелось уйти.

– Да что случилось? – спросил я, когда мы вновь оказались на улице.

– Какой-то тип толкнул меня, сильно и, по-моему, нарочно.

Я спросил, как он выглядел, но она только пожала плечами.

– Трудно сказать, там было темно, но он большой такой, а еще он прошептал «берегись». Не «осторожней», а «берегись» – это прозвучало как предупреждение.

Я оглянулся на церковь и предложил вернуться туда, но Александра не захотела.

– Он сказал это по-английски? – спросил я.

Она снова пожала плечами и ответила, что точно не помнит. Потом Александра взяла меня за руку, и мы, свернув на другую улицу, пошли в какое-то знакомое ей кафе.

Там было тихо, над столами висели позолоченные канделябры, а вместо стульев стояли банкетки, обитые красной кожей.

Александра юркнула в кабинку и сбросила куртку. На ней был кремовый свитер с клинообразным вырезом, кашемировый, если я не ошибаюсь. Тонкая золотая цепочка спускалась от длинной шеи к овальному медальону, покоившемуся в ложбинке между ключицами.

Она заказала кофе «американо». Я заказал двойной эспрессо.

Александра поинтересовалась, чем я занимаюсь в библиотеке, и я рассказал, что провожу небольшое научное исследование.

– На какую тему?

– Тему я пока точно не определил, – ответил я. Мне не хотелось говорить ей про дневник.

Но она принялась выспрашивать подробности, и я, чтобы сменить тему, признался, что я художник-живописец, и сразу же пожалел об этом, потому что она спросила, где я выставляюсь. Мне пришлось сознаться, что теперь уже нигде: галерея закрылась.

– Ты найдешь другую, – уверенно сказала Александра.

– Откуда ты знаешь? Ты что, колдунья какая-нибудь?

– Может быть, – ответила она. – Просто у меня насчет тебя предчувствие.

У меня тоже было предчувствие насчет нее.

Мы поговорили о Нью-Йорке: о том, как там живет – трудно, но просто; как там всегда шумно и грязно, но так здорово, как нигде больше. Поговорили об образовании, о ее учебе и моем преподавании. Александра постоянно переводила разговор на меня – и ее интерес ко мне казался искренним. С ней было легко и комфортно, как будто мы были давно знакомы, и время летело незаметно. Мне не хотелось

расставаться, но когда мы допили кофе, ее настроение резко изменилось.

Александра вдруг встала и объявила, что ей нужно вернуться к себе, потому что она еще не успела толком разложить вещи. Напряжение в голосе и явная спешка как-то не соответствовали такому объяснению. Я предложил свою помощь, но она отказалась, и проводить ее до дома тоже не разрешила. Утешительным призом мне стал быстрый поцелуй в щеку – а еще остался запах ее духов, который я вдыхал, глядя, как она уходит, как колышется на ходу ее дубленка... стук ее каблуков становился все тише и тише... потом дверь кафе закрылась за ней.

Он наблюдал с улицы через окно кафе за Американцем – такую кличку он дал этому человеку, чтобы тот оставался для него безликим. Вот Американец и блондинка улыбнулись друг другу, и на миг в нем возникла какая-то эмоция. Он не понял, что это за эмоция, да и не хотел понимать. Эмоции никогда не приносили ничего, кроме проблем. Он сильнее затянулся и глушил дымом сигареты зарождающуюся эмоцию, пока она не угасла окончательно.

Зазвонил сотовый. Он взглянул на номер, но отвечать не стал. С работодателями можно разобраться потом. Сейчас нужно наблюдать. Смотреть через стекло, подавляя импульсивное желание войти в кафе, втиснуться между этой парочкой и ухватить одной рукой блондинку за бедро, а второй – Американца за горло. Но это не входило в его планы. Пока – нет. Его лицо налилось кровью.

Блондинка поднялась из-за стола, и он стал смотреть, как она идет. Переставляет ноги, словно породистая лошадь или модель на подиуме. Не пойти ли за ней? Он так увлекся этим зрелищем и собственными эротическими фантазиями, что не заметил, как Американец расплатился и вышел из кафе буквально в полушаге от него. Пришлось быстро отвернуться.

Подождав немного, он пошел за Американцем, затем остановился. Ясно, тот идет к монастырю, значит, решил вернуться в библиотеку. Можно не спеша пройти на свой наблюдательный пункт у выхода из проулка и примоститься на удобных каменных ступенях. Там можно будет посидеть, оставаясь незаметным, покурить и со вкусом подумать о том, что будет дальше.

È iniziato come qualsiasi altro giorno al museo.

Этот день в музее начинался так же, как все остальные.

Я занимался изготовлением новых рам и ремонтом старых. При этом я все время передвигал картину с одного конца рабочего стола на другой. Я пытался избавиться от неотступного взгляда этой дамы Леонардо. Мне казалось, что она наблюдает за мной. Наконец, я накрыл ее тканью и стал работать как можно быстрее. Мне нужно было уйти домой пораньше. Нужно было купить Симоне меда к чаю. Нужно было развести огонь; наша квартира так быстро выстывала.

У меня оставалось всего несколько франков. От силы до конца недели. Я знал, что Симона не разрешит мне притронуться к деньгам, которые мы отложили на ребенка. Я подавил в себе гордость и попросил у начальника небольшой аванс из зарплаты. Он отказал. Мне хотелось заорать на него. Хотелось придушить. Но я взял себя в руки, потому что мне нельзя было терять эту работу. Как никогда раньше.

В обеденный перерыв я вышел на улицу. Было холодно, но мне нужно было подышать свежим воздухом. Я съел кусок хлеба с вареньем, который завернула для меня Симона. Но в желудке все равно было пусто.

Вот тогда я и увидел его. Этот человек уже приходил накануне. Расфуфыренное такое существо в плаще и шляпе. Женоподобный мужичонка.

Я повернулся к нему спиной. Опустил голову. Но я слышал, как он приближается, постукивая по дорожке своей серебристой тростью. Наконец, на меня упала его тень.

Я поднял на него взгляд и нахмурился, прикрыв меньший глаз. Таким взглядом я отпугиваю людей, обычно это срабатывает. Но в тот раз не помогло.

Он остановился передо мной. Я сделал вид, что не узнаю его. Он протянул мне свою руку с длинными паучьими пальцами. Я продолжал его игнорировать.

Тогда он заговорил. Его акцент мне показался знакомым. Такой изысканный и гладкий, как бархат. У меня слух на такие вещи, я ведь немало потрудились, чтобы избавиться от собственного итальянского акцента. Он сказал, что он из Уругвая. Из Южной Америки. Когда он улыбается, видны его длинные желтоватые зубы. У него слабые десны.

Я стал смотреть в сторону, но это его не смутило.

Он сказал, что его зовут Вальфьерно. Маркиз Эдуардо де Вальфьерно. Он несколько раз повторил свое имя. Потом сел рядом со мной. Открыл портфель, достал оттуда яблоко и кусочек шоколада и предложил их мне, сказав, что не хочет есть.

Я хотел отказаться, но тут мой желудок прямо зарычал. Я взял у него еду и слопал. А он продолжал болтать о своем благородном происхождении и своих друзьях. Сказал, что дружит с самыми известными галеристами^[26] современности. И что он приехал в Париж, чтобы покупать и продавать произведения искусства. Мне было интересно его слушать, но я изо всех сил старался этого не показывать.

Он спросил, не работаю ли я в Лувре. Это и так было понятно. На мне была рабочая одежда с эмблемой музея. Я кивнул. Я не хотел говорить ему, что нанят на неполный рабочий день и меня могут уволить в любой момент.

Он спросил, нравится ли мне работа. Я ответил, что это его не касается. Я встал, чтобы уйти, но он осмелился остановить меня, положив свою паучью лапу мне на руку.

У меня есть для вас предложение, сказал он. Прибыльное. Я выдернул руку из его пальцев. Сказал, что мне нужно идти работать. Но он продолжал говорить. Спросил, можем ли мы встретиться после работы. Я сказал «нет». Все мои мысли были о том, что Симона сидит сейчас в холодной квартире. И мне нужно идти затопить печь. Я быстро пошел прочь. Но он пошел за мной. И все время задавал вопросы. Сколько мне платят в музее? Нравится ли мне работа?

Я не отвечал.

Он еще раз окликнул меня. Предложил выпить, угостить обедом. Говорил, что я должен выслушать его предложение.

Я остановился и молча посмотрел ему в лицо.

Он смотрел на меня и улыбался. Сказал, что может предложить мне больше денег, чем заработаю в музее за всю жизнь.

Я продолжал молча на него смотреть.

Он достал из кармана маленькую серебряную визитницу и протянул мне свою карточку из плотной бумаги кремового цвета. Затем повернулся и пошел прочь, постукивая тросточкой по дорожке. Я смотрел ему вслед. Плащ кружился вокруг него на ветру, как облако черных чернил.

Я посмотрел на его визитку. Имя и адрес были выведены замысловатым курсивом. Я подумал, не порвать ли карточку в клочья. Но вместо этого сунул ее в карман своей рубашки. Тогда я думал, что вряд ли увижу его еще когда-нибудь.

Вечером в ресторане было еще более шумно и накурено, чем в обед. Кватрокки опаздывал. Я просмотрел электронную почту. От него – ничего. Было письмо от заведующего кафедрой о том, что я не попадаю на ряд заседаний. Я тут же сочинил ответ: *нахожусь во Флоренции, изучаю искусство по теме, которую мне предстоит преподавать в следующем семестре. Делаю заметки, которые, надеюсь, превратятся в научную работу. С нетерпением жду возможности обсудить их с Вами как с опытным специалистом.* Немного лести, в любом случае, не повредит.

Потом я, как в прошлый раз, заказал суп министроне и стал думать о том, что только что вычитал в дневнике. Итак, Вальфьерно. Благодаря многолетним поискам, я уже кое-что знал об этом человеке. Тот самый таинственный аферист, который, по мнению некоторых исследователей, и был вдохновителем кражи «Моны Лизы». Я представил себе, как этот прихрамывающий франт с острыми чертами лица уговаривал моего прадеда, обещая ему горы золота. Мне хотелось больше узнать о том, что же он предлагал, но пришлось прервать чтение, потому что библиотека закрывалась.

Между тем часы показывали уже восемь тридцать. Может быть, я что-нибудь сделал не так – например, чересчур давил на него своими расспросами? Но попрощались мы, кажется, вполне любезно, к тому же он сам предложил встретиться еще раз.

Несколько раз оглядев ресторан, я встретился глазами с девушкой, сидевшей за соседним столиком. Я узнал в ней одну из студенток, здоровавшихся с Кватрокки.

– Ma scusi, stavo qui l'altro giorno e... [27]

– Си, си. Я вас помню, – сказала она.

– Posso chiedere? [28]

– Я говорю по-английски.

– О, прекрасно! Тот мужчина, с которым я был в прошлый...

– Профессор Кватрокки.

– Да, верно. У нас с ним назначена встреча. Вы его не видели сегодня?

– Нет, – ответила она, – но по расписанию у нас с ним сегодня нет занятий, только завтра.

– Профессор сегодня не пришел на лекцию, – заговорил паренек, сидевший рядом с ней.

– Вы не знаете, может быть, он заболел?

Парень пожал плечами.

Я еще раз проверил почту. От Кватрокки вестей не было.

Покончив с супом, я заказал кусок очень вкусного пирога с оливковым маслом, не спеша съел его, а потом, попивая эспрессо, стал думать о светловолосой Александре. Мы ведь уже замечательно поладили – по крайней мере, мне так казалось – и вдруг она так резко ушла. Может быть, ей правда нужно было просто распаковать багаж? А может быть, она решила прервать общение, потому что почувствовала, что мы слишком быстро сблизимся? Это объяснение меня больше устраивало, мне не хотелось сдаваться.

На улице было уже темно. И, несмотря на холод, многолюдно: движение на мостовой и тротуарах вечерней Флоренции было очень оживленным. Но я уже устал, на сегодня с меня было достаточно. Я еще раз попытался позвонить Кватрокки – и снова отозвался лишь автоответчик. Когда я прятал в карман телефон, то столкнулся с каким-то мужчиной – а может, это он налетел на меня.

– Извините, – произнес я, глядя на собственное отражение в его темных очках. Во рту у него торчала сигарета. Мужчина молча повернулся и пошел дальше.

– Эй, я попросил прощения! – крикнул я ему вслед, но он тут же исчез в толпе, а дым его сигареты смешался с выхлопными газами проезжавших автомобилей.

Два длинных лестничных пролета, затем еще два покороче. Александре захотелось подняться по ступенькам, а не на лифте, и я даже немножко запыхался – видимо, не стоило делать перерыв в тренировках. Мы добрались до лестничной площадки, и второй этаж галереи Уффици раскрылся перед нами, как сундук с сокровищами. Длинный прямоугольный зал был украшен скульптурами, огромные окна заливали все помещение светом, богатая роспись на резном деревянном потолке – все в целом было настолько эффектно, что у меня чуть голова не закружилась... а может, просто сказались четыре лестничных пролета.

За полчаса до этого я подошел к двери читального зала для научных работников, горя желанием продолжить чтение, но оказалось, что библиотекари ушли на забастовку, о чем извещало написанное от руки объявление на двери, с указанием ее часов, с 9.00 до 16.00. Цивилизованно, но досадно, и несколько читателей – уже знакомые мне двое и я – некоторое время топтались у двери, выражая свое раздражение каждый по-своему. Потом появилась Александра и предложила мне сходить в галерею Уффици. Это была уже приятная неожиданность.

– Уффици, – сообщил я, – значит по-итальянски «офисы».

– Мне это никогда не приходило в голову, – сказала она.

– Здание спроектировал художник Вазари как канцелярию семейства Медичи.

– Как здорово, что ты помнишь все эти подробности, – отметила Александра, затем взяла инициативу в свои руки и повела меня в зал с двумя большими изображениями Мадонны на троне. В своих лекциях я упоминал об этих картинах и смог произвести впечатление на Александру, издав название их авторов.

– Чимабуэ и Дуччо, – произнес я, невольно вспомнив при имени последнего о дневнике, спрятанном в коробке с материалами о Дуччо: не наткнулся ли кто-нибудь на эту тетрадку?

– Ты чем-то взволнован? – спросила моя спутница.

– Высоким искусством, конечно, – пробормотал я, практически не солгав.

Эти средневековые картины, видимо, вывозились из церквей, края некоторых полотен были повреждены, другие висели в рамах, явно снятых с других картин. В голове у меня промелькнуло слово «кража», и я тут же представил своего прадеда со спрятанной под рубашкой «Моной Лизой».

Александра заявила, что раннего христианства с нее достаточно, и направилась дальше по коридору. Мы перешли в зал с картинами мастера эпохи Возрождения Сандро Боттичелли.

– Потрясающе, – воскликнул я, глядя на картину размером с фреску – вернее, пытаюсь ее разглядеть поверх голов японской туристической группы человек из тридцати; все они, включая экскурсовода, были в наушниках, которые звучали как целое поле сверчков.

Я протиснулся поближе к картине, и Александра последовала за мной.

– Ла Примавера, – сказал я.

– Весна, – перевела она.

– Боттичелли здесь использовал языческий сюжет из древнегреческой и римской мифологии. Мы видим Венеру, приглашающую нас в свой сад.

– Принимаю приглашение! – откликнулась Александра, и я подумал, что она действительно могла бы проскользнуть в картину, присоединиться к трем грациям и танцевать вместе с ними. Ее светлые волосы сегодня были распущены и свободно стекали на плечи – идеальная натура для Боттичелли.

– Кто это рядом с ними, Марс? – спросила она.

– Нет, это Меркурий, бог весны, прогоняет зимние облака.

Александра посмотрела на меня, затем перешла в соседний зал, тоже посвященный Боттичелли. Там находилась его самая знаменитая картина «Рождение Венеры», богиня на половинке раковины, соблазнительная, как и любая женщина в истории искусства, хотя, по моему, Александра могла бы составить ей достойную конкуренцию.

Оторваться от Венеры было нелегко, но я был рад, что сделал это, когда мы перешли в соседний зал, где был притушен свет, а на центральной стене висел незаконченный шедевр Леонардо «Поклонение волхвов». Я видел эту картину на репродукциях, но оказался совершенно не готов к тому, что увидел в реальности.

Половину картины составлял просто рисунок на холсте, почерк Леонардо проступал со всей очевидностью. Мадонна в центре казалась чуть проработанным карандашным рисунком, прекрасным призраком. Фигуры персонажей вокруг нее находились на разных стадиях доделки или вообще без нее. Все это в целом производило захватывающее впечатление: казалось, что я мог воочию увидеть, как Леонардо думает, к каким решениям он приходит во время работы. Одинокое дерево на заднем плане было написано полностью, а пейзаж и прочие атрибуты вокруг него – холмы, стены, лошади – остались в набросках.

– Что думаешь? – спросила Александра.

– Это, наверное, самая красивая картина из всех, которые я видел в жизни, – сказал я, обводя взглядом штрихи углем и мазки кистью, ощущая всю силу чувств, вложенных в незаконченные лица. Мне казалось, что Леонардо разговаривает со мной сквозь время, увлекая меня в свой мир и в прошлое.

– Как жаль, что он ее не закончил, – заметила она.

– А я рад, что он ее не закончил. Мне нравится видеть руку художника в процессе творчества, – ответил я, предположив в глубине души, что он, может быть, сделал это намеренно. Леонардо был достаточно гениален, чтобы перестать писать картину в тот момент, когда она только складывалась. На память опять пришел отрывок из дневника: Винченцо за своим рабочим столом в Лувре делает стеклянную раму для Моны Лизы – и в этот момент я впервые смог действительно почувствовать, каково ему, видимо, было – Леонардо обладал силой, способной заманить вас, сделать частью его живых, дышащих творений.

– Рука художника, – повторила Александра, неосознанно или нарочно взяв меня при этом за руку. Разбираться в ее мотивах я был не в состоянии – меня в этот момент словно током ударило.

Она повела меня вниз по лестнице – в том состоянии я последовал бы за ней куда угодно. Но когда мы спустились, я остановился и обернулся, повинувшись какому-то другому чувству.

– Что случилось? – спросила Александра.

За миг до этого у меня возникло ощущение, что за мной кто-то следит, но вокруг было слишком много людей.

– Ничего, – сказал я и решил, что мне показалось.

Мы прошли, не останавливаясь, через залы художников-маньеристов Понтормо и Бронзино, известных своими преувеличениями и украшениями, миновали Мадонну Пармиджанино с непомерно длинной шеей. Тут я был не прочь и задержаться, но Александра уже направила стопы в другой зал, где, наконец, остановилась.

На картине две женщины держали военачальника. Одна из них вонзила лезвие ему в шею, и кровь залила край кровати.

– Одна из моих любимых картин, – заметила Александра, – одной из моих самых любимых художниц.

– Артемизия Джентилески, «Юдифь, обезглавливающая Олоферна».

– Ты прочитал табличку или раньше знал?

– Это довольно известная картина, – сказал я, хотя впервые видел ее не в качестве иллюстрации в учебнике. – У меня есть целая лекция по Артемизии.

– Seriously? А мои учителя по искусствоведению ее почти не упоминали. Все это застывшее действие удивительно, правда? Оно словно вот-вот продолжится, как стоп-кадр в кино. А посмотри на лицо полководца – его крик практически слышно!

– Одна из немногих выдающихся художниц Возрождения, – сказал я.

– Немногих известных нам, – поправила Александра.

– Живописи ее научил отец.

Александра резко повернулась ко мне.

– Так ты приписываешь ее заслуги отцу?

– Это просто факт, и все.

– Либо талант есть, либо его нет! – отрезала она. – Она ничем не хуже художников-мужчин той эпохи!

– Да я и не спорю! – я поднял руки в знак капитуляции.

Мы постояли так несколько секунд молча, но я ощущал исходящие от нее волны негодования.

– Извини, – сказала она, хотя чувствовалось, что она еще не остыла.

Потом она отвернулась и стала рассматривать следующую картину.

– Если бы я верила в Бога, то, глядя на эту картину, усомнилась бы в его существовании.

Это была картина Караваджо «Принесение в жертву Исаака»: Авраам собирается принести в жертву своего единственного сына, его рука прижимает голову мальчика к скале, нож поднят, лицо мальчика перекошено от ужаса.

– Каким садистом должен быть Бог, чтобы заставляя отца убить своего единственного ребенка? Что за отцом надо быть, чтобы это сделать? – произнесла она и встряхнула головой, словно пытаюсь избавиться от этой мысли, и я снова почувствовал в ней эту вспышку яростного гнева, совершенно несообразную моменту и месту.

– Едва ли кто-либо еще владел кистью так хорошо, как Караваджо, – заметил я, пытаюсь вернуть разговор к живописи. Я указал на динамичную композицию Караваджо, на то, как он управлял движением вашего взгляда по холсту, на сочетание красоты и уродства на его картинах, а также нового и старого – того, чего художники пытались достичь на протяжении веков. В этом месте я вновь вспомнил спор Винченцо в студии Пикассо.

Александра взяла меня за руку и потащила вперед, хотя спешить было незачем. Времени у нас было достаточно, я так ей и сказал.

– Я не хочу, чтобы ты обвинял меня, если вдруг не закончишь свой научный труд – о чем бы он ни был, – ответила с оттенком сарказма, на который я решил не обращать внимания.

Стены следующего зала были выкрашены в темно-малиновый цвет, и он, в отличие от предыдущих, был битком забит туристами.

– Опять Караваджо. Он всегда собирает толпу, – заметила Александра.

Мы протиснулись поближе, чтобы рассмотреть его портрет Вакха. Все в этой картине было насыщено чувственностью; юноша на картине был одновременно и мужественным, и женственным.

– Он опередил свое время, – сказал я и добавил несколько ярких подробностей мучительной жизни Караваджо – его бисексуальность, изуродованное в драке лицо, обвинение в убийстве, вынудившее его бежать из Неаполя, и смерть в тридцать восемь лет по невыясненной до конца причине – то ли это была лихорадка, то ли его убили.

– Вау! – воскликнула Александра. – Мои преподаватели по искусствоведению в такие подробности не вдавались. Твои лекции

гораздо интереснее.

Я предложил ей посетить мои занятия, когда мы вернемся домой, и тут же испугался, что к тому времени меня могут уже выгнать из преподавателей. Я был рад отвлечься от грустных мыслей на картину Караваджо «Голова Медузы». Картина эта совершенно ужасающая: рот Медузы открыт в испуганном крике, глаза расширены от ужаса, из шеи струями течет кровь.

– Ты знаешь, это автопортрет.

– Да? – удивилась Александра. – Зачем же он нарисовал себя в образе Медузы, да еще с отрубленной головой?

– Не знаю, – ответил я. – Может быть, он так выразил свои размышления о смерти.

Я приблизился к картине, чтобы получше ее рассмотреть, но мне стали мешать блики света на футляре из плексигласа.

– Терпеть не могу эти чертовы коробки, – проворчал я и подумал о Винченцо, делавшем из стекла такие же футляры для защиты самых ценных экспонатов в Лувре.

– У меня от нее мурашки по коже, – сказала Александра. – Эти змеи выглядят как настоящие, они словно действительно извиваются.

Он засмотрелся на металлический блеск змеиной кожи, на отрубленную голову, на алую кровь, хлещущую из отрубленной шеи, на отблеск света в потухающих глазах Медузы. Все на картине такое яркое и настоящее, рука так и тянется потрогать, и если бы не плексигласовый футляр, он бы так и сделал – но стоп, он слишком надолго отвлекся.

Где они?

Он осматривает зал и, наконец, замечает их в противоположном конце у самого выхода. Быстро, но как бы без особой цели, он движется следом, оставляя между ними и собой несколько человек для подстраховки. Они останавливаются у книжного киоска, рассматривают блокноты и карандаши, всякие головоломки и игры – на всех товарах изображения здешних экспонатов. Американец рассматривает чехол для смартфона с изображением той картины, где голая женщина на ракушке. Он показывает чехол блондинке, которая смотрит на него, подняв бровь, а потом смеется.

Почему при виде того, как им хорошо, он так заводится? В его сознании начинает созревать идея, пока еще расплывчатая, как проявляющаяся фотография, без деталей, но когда он ее доработает, она станет такой же яркой и кровавой, как репродукция Медузы, которую он только что присмотрел. Не купить ли ее, кстати? Нет, слишком поздно: Американец и блондинка уже выходят из магазина.

Выйдя из музея, мы оказались в каком-то непонятном внутреннем дворе: это был даже не двор, а некая полуоткрытая площадка с несколькими деревянными скамеечками современного типа, которые выглядели как элемент детской площадки во дворе жилого комплекса. На одной из них отдыхали двое ребяташек, пока их родители сверялись с путеводителями.

– Боже, какой кошмар, – воскликнул я. – Неужели нельзя было разрисовать стену или хотя бы покрыть ее граффити, чтобы здесь был хоть какой-то элемент искусства, для более плавного перехода от Уффици к обыденной жизни?

Александра посмотрела на меня с загадочной улыбкой, потом вдруг потянулась ко мне и крепко поцеловала в губы, успев даже коснуться моего языка своим, прежде чем так же неожиданно отпрянула.

Думаю, что на моем лице были написаны удивление и восторг, но Александра тут же приняла виноватый вид, по-детски закусив нижнюю губу.

– Прости...

– Я не обиделся!

– Я не должна была этого делать... Это все из-за твоей лекции по Артемизии и из-за слов, что здесь должен быть элемент искусства... Забудь об этом.

Мне хотелось сказать, что у меня вряд ли это получится, но я промолчал, хотя улыбка на моем лице, наверное, и без того была достаточно красноречивой.

– Библиотека уже открыта, – заявила Александра. – Тебе нужно идти.

– Хочешь от меня избавиться?

– Нет, – произнесла она уже мягче.

– Отлично, тогда давай пойдем вместе в библиотеку.

– Не могу. Мне нужно... еще кое-что сделать.

– Эй, если это все из-за поцелуя...

– Я не знаю, что это на меня нашло. Давай сделаем вид, что ничего не было?

- Может быть, у тебя и получится... – улыбнулся я.
- Еще увидимся! – крикнула она, сбегая вниз по лестнице, и исчезла так быстро, что я не успел спросить, когда именно.

Александра торопливо спускалась по ступенькам. О чем она только думала, бросившись его целовать?

Ясное дело, вообще не думала. Или все-таки осталось еще что-то в голове?

Она приложила палец к губам, как будто все еще чувствовала там этот поцелуй.

Но это все-таки смешно. Это перебор. Слишком быстро. Нужно вернуться и что-то сказать. Но что? Нет, так будет только хуже: вернувшись, она будет выглядеть еще более глупой и безрассудной – такой она бывала не часто, а теперь в особенности не могла себе позволить.

Пройдя пару кварталов, она оглянулась – не для того, чтобы проверить, не идет ли за ней Люк, а из-за ощущения, что кто-то все-таки идет. Глупо, конечно, как тут поймешь. Повсюду сновали люди – очередная туристическая группа, итальянцы с сумками для покупок, торговцы путеводителями и сувенирами. Александра быстро перешла площадь и продолжала идти, пока не оказалась в узком переулке, который заканчивался небольшой площадью со старой часовней. Повинуясь какому-то импульсу, она вошла – сегодня она была вся на импульсах.

Внутри церковь была просто побелена, никаких излишеств, лишь ряд красивых фресок на арках. Александра остановилась, чтобы прочесть надпись на табличке: часовня называлась «Oratorio dei Buonomini di San Martino»^[29] и принадлежала добровольческому ордену, а фрески пятнадцатого века изображали добрые дела этого ордена. Фрески были высоко над головой, но она попыталась их разглядеть. На одной монахини ухаживали за женщиной, лежавшей в постели: краски были неяркими, выражения лиц у монахинь – добрыми, а лицо пациентки – бледным и болезненным.

Внезапно Александра заплакала, горько и неудержимо. Она хотела взять себя в руки, но знала причину этих слез, и не могла остановиться.

Почувствовав чью-то руку на своем плече, она обернулась так быстро, что чуть не потеряла равновесие.

– Scusi, – перед ней стояла пожилая монахиня, вся в белом, с таким мягким и добрым выражением лица, словно она только что, ожив, сошла с фрески. – Stai bene?^[30]

– А, да... все в порядке... – запинаясь, произнесла Александра. Она нашла в себе силы поблагодарить монахиню, а затем быстро вышла из часовни. Возможно, это был такой знак, подумала она, что ей тоже нужно творить добро. Но разве не этим она сейчас занимается, по-своему?

Открыв дверь своего номера, я остановился на пороге, почувствовав сильный запах табака и увидев на полу фотографию Перуджи, а рядом – газетную вырезку, которую я оставлял на каминной полке. На миг я застыл неподвижно, осматривая свое скромное жилище. Спрятаться было особо негде – разве что в ванной или под кроватью. Я заглянул туда и сюда, затем вернул вырезку на место, а фотографию воткнул поглубже под рамку зеркала. Проверив окно, я убедился, что оно закрыто, а значит, бумаги были сброшены на пол не ветром.

Кто-то здесь побывал. Может быть, горничная?

Но кровать не была застелена, а полотенце висело над ванной там же, где я оставил его утром. Я вернулся к окну, открыл его и выглянул в темный и тихий переулок. На эту стену не смог бы взобраться никто, разве что Человек-паук. Даже подростком – а я тогда немало по лазил по стенам и сетчатым заборам – я ни за что бы не смог взобраться по этой отвесной поверхности. Я закрыл и запер окно, и, чтобы избавиться от тошнотворного чувства вторжения, постарался уверить себя, что все предметы имеют свойство падать.

Наконец, я успокоился настолько, что смог поужинать куском пиццы, купленным у уличного торговца, и запить его согревшейся минералкой, потом достал свои записи и стал думать о плодах сегодняшнего трехчасового сидения в библиотеке. Записи я делал для памяти, потому что сегодня мне было очень трудно сосредоточиться. Поцелуй Александры остался на губах и в сознании, мысли вертелись вокруг одного вопроса: нравлюсь я ей или нет. Видимо, все-таки нравлюсь, раз она меня поцеловала! Но тогда почему она вдруг так резко ушла? Причем не в первый раз. Что это с ней, раскаяние? Смушение? Ответа я не находил, и мне следовало перестать о ней думать. Я приехал во Флоренцию не ради романтических отношений. Как раз наоборот, мне нужен был перерыв. Моя предыдущая девушка, рыжая красивая интеллектуалка, была омбудсмен университета, я познакомился с ней, когда пришел за советом по поводу одного проблемного студента. С той встречи я ушел с ее телефонным номером, затем были полгода изумительных вечеров и ночей, секса и

умных разговоров. Все кончилось, когда она предложила мне подумать на тему совместной жизни. Шесть месяцев – и гуд бай, это моя обычная схема.

Итак, я разложил перед собой заметки, усилием воли выбросил из головы омбудсменку Кейти, кулинарную обозревательницу Аманду, поэтессу Терри, и даже Александру. Мне нужно было сосредоточиться на том, что я сегодня прочитал:

– Тикола урезал ставку Перуджи.

– Простуда Симоны прогрессировала, и она была уже не в состоянии работать.

– Денег у них становилось все меньше.

– Перуджа встретился с Вальфьерно.

Мне хотелось выстроить календарную последовательность событий, приведших к краже, хотя я не мог точно сказать, сколько времени прошло в реальности между каждым из них. Поднявшись, чтобы смыть с пальцев жир от пиццы, я мельком увидел под краем рукава футболки свою юношескую татуировку: очертания пролива Килл Ван Калл с Бейоннским мостом наверху – памятка о моей прошлой жизни.

Тогда никто из нас понятия не имел о голландском происхождении этого названия, просто нам нравилось, как оно звучит: угрожающе и круто, это ведь кажется главным, когда тебе пятнадцать лет. Мне сразу же вспомнился тот день, когда я и еще пятеро местных пацанов набили себе такие татуировки: взбодрившись выпивкой и сигаретами, мы чувствовали себя еще более дерзкими, чем обычно, и отношение к миру, которое мы демонстрировали, неизгладимо отпечаталось на наших руках.

Я напряг бицепс и посмотрел, как расширяется крестообразный мост; когда-то мне казалось, что это очень круто, а теперь я был рад, что татуировку не видно хотя бы под длинными рукавами. Татуировку замкнутой цепочки, которая опоясывала верх моего второго бицепса, было еще легче скрыть, и объяснять ее происхождение не приходилось.

Теперь я уже плохо помнил, каким был тогда: все эти отстранения от занятий, веселые поездки с приятелями на угнанных машинах, ночные пьянки. Нельзя сказать, что наша компания была уж совсем плохой. Мы представляли себя такими современными Робин Гудами,

несущими отмщение тем, кто его заслуживает – но мы сами устанавливали правила и решали, кто что заслужил.

Перед сном я прочел несколько страниц из книги, которую привез с собой. Это была очередная биография Леонардо: автор вдавался в такие подробности, например, как тот факт, что Леонардо был левшой. Я заснул с мыслью, что Леонардо писал картины справа налево, чтобы не смазать рисунок. Мне приснилось, что я вырываю дневник Перуджи из рук старика, который лежит на улице и истекает кровью, а Александра смотрит на это с тротуара и зовет меня, а затем исчезает.

Утром я проснулся, оттого что продрог: в комнате было очень холодно. Я встал и потрогал радиатор – он был холодным, как камень. Я покрутил ручку регулятора – и услышал, что в батарею с шипением пошел пар. Но когда я успел его выключить? Я натянул джинсы, не в силах избавиться от ощущения, что вчера кто-то побывал в моей комнате.

Затхлый запах сигаретного дыма все еще витал в воздухе.

Библиотека была еще закрыта, поэтому я решил проверить свою электронную почту. Там было письмо от замещавшего меня дипломника, он сообщал, что на его лекции сидел наш начальник. По мнению дипломника, занятие прошло хорошо, о чем он и ставил меня в известность. Я представил себе заведующего, который с кислым выражением лица сидит на лекции и записывает замечания, зафиксировав, помимо прочего, факт моего отсутствия... или, что еще хуже, делает вывод, что мой дипломник преподает лучше меня. Какое-то время я думал, не послать ли начальнику еще одно сообщение, что моя работа здесь успешно продвигается... Но так ли это на самом деле? Будет ли мне, действительно, чем отчитаться за время, проведенное здесь? Еще пришло письмо от кузена-скульптора, живущего в моем лофте. Он писал, что отлично проводит время в Нью-Йорке и что он связался с галереей в Челси, которая хочет устроить ему выставку. Я написал в ответ «отлично» и закрыл ноутбук, изо всех сил стараясь не завидовать тому, что мой двоюродный брат, который провел в городе меньше недели, собирается выставляться там, где я только что потерял место.

Я застегнул рубашку, взял куртку и подумал, что мне, наверное, стоит купить свитер. Может быть, в том самом бутике на площади Сан-Лоренцо, где я проходил с Александрой. Этого было достаточно,

чтобы снова начать думать о ней... да если честно, я и не переставал все время вспоминать ее поцелуй и электрическое прикосновение руки. Я надеялся, что она придет в библиотеку, ждал этой встречи с таким же нетерпением, с каким старался увидеть ту девочку, в которую был влюблен в младших классах средней школы. Даже нет, гораздо сильнее, чем тогда. Александра меня серьезно зацепила.

В холле гостиницы я остановился у стойки регистрации и спросил, заходила ли в мой номер горничная. За стойкой, попыхивая сигаретой, сидел все тот же самый парень, и в воздухе вокруг него клубилось ядовитое облако никотина. Он с усилием оторвался от итальянского таблоида и медленно поднял голову.

– Горничная?

– *La domestica*, – перевел я для верности.

– *Perche?*^[31] Есть какая-то проблема?

Я ответил, что нет, просто так, из любопытства спросил. Он вздохнул с таким видом, словно его ужасно утомлял этот разговор, потом сообщил, что горничная заболела и вообще здесь не появлялась.

«Может, ты ее подменяешь?» – хотелось мне спросить, но сама мысль, что этот субъект может попытаться прибрать в номере, показалась мне нелепой.

Было все еще рано, и я, стараясь идти медленно, прошел от Пьяцца-ди-Мадонна до Сан-Лоренцо, там забрел в кафе-бар, в котором был на днях, и меня встретили как старого друга. Потягивая эспрессо, я поболтал с барменом о погоде («в последнее время холоднее, чем обычно»), о политике («она всегда была мерзостью»), затем об итальянском футболе (о котором я ничего не знал).

Сочетание кофеина и неприятного общения восстановило мое душевное равновесие, но когда я вышел на площадь, ко мне вернулось ощущение, что за мной следят. Оглянувшись, я увидел несколько явных туристов и идущих на работу итальянцев с портфелями. Никакого «хвоста» я не заметил, но ощущение не проходило. Чутье на такие вещи у меня выработалось еще в Бейонне и неоднократно пригодилось в юности. Я еще раз осмотрелся, но задерживаться не стал, стремясь поскорее вернуться к чтению дневника. Когда я свернул в темный переулок, ведущий к монастырю, то едва разминулся с парой монахов, которые в своих надвинутых от холода капюшонах выглядели скорее зловеще, чем праведно. Мы

покивали друг другу в знак приветствия, и они направились в сад, а я вверх по лестнице в библиотеку. Все это время мне казалось, что за мной «хвост».

Красная точка на экране сотового, по которому он отслеживал передвижения Американца с момента выхода из гостиницы, застряла в эспрессо-баре. Установить камеру и датчик размером меньше квадратного сантиметра в углу гостиничного номера «объекта» оказалось нетрудно. Теперь, благодаря новейшим разработкам шпионской фирмы «FFI Software Solutions», услугами которой он и раньше пользовался, он сможет получать информацию с ноутбука и телефона Американца на свой телефон на расстоянии до ста метров. Американцу и в голову не придет, что каждое его электронное письмо и текстовые сообщения читаются, его звонки прослушиваются, а GPS следит за каждым его движением.

Эта часть работы была выполнена с легкостью. Но больше пока ничего не удалось добиться. Он обыскал комнату, каждый ящик в комод, шкаф, заглянул под кровать, даже прочитал статьи, которые Американец держал на комод, но того, что он искал, в номере не оказалось. Это должно быть в библиотеке. Ему придется пойти туда самому и проверить. Но как туда проникнуть? И как изъять этот предмет, не поймавшись и не вызвав подозрений? Это самая главная часть его задания.

Вот красная точка снова начала двигаться, и он идет следом, на квартал позади, теперь он может себе это позволить; с этой шпионской программой Американец не потеряется и не застанет его врасплох какими-нибудь внезапными движениями. Большим и указательным пальцами он увеличивает масштаб карты на экране сотового и видит, что точка движется по улице и входит в Лаврентийскую библиотеку. Никаких сюрпризов. Он неторопливо идет следом, задерживается в том же эспрессо-баре, где останавливался Американец. Приятно, что им нравится одно и то же заведение. Можно даже вежливо поболтать с хозяином кафе, затем пойти со стаканчиком на свое обычное место, сесть там на каменные ступени и закурить сигарету. Сегодня с утра на площади тихо, туристов мало, палатки напротив церкви, торгующие кожаными ремнями и обувью, еще закрыты. Он вглядывается в темный переулок, что ведет к монастырю, и видит того же монаха, что и раньше – тот бродит у входа в монастырь и смотрит по сторонам. Не

стоит отводить взгляд. С какой стати? Он ведь обычный человек, который сидит себе на площади и наслаждается утренним кофе и сигаретой. В этом нет ничего плохого.

Маркиз назначил мне встречу в каком-то маленьком кафе.

Освещение там было плохое, но мне его хватило, чтобы разглядеть тараканов, ползавших по полу и стенам. Вряд ли маркиз часто здесь бывает, подумал я тогда. Но он там был. Он приветствовал меня, хищно улыбаясь. Сказал, что нам нужно отпраздновать.

Что именно, спросил я.

Вместо ответа он достал из кармана сверток из серебристого шелка. В нем оказалась серебряная ложечка с дырочками. Он заказал бутылку «Перно». Кубики сахара. Кувшин с водой. Бокалы.

Он разлил по бокалам «Перно». Положив кубик сахара в дырчатую ложечку, он аккуратно пристраивал ее на край бокала. Затем медленно вливал через сахар воду, до тех пор, пока изумрудно-зеленый абсент не становился мутно-белым.

Он протянул мне бокал и предложил выпить. А сам все время что-то говорил. И все время называл меня «милый мальчик», что мне совершенно не нравилось. Но я выпил. Напиток был сладковатым и сильно отдавал анисом. Он обжег мне горло. Но я не обращал на это внимания.

Мы выпили еще по бокалу. Потом еще. Вальфьерно все подливал и подливал мне. Он рассказывал о картинах, которые покупал и продавал за огромные деньги. Говорил о своих путешествиях по всему миру. О влиятельных людях, с которыми он знался.

Я слушал, но ничего не говорил. Мне было нечего рассказать. Но после очередного бокала у меня развязался язык. Я заговорил о своем творчестве. О том, как мне хочется сотворить что-нибудь великое и красивое. Жаловался на свою работу и на своего босса Тикола. Я даже признался ему, как меня беспокоит здоровье Симоны. Вальфьерно все время сочувственно кивал, как старый друг. И то и дело подливал мне абсента. Потом он наклонился ко мне и сказал шепотом, что знает способ, как поправить мои дела. И изложил свой план.

Когда он договорил, я расхохотался. Я был уверен, что это шутка.

Вальфьерно немного помолчал, потом повторил свой план, и я понял, что он говорит всерьез. Я сказал ему, что он спятил, и поднялся, чтобы уйти. Но абсент ударил мне в голову, и я нетвердо стоял на ногах.

Вальфьерно схватил меня за руку своими паучьими пальцами и усадил обратно на стул. Потом еще раз подробно объяснил, как все можно сделать. Рассказал до мелочей. И сказал, сколько мы на этом заработаем.

Я ответил ему, что это невозможно.

Несколько минут мы сидели так молча. Я думал о том, что он сошел с ума. Был уверен, что его план – бред сумасшедшего.

Все это осуществимо, сказал он, наконец. И похлопал меня по плечу. Сказал, что я должен поверить ему. И всякий раз называл меня «милым мальчиком». Как мне хотелось плюнуть ему в лицо!

Потом он предложил мне несколько франков, чтобы помочь вылечить Симону. Я не хотел брать его деньги. Но взял.

Он обещал, что денег будет больше, намного больше.

Я взял его деньги, это правда. Но сегодня я клянусь перед лицом Господа, что не собирался делать то, что он предложил.

Я бы и не стал, если бы обстоятельства не изменились.

Я перевернул страницу, надеясь больше узнать о плане Вальфьерно, но Винченцо сменил тему и дальше стал подробно описывать рисунки, которые он вырезал на стене своей камеры. Рисовал он палочкой, которую подобрал во дворе тюрьмы, тайком пронес в камеру и заточил о каменный пол. Он изобразил частично обнаженную женщину в память о Симоне, а также Наполеона на коне с картины придворного художника диктатора Жака-Луи Давида, которую Винченцо хорошо помнил. Когда колокола базилики Сан-Лоренцо пробили время закрытия библиотеки, я все еще не знал, как Вальфьерно убедил Перуджу украсть самую знаменитую картину в мире, а мне хотелось это скорее узнать, хотелось продолжить чтение. Далеко не в первый раз я машинально потянулся за телефоном, чтобы сфотографировать страницы дневника, и в очередной раз вспомнил, что телефон остался у охранницы.

Я закрыл дневник и огляделся. Кьяры на месте не было, отсутствовал и Риккардо. Момент был подходящий. Потратив минуту на размышление, как это лучше сделать, я решился. Одной рукой я расстегнул верхнюю пуговицу джинсов, а другой, все еще державшей дневник, начал осторожно двигать его к ближнему краю стола.

Кафе, соседствовавшее с моей гостиницей, снаружи выглядело довольно убого, но внутри было тоже шумно и многолюдно. Настенные бра создавали неяркое освещение в стиле фильма нуар. Бармен, молодой парень с прилизанными назад волосами, приветствовал меня ослепительной улыбкой и бесплатным бокалом просекко^[32], которого мне хотелось, но я пришел сюда не за этим. Вместо вина я заказал газированной воды, а бармен тем временем перечислил три варианта панини^[33], составлявшие меню этого бара.

– Фарми уна сорпреса, – сказал я. Пусть это будет сюрприз.

Через несколько минут он принес порцию панини с пармской ветчиной и сыром фонтина.

Едва я успел откусить кусочек, как на барный стул рядом со мной опустился какой-то мужчина.

– Морозный вечерок, – произнес он по-английски. – Не ожидал, что здесь будет так холодно.

Я молча кивнул. Мне не хотелось поддерживать беседу.

– Американец? – спросил он.

Я окинул его взглядом: кепка надвинута по самые очки, большие и черные, практически непроницаемые при здешнем слабом освещении.

Я снова кивнул.

– Я тоже! – воскликнул он. – Я из Чикаго, а ты?

– Нью-Йорк, – буркнул я, не разделяя его энтузиазма.

– Величайший город в мире!

– Бывает, – сказал я и, наклонившись, вернулся к поеданию панини, надеясь, что соотечественник, наконец, поймет намек.

Он тем временем закурил.

– Слава богу, в Италии пока еще можно курить! – Он предложил мне сигарету. Я уже много лет не курил; это была одна из тех привычек, от которых я отказался и к которым не хотел возвращаться.

Бармен налил ему бесплатный бокал просекко, который он залпом выпил и заказал еще. Указав на мою порцию панини, он произнес: «Анче пер ме», – а затем обратился ко мне.

– Надеюсь, я сказал «мне то же самое». Я не говорю по-итальянски, но такая фраза есть в путеводителе.

– Ты попросил разрешения переспать с его сестрой, – сказал я.

– Что? – у него отвисла челюсть.

– Шучу. Ты все правильно сказал.

– Неплохо. – Он ткнул меня кулаком в плечо, как старого приятеля. – Чем занимаешься во Флоренции?

– Турист, – я все еще старался отвечать, по возможности, кратко.

– А я тут по делу, – сообщил он, хоть я и не спрашивал. – Надеюсь приобрести кое-какие картины и вещички для моих клиентов.

Этим он меня, наконец, заинтересовал.

– Значит, ты перекупщик?

– Ну, как ни назови – да, я покупаю и продаю произведения искусства.

– В этом занятии нет ничего постыдного.

– Это верно, но иногда мне кажется, что мне следовало бы заняться чем-то другим, ну, знаешь, чем-то более достойным.

– Покупать и продавать произведения искусства – недостойное занятие?

– Ну, оно мало что дает для блага человечества.

– А таких занятий вообще мало, – предположил я, невольно задаваясь вопросом: то, чем я здесь теперь занимаюсь – я делаю для блага человечества или только для себя?

– А ты чем занимаешься? – Он опять пихнул меня локтем в плечо.

Подавив вздох, я отложил в сторонку бутерброд.

– Преподаю, – кратко ответил я, все еще не теряя надежды закончить беседу.

– Вот как. А что преподаешь?

Я так и не смог ничего придумать и сказал, как есть, хотя понимал, что мой ответ его только раззадорит.

– Искусствоведение.

– Кроме шуток? Ну, так нам есть о чем поговорить.

Этим он тут же и занялся, пустившись в пространное рассуждение об истории искусства, с особым акцентом на Леонардо, его «любимейшем художнике всех времен», чем он еще раз смог привлечь мое внимание. Там было все, начиная с уникального стиля

живописи Леонардо и заканчивая его не самыми удачными экспериментами с новой техникой изготовления фресок.

– Только пойми меня правильно, – говорил он. – Я в восторге от этого парня, но если бы он пользовался традиционными способами обработки, «Тайная вечеря» не была бы сейчас в таком ужасном состоянии.

– Художник должен экспериментировать, – неохотно возразил я, тут же вспомнив о споре Винченцо и Пикассо.

– Думаю, тут ты прав, но лично мне хотелось бы, чтобы у Леонардо было побольше терпения.

Тут я уже возмутился.

– Ты шутишь? Он работал над «Моной Лизой» двенадцать лет! Даже взял картину с собой, переехав во Францию, и продолжал работать над ней до самой смерти! Что-что, а терпение у него было.

– Наверное, ты прав. – Он закурил еще одну сигарету. – Но хотелось бы, чтобы он написал больше картин или хотя бы закончил те, что начал.

– Все, что делал Леонардо, гениально, независимо от того, закончил он это или нет! – Вспомнив, как мы с Александрой стояли перед «Поклонением волхвов», я пожалел, что говорить мне сейчас приходится не с ней, а с этим типом. – Вот ты торговец произведениями искусства, так что ты думаешь об этом «Спасителе мира» Леонардо?

– В смысле, если это действительно Леонардо...

– Ты сомневаешься в его подлинности?

– А разве в этом есть полная уверенность?

– Я не знаю, но ее же продали – за сколько там – за триста миллионов?

– Точнее, за четыреста пятьдесят.

– Известно, кто ее купил?

– Предположительно наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман. Теперь она пропала, или ее где-то прячут. Ее нет на большой выставке Леонардо в Лувре, и в музее Абу-Даби ее побоялись выставлять – ах, извините, в «Лувре Абу-Даби»! Сила названия. Прилепите слово «Лувр» на кучу кирпича и стальных балок – и вот у вас уже великий музей, а в нем – великие произведения искусства. – Он презрительно фыркнул. – Ходят слухи, что саудиты,

возможно, держат картину в загорелке как козырь в сделках с французами.

– Откуда это известно?

– Слышал от кого-то... не помню. – Он пожал плечами. – Ты же в курсе, что «Мона Лиза» какое-то время висела у Наполеона в спальне?

– А ты бы не повесил у себя, если бы мог?

– Ни за что! Я считаю, что великие творения нельзя прятать от мира! – тут он повысил голос, и из ноздрей его повалил дым, как у дракона.

– Да успокойся ты, я пошутил.

– Извини. Меня, правда, возмущает, что некоторые коллекционеры крадут шедевры у всех нас, – он помолчал немного, потом спросил. – Сам-то ты так не сделал бы, правда?

– Я? Нет. Да и не смог бы себе позволить, даже если бы захотел.

– А если бы мог?

– Да пошутил я, пошутил.

– Шутник, – он снова двинул меня локтем, губы его расплылись в широкой улыбке, и это была единственная часть его лица, которую можно было хоть как-то разглядеть в полумраке, все остальное скрывали черные очки. – Так ты надолго сюда приехал?

Мое уличное прошлое шепнуло мне, что все это уже слишком напоминает допрос, и вместо ответа я сам спросил:

– А ты сколько тут пробудешь?

– Смотря как дела пойдут. Что ты сейчас изучаешь?

Не помню уже, что я ему на это ответил, но с меня было достаточно.

– Все, мне пора баиньки.

– Так рано? Вечер только начался.

Сославшись на усталость, я попрощался.

– Что, завтра рано вставать?

Рано или нет, но мне предстояло вернуться к чтению дневника, только все это было не его собачье дело, так что я молча слез с барного стула и повернулся, чтобы уйти. Но он остановил меня, придерживая за руку.

– Погоди-ка. Мы же так и не познакомились.

– Да, действительно. Меня зовут Люк Перроне.

Он протянул ладонь.

– Джон Смит. Очень рад знакомству, честно, – и с этими словами он снова ткнул меня кулаком в плечо.

Мне очень хотелось тоже стукнуть его кулаком, да покрепче. Что-то мне в нем не нравилось, как-то не вызывали доверия темные очки в вечернем баре, да и настораживали все эти расспросы, но я сдержался и сказал только:

– Спокойной ночи.

Несколько дней ничего не писал. Не мог. При одной только мысли о том, чтобы выложить все на бумагу, становилось больно. Вместо этого я рисовал на стенах камеры. Лишь бы отвлечься. Но сегодня я решил, что должен это записать. В точности, как все произошло. Дословно.

Прошло несколько дней. Когда я доделал стеклянный футляр для «Моны Лизы», Тикола сказал, что музей больше не нуждается в моих услугах. Он придрался к тому, что я взял отгул. Это верно, взял. Но я оставался дома для того, чтобы ухаживать за больной Симоной. Тикола знал об этом, но не проявил сочувствия.

Я не знал, что делать. Как заработать денег? Как нам выжить? Я не мог спать. Я не мог есть. Я пытался скрыть свое беспокойство от Симоны. Я притворялся, что каждый день хожу на работу. Я искал работу плотника. Но ничего не находил. У нас кончались деньги. И я впал в отчаяние.

Так что я еще раз встретился с Вальфьерно. Сказал, что готов участвовать в его затее. Я попросил у него несколько франков в виде задатка, и он дал. Мы пожали друг другу руки. Но я клянусь, что не собирался доводить его план до конца. Если бы Симоне не стало хуже.

Она уже много дней болела. Ее стал бить озноб. Лицо горело. Дыхание было сдавленным.

Я укутал ее еще одним одеялом. Сказал ей, что надо ехать в больницу. Но она стала отказываться. Голос у нее был слабый, но воля железная. Она уверяла, что в прошлый раз в больнице она чуть не умерла от радости медиков. Она не сомневалась, что ей станет лучше. Что это всего лишь дурацкая простуда. Но потом она стала еще сильнее кашлять.

Я умолял ее согласиться поехать в больницу. Симона снова отказалась. Она тоже умоляла меня. Говорила, как она ненавидит это заведение. Уверяла, что ребенок родится через несколько дней, и она сразу же поправится. Сказала, что лекарство, которое я купил в аптеке, – это все, что ей нужно.

Ее невозможно было переубедить.

Прошел еще один день, и кашель еще больше усилился. И когда я увидел на ее носовом платке пятна крови, я не стал слушать никаких возражений. Я поднял Симону на руки. Она была слишком слаба, чтобы сопротивляться, она прижалась ко мне своим хрупким телом. Щекой я чувствовал ее горячее дыхание. Я нес ее шесть лестничных пролетов вниз, самую дорогую ношу в своей жизни. Все это время я молился и шептал ей на ухо: держись, моя милая, с тобой все будет хорошо. Я обещаю.

Была холодная парижская ночь. Ни луны, ни звезд. На те скромные деньги, что дал Вальфьерно, я нанял такси. Непривычная для меня роскошь. Машина запрыгала по булыжникам, и я крикнул водителю, чтобы он ехал помедленней. Через несколько секунд я уже умолял его ехать быстрее! Я прижимал Симону к себе. Ее кожа горела. Сквозь уличный шум я слышал, как в груди у нее что-то клокочет. Я проклинал себя за то, что так долго медлил.

Я все время повторял ей, что мы скоро приедем, и умолял ее держаться. Я гладил ее влажные волосы. Целовал ее веки. В свете проплывшего мимо уличного фонаря я увидел, что ее кожа из красной превратилась в пепельно-серую. Я умолял водителя ехать быстрее. И крепче прижал к себе Симону. Я молился, не переставая, хотя и беспокоился, что Бог, от которого я давным-давно отошел, не услышит меня.

Симона сжала мою руку и прошептала мое имя. Она сказала, что я великий художник, и не должен забывать об этом. Сказала, чтобы я был счастлив.

Я ответил, что сейчас не время говорить о таких вещах. Что мы всего в нескольких минутах езды от больницы. Но она не хотела молчать. Говорила, что это важно, и что я должен это помнить.

Я велел ей успокоиться. Тихонько приложил палец к ее губам. Они были холодные.

Она просила меня пообещать быть счастливым, когда ее не станет.

Невыносимо было слышать, как она говорит такое. Я отвечал, что во всем этом нет необходимости. Повторял, что с ней все будет хорошо. Но она не успокаивалась. Поэтому я пообещал ей. Что буду помнить. Что буду счастлив. Умолял ее поберечь силы. Говорил ей, как сильно она нужна мне. Ее присутствие. Ее вера в меня. Говорил,

что без нее я никто. Я заставил ее пообещать, что она всегда будет со мной.

И Симона пообещала. Прошептала мое имя. Сказала, что всегда будет со мной. Велела искать ее в мире теней.

Я умолял ее не говорить об этом! Говорил, что это лихорадка, что она бредит. С ней все будет в порядке. Она выздоровеет, и будет счастлива, и будет рисовать свои прекрасные картины. Я умолял ее держаться. Для меня.

Я целовал ее щеки. Целовал ее лоб, губы. Я прижимал ее к себе, а такси скакало по парижским улицам.

Симона сказала, что любит меня. И я сказал, что люблю ее.

Я сказал ей, что она – мой мир.

Я почувствовал на своих глазах и щеках слезы. Симона закрыла глаза и прижалась головой к моей шее. И я почувствовал ее слезы.

Потом она попросила меня спеть ей.

Что спеть, спросил я, зачем?

Спой, сказала она. Спой что-нибудь.

У меня голова шла кругом. Все, что пришло на ум – та глупая песенка, которую пел Пикассо. Вот ее я и запел.

«О Манон, мон жоли, мон кер те ди бонжур...»

Симона начала смеяться и тут же закашляла кровью. На ее блузке была кровь. И на одеяле. Я попытался успокоить ее.

Но она просила не останавливаться. Продолжать петь. Ей нужно было слышать мой голос. Нужно было знать, что я здесь, рядом с ней.

Она стиснула мою руку. И вот, со слезами на глазах, я снова и снова повторял эту глупую песенку, а потом пальцы Симоны ослабли, и единственная женщина, которую я в этой жизни любил, умерла у меня на руках.

В туалете я ополоснул лицо холодной водой. Образ Симоны, умирающей на руках у Винченцо, не выходил у меня из головы. Таких эмоций я, пожалуй, до сих пор не испытывал. Обычно печаль я старюсь поскорее превратить в злость или просто затаить ее и сделать вид, что я ничего не чувствую. На это указывала не одна моя подруга. Я ехал сюда за фактами, а не за впечатлениями, но этот дневник воздействовал на меня так, как я раньше и представить себе не мог.

Досадно, что я так и не смог выкрасть его предыдущим вечером. Рикардо и Кьяра вернулись в читальный зал как раз в тот момент, когда я убирал дневник со стола, собираясь засунуть его себе в джинсы. Мне пришлось отказаться от своего намерения. Кража из Лаврентийской библиотеки наверняка повлекла бы за собой крупный штраф и запрет на посещение библиотеки в дальнейшем, а может быть, даже арест и судебный иск. Я представил себя в какой-нибудь убогой итальянской тюрьме, бесполезные звонки в американское посольство – там поднимут историю моих юношеских подвигов и не станут вмешиваться. Мне не хотелось пойти по тому же пути, что и мои дружки из подростковой компании: двое в могиле, один в тюрьме, остальные бог весть где.

Возможно, это даже лучше, что журнал остался в библиотеке, так безопаснее: здесь больше никто не сможет до него добраться.

Я посмотрел на себя в зеркало над умывальником и еще раз плеснул холодной водой на покрасневшие веки.

Вернувшись за длинный стол к дневнику, я прочитал, как они добрались до больницы, где врач скорой помощи вскрыл живот Симоны и успел спасти ребенка. Винченцо подробно и ярко описал эту сцену на нескольких страницах. Я так углубился в чтение, что когда кто-то похлопал меня по руке, я чуть не подпрыгнул и быстро закрыл дневник.

– Извини, не хотела тебя напугать, – произнесла Александра, с любопытством глядя на меня сверху вниз. – С тобой все в порядке?

– Конечно, – сказал я. – В полном.

– А по твоему виду не скажешь.

Кьяра шикнула на нас.

– Она меня терпеть не может, – шепнула Александра.

– Правда? А я вроде бы ей нравлюсь.

– Вот поэтому она меня терпеть не может.

Мне удалось улыбнуться и промолчать о том, как я много думал о ней и как мне ее не хватало. Вместо этого я спросил:

– Ты давно здесь?

– Примерно час. Ты был так увлечен чтением, что не заметил, как я пришла.

Она еще раз поинтересовалась, в порядке ли я, и я ответил, что от долгого чтения немного болит голова. Тогда она предложила уйти: было уже почти семь часов, время, когда библиотека закрывалась. Потом она предложила поужинать вместе, и я смог почти равнодушно ответить «конечно, почему бы нет», хотя мой внутренний голос при этом завопил: «Да-а!»

Охранница на вахте спокойно пропустила Александру, но меня остановила и снова позвала Рикардо. Пришлось мне постоять с поднятыми руками и расставленными ногами, пока он всесторонне хлопывал меня, смущаясь, судя по покрасневшему лицу, даже больше, чем я. Пока он меня обыскивал, «Муссолини» с напряженной и решительной физиономией рылась в моем рюкзаке, хотя всю ее добычу составили несколько карандашей, блокнотов и пакетик конфет. Все это она сунула обратно с явным раздражением. Что она против меня имеет? Она что, умеет читать мысли, свиноматка такая? Надеюсь, эту мысль она тоже прочла? Я прошел через рамку металлоискателя, обернулся и сказал «грация», сопроводив это слово самой широкой и фальшивой улыбкой, какую только смог изобразить.

Солнце уже садилось, и фасад Сан-Лоренцо отражал его закатные лучи, отчего вид монастыря сделался немного зловещим.

– Что это было? – удивилась Александра. – Неужели Гризельда думает, что ты собираешься что-то украсть?

– Так ее зовут? Гризельда? Вроде так звали одну из злых сводных сестер Золушки?

– Та была Дризелла.

– Почти одно и то же. Да ну, зачем мне тут что-то красть, – ответил я, старательно изображая невинного мальчика. – Мне кажется, Рикардо ей приплачивает, чтобы почаще меня ощупывать.

– Фу, ты невыносим!

– Мне это уже говорили, – ответил я, вынимая из кармана пакетик «Джолли Ранчерс». Одну конфетку я забросил в рот и протянул пакетик Александре, предлагая угоститься.

– Ты серьезно? Тебе сколько лет, десять?

– Я сладкоежка.

Она взглянула на меня с таким выражением лица, что я и впрямь почувствовал себя десятилетним.

– Тебе, должно быть, холодно в этой куртке. Ты ее носишь, чтобы круто выглядеть?

Я ответил, что не захватил с собой теплой одежды, и Александра повела меня к одежным палаткам на другой стороне площади, но там продавали только сумки и ремни. Она предложила заглянуть в магазин модной мужской одежды, мимо которого мы проходили на днях, и мы свернули на ту же узкую улочку.

В витрине бутика толпились манекены в полосатых обтягивающих брючках, такой же расцветки жилетах и пышных рубашках в духе Лоуренса Аравийского. Это был совершенно не мой стиль, а Александра решила, что одна из жилеток неплохо смотрелась бы на ней, и я согласился.

Я спросил, где она пропадала два дня.

– А что? Ты по мне скучал?

– Немножко.

– Врешь.

– Правда, скучал.

– Но ведь не немножко же, – улыбнулась Александра.

Вот ведь какая самоуверенная, подумал я. Но она была права.

Она спросила, как продвигается моя работа, и я, не покрывив душой, ответил, что пока трудно сказать. Я сам еще толком не понимал, какие тайны откроет мне дневник и что я буду с этим делать. Она посмотрела на меня так, словно не поверила, а затем спросила, что я такое читал сегодня, отчего у меня был такой расстроенный вид.

– Один старинный дневник, – сказал я, надеясь этим ограничиться. – Это грустная история.

– Чей дневник?

– Если я тебе скажу, мне придется тебя убить, – смеясь, ответил я. – Расскажу потом, когда узнаю подробности. Честное слово.

Для убедительности я перекрестился.

– Я уже второй раз вижу, как ты это делаешь. Ты был служкой в церкви?

– Не стал им, к великому разочарованию моей матери. Впрочем, не единственному.

– Ты доставлял ей неприятности?

– Ты даже представить себе не можешь какие.

Александра, слегка наклонив голову, окинула меня оценивающим взглядом.

– Очень даже могу.

– При чем она в этом не виновата, – и это была правда, мать всегда заботилась обо мне, как могла, и любила меня, я знал это. – Я боялся, что уже не увижу тебя больше.

Само вырвалось, я не собирался говорить это вслух.

– Я не нарочно, я просто... – она сделала паузу и, как мне показалось, не решилась закончить фразу. – Мне нужно было закончить кое-какие... домашние дела.

– В смысле, здесь по дому или остались какие-то дела в Нью-Йорке?

– И здесь, и там. Ничего серьезного, – ответила она, нахмурившись.

Не могу сказать, что я ей поверил, но тут она взяла меня под руку, и все остальное перестало иметь значение. Потом Александра взяла курс на какой-то ресторан, по ее словам, очень популярный у местных жителей.

В этом ресторане также царил полумрак: на столах стояли зажженные свечи, а других источников света я не заметил.

– Это что, особый шик или они тут электричество экономят? – пробормотал я, пока официант провожал нас к маленькому столику у окна. В ресторане было многолюдно и как-то по-хорошему шумно: народ веселился.

Александра скинула куртку. На ней была белая блузка со складками спереди, как у форменной мужской рубашки, наполовину расстегнутая, под ней кружевной топ, из-под которого виднелся золотой медальон – в целом, сочетание приличия и сексуальности.

– Чудесный медальон.

– Это мамин. – Она обхватила медальон пальцами.

– И в нем твой младенческий локон?

– Перестань, – она улыбнулась, но явно через силу.

– Я что-нибудь не то сказал? Извини, если обидел.

– Да нет, все... хорошо. – Наклонившись к свечке, она раскрыла медальон. Внутри оказалась маленькая фотография женщины, поразительно похожей на Александру – вне всякого сомнения, ее матери.

– Она красивая, – заметил я. – Вы с ней ладите?

– Да, – с придыханием произнесла она. – Она всегда на моей стороне.

– Повезло тебе.

– Да, – повторила она, и медальон у нее в руке едва заметно задрожал. Затем она захлопнула его со щелчком, подозвала официанта и заказала стакан красного вина.

Когда я заказал себе «пеллегрино», она удивилась.

– Не пью, – объяснил я.

– И никогда не пробовал?

– Было дело, но бросил.

– Давно?

– Скоро буду отмечать десятилетний юбилей трезвенничества. Та-да! – Я покрутил пальцем в воздухе и изобразил улыбку. Я искал следы осуждения или неодобрения на лице Александры, но оно оставалось невозмутимым и непроницаемым.

– Молодец, – похвалила меня она. – А что заставило тебя отказаться от спиртного?

– Дай бог памяти... – Я театральным жестом постучал пальцем по подбородку. – Скорее всего, последней каплей стало пробуждение в мусорном баке.

– Серьезно?

– Да. Не советую повторять без подготовки. Тем более что я и сам не помню, как у меня это получилось.

– Провалы в памяти?

– Ага. Но все это в прошлом, и я не стыжусь этого. Хотя, если честно, немножко стыдно.

– Ты не должен стыдиться. Это болезнь, как корь или ветряная оспа. У меня двое друзей состоят в «анонимных алкоголиках».

– Понимаю, это из серии «у меня есть друзья-алкаши», да?

– Я не это имела в виду.

Извинившись, я пообещал выложить ей всю подноготную, когда мы познакомимся поближе – а потом вдруг решил рассказать все прямо сейчас, чтобы покончить с этим и посмотреть, не обратится ли она в бегство. В подробности я не входил, а осветил, так сказать, основные моменты: пьянство родителей, свой собственный дебют в двенадцать лет, протокол за «вождение в нетрезвом виде» в шестнадцать...

– Я уже присмотрел местное отделение «анонимных алкоголиков» во Флоренции, они тут собираются в церкви. Они всегда собираются в церкви, в школе или в подвале какого-нибудь общественного учреждения, очень гламурно.

– Ты уже ходил к ним здесь?

– Нет, – я объяснил, что узнал это чисто на всякий случай, если вдруг возникнет желание выпить, а такого желания у меня не возникало уже несколько лет. Теперь, когда я выговорился, мне стало легче, а на Александру мое признание, казалось, не произвело никакого впечатления, и она сразу же принялась рассказывать о своей съемной квартире во Флоренции и о том, как она обожает этот город. Либо она была хорошей актрисой, либо ей действительно было все равно. Я надкусил оливку и стал смотреть, как она говорит, на природный изгиб ее губ, на то, как она заправляет волосы за уши – казалось бы, такие обычные вещи, но в ней ничто не было обыденным. Я пытался понять, что же в ней такого особенного: красота, самообладание, умение непринужденно общаться или то, что она, по видимому, не осуждала меня. Было в ней и что-то еще, некое неуловимое свойство, как у бабочки, которая садится лишь на минутку, а потом улетает прочь. Я не перебивал и с удовольствием слушал ее, чувствуя, как эта едва знакомая женщина все больше очаровывает меня. Может быть, это потому, что она ощущала себя недосыгаемой, неприступной крепостью, каким я сам раньше частенько чувствовал себя в отношениях с женщинами, полагая их завоевательницами? А может, она меня уже завоевала?

На своем лучшем итальянском я заказал для нас ужин, и, кажется, смог произвести на Александру впечатление. Но когда принесли заказ, она едва притронулась к своей порции, а я набросился на еду, потому что успел проголодаться. Александра еще раз спросила, как

продвигаются мои исследования, и я снова ответил, что пока трудно сказать.

– В смысле, не хочешь говорить?

– Да я бы рассказал, просто у меня самого еще не все в голове уложилось.

Так оно и было. У меня не было никакой уверенности в том, какие тайны откроет мне загадочный дневник и имеют ли они какое-то значение.

Наш разговор прервался из-за шума за столиком в дальнем конце комнаты. Полумрак скрывал посетителя, отчетливо виднелось только лицо официанта, освещенное снизу свечой – зрелище было жутковатое. Говорил официант, и громко.

– Он говорит, что здесь не курят, – перевел я. – И еще что-то про сигару. Странно.

– Что странно?

– Что тот тип сидит в шляпе. В помещении. Ага, он ее потушил.

– Шляпу?

– Нет, сигару.

Красный огонек сигары исчез, а официант принялся убирать со стола. Кто-то тенью прошмыгнул мимо нашего столика, затем входная дверь открылась и захлопнулась, впустив с улицы порцию холодного воздуха.

Александра преувеличенно поежилась и склонилась над столом, словно греясь у пламени свечи. До меня донесся аромат ее духов, он был мне знаком.

– «Джой», да?

– Ого, – удивилась она. – Так вот что ты исследуешь – женские духи?

Я успел пожалеть о сказанном, потому что теперь нужно было как-то объясняться, а мне не хотелось говорить, что такими духами пользовалась одна моя бывшая. Женщина, которую я, как мне казалось, любил, а она ушла от меня, потому что хотела детей и семейной жизни. А я отпустил ее, потому что никоим образом не собирался отказываться от своей набравшей скорость карьеры в искусстве ради какого-то буржуазного белого заборчика^[34] и детишек. Хотя теперь, когда моя карьера явно близилась к апогею, и нужно было

зарабатывать в поте лица профессорскую должность, сложно сказать, чья жизнь оказалась более буржуазной.

– Раньше я никогда не пользовалась духами, – продолжила Александра. – Это мне подружка подарила на день рождения, несколько недель назад.

– Поздравляю, – сказал я. – И который это был по счету день рождения?

– Двадцать девятый. А тебе сколько?

– Тридцать семь. Через два месяца будет тридцать восемь.

– Ты когда-нибудь был женат?

Когда я сказал, что нет, она нехорошо прищурилась:

– Надеюсь, ты не из этих, токсичных холостяков?

– Нет, – повторил я, вспомнив разом Кейти, Аманду и Терри: не первый раз я слышал это определение применительно к себе. – У меня были отношения. Просто я еще не встретил подходящую женщину.

Надеюсь, мне удалось произнести это не слишком оправдывающимся тоном. Она бросила на меня очередной оценивающий взгляд, но потом улыбнулась. Я протянул ей свой мобильник и попросил оставить телефонный номер. Александра не притронулась к телефону, а записала номер на салфетке и, держа в сторонке за уголки, потрясла ей, как матадор.

– Получишь, если скажешь, откуда ты знаешь название моих духов.

– Просто я эксперт, я прославился на весь мир своим носом. – Я повернулся к ней в профиль.

Посмеявшись, она предположила:

– Наверное, какая-нибудь подружка такими пользовалась, я угадала?

– Грешен, – сознался я и поскорее задал ей встречный вопрос: была ли она замужем. Она удивила меня, сказав, что да.

– Это очень, очень печальная история – мой первый брак. Он продлился всего год. Я уже у алтаря поняла, что ошиблась.

– Зачем же ты все-таки пошла на это?

– Это был... побег, – произнесла она театрально, словно в шутку, хотя за этим ощущалась большая доля правды. Она деланно рассмеялась, а затем спросила, как долго я собираюсь пробыть во

Флоренции. Я ответил, что точно не знаю и что нахожусь в межсессионном режиме.

– Это значит, сколько ты сможешь прожить здесь, месяц?

– Возможно. Точно не знаю.

– Тебе нравится изображать загадочного мужчину, да?

– Разве? Да я – открытая книга!

– Набранная шрифтом Брайля!

– Александра, пощади...

– Зови меня Аликс, – предложила она.

– А, значит, я тебе нравлюсь.

– Скажем так, не вызываешь отвращения.

Когда принесли счет, я схватил его, опередив Александру, хотя мне такие расходы были несколько не по средствам. Она хотела оставить чаевые из своих, но я сказал, что с нее причитается только телефонный номер. Тогда она еще раз помахала салфеткой, я потянулся за ней, схватил Александру за руку, и мы замерли так, глядя друг на друга. Потом я потянулся, чтобы поцеловать ее, но она отстранилась, оставив мне салфетку, а сама стала надевать куртку, словно куда-то торопилась. Я попросил прощения, а она помахала мне рукой. Не прошло и минуты, как она исчезла, оставив после себя аромат духов «Джой», словно облачко дымовой завесы.

Может быть, я сказал что-то лишнее? Выбор тут был богатый – неблагополучная семья, пьянство, женщины.

Глядя в окно кафе, я видел, как мимо промелькнул силуэт Александры, а за ней какая-то тень с тлеющим огоньком сигареты. А может быть, сигары.

Вернувшись к себе в номер, я попытался воспроизвести в памяти всю нашу встречу и все сказанное, пытаюсь понять, что я сделал не так. Может, она обиделась на то, что я хотел ее поцеловать? Но она сама уже целовала меня. Обычно я сохранял спокойствие в отношениях с женщинами. Но не в этот раз. Развернув салфетку с ее номером, я несколько мгновений смотрел на нее, затем позвонил.

После первого же гудка я дал отбой.

Через несколько секунд мой телефон зазвонил.

– Это ты только что звонил?

– Извини, я вдруг понял, что уже поздно, и...

– Да нет, ничего. Что-нибудь не так?

– Вот это я и хотел у тебя спросить.

После недолгой паузы она произнесла:

– Прости, что я сбежала.

– Я сказал что-то такое, что тебя расстроило?

– Нет. Мне просто... нужно было срочно уйти.

Я не поверил ей, но не стал в этом разбираться.

– Ты придешь завтра в библиотеку?

– Это будет зависеть от обстоятельств.

От каких обстоятельств? Что за игру она ведет? Какой бы ни была ее цель, эта игра выводила меня из равновесия – и в результате меня тянуло к Александре еще сильнее.

– Я постараюсь, – помолчав, произнесла она. – Спокойной ночи.

Некоторое время я стоял, уставившись на свой мобильник. Почему она решилась перезвонить? Потом я бросил телефон на кровать. Хорошо же. Если она собирается и дальше так с тобой играть, забудь о ней, забудь ее совсем. Тебе это не нужно. Скомкав салфетку, я выбросил ее в мусорное ведро. Но уже через секунду зачем-то снова откопал ее. Черт возьми! Не думать об этой женщине, не отвлекаться от того, зачем я приехал во Флоренцию! Не упускай из виду цель, внушал я себе.

Шел уже двенадцатый час ночи, но спать мне совершенно не хотелось. Я открыл свой ноутбук и начал писать очередной список

того, что мне удалось вычитать: перечень обстоятельств, которые привели к краже.

1. *Перуджа встречается с Вальфьерно.*
2. *Вальфьерно обещает ему деньги, но Перуджа отказывается.*
3. *Перуджу увольняют из Лувра.*
4. *Симона умирает.*
5. *Перуджа крадет картину.*

Но зачем красть картину уже после смерти Симоны? Этого я не мог понять.

6. *Что стало с ребенком?*

На этот вопрос я также не мог ответить, но внезапно мне пришло в голову, что этот ребенок был моим дедушкой. По крайней мере, мог быть, если только Винченцо не обзавелся еще одним сыном.

7. *Сколько денег Перуджа получил от Вальфьерно?*

В ходе собственного расследования я уже давно выяснил, что Перуджа выходил из тюрьмы с пустыми руками. Может быть, он спрятал деньги, полученные от Вальфьерно, а потом забрал их? Если так, то где они хранились?

Вскочив на ноги, я стал ходить взад-вперед по комнате. Мысль о том, что придется дожидаться утра, чтобы продолжить читать дневник, казалась невыносимой. Мне хотелось читать прямо сейчас, держать его в руках, оставить у себя на столько времени, сколько мне понадобится. Почему он не принадлежит мне? И почему бы мне его не выкрасть?

Я вновь задумался над этим вопросом.

Ну, вообще-то, мне нравится ходить в библиотеку. Нравится чувствовать себя научным работником, выполняющим важное исследование. Вполне благородные мотивы, хотя на самом деле была и более земная причина: не так-то просто пронести дневник через вахту, мимо бдительной охранницы, рискуя быть обысканным. И все же я еще не отказался от этой идеи. В юности мне и не такое сходило с рук, мы с ребятами несколько раз залазили в чужие дома и выносили вещи, которые можно было заложить, а попался я только один раз.

Но теперь мне было уже тридцать семь, а не пятнадцать лет, и я был солидным гражданином со степенью магистра и должностью в престижном университете. Способен ли я теперь действительно на

что-нибудь подобное? И, что еще более важно, смогу ли я выйти сухим из воды?

Библиотека была еще закрыта, и я успел сделать пару кругов по клуатру Сан-Лоренцо со стаканчиком эспрессо в руке, когда ко мне подошел тот же молодой монах, что и в первый день.

– Синьор Перроне, come va^[35]? – Брат Франческо, как всегда, улыбался.

– Bene, e lei^[36]? – сказал я.

– Bello giornata. Niente da dire^[37], – он воздел руки к небу.

– Sì, bellissimo, – согласился я, только теперь обратив внимание на погоду. – Прекрасный денек.

– Вы художник? – спросил он.

Я не мог припомнить, чтобы когда-нибудь говорил ему об этом, и нерешительно кивнул, хотя в последнее время уже не чувствовал себя таковым.

– Вы видели «Благовещение» брата Филиппо Липпи в северной часовне? – Он указал на церковь по ту сторону монастырской стены.

Я туда так и не зашел ни разу, всякий раз торопился в библиотеку. В отличие от обычного туриста, стремящегося посмотреть все, я не видел во Флоренции практически ничего.

– Это очень красиво, – заметил Франческо. – Хотя, возможно, я так говорю, потому что она была нарисована монахом.

– Среди монахов были великие художники, – сказал я, – как брат Анжелико^[38].

Он спросил, побывал ли я в Сан-Марко, и я отрицательно покачал головой, заметив про себя, что действительно, не мешало бы и туда сходить.

– Одна из жемчужин Флоренции, – сказал брат Франческо.

В свою очередь я спросил, давно ли он состоит в ордене, и он ответил, что десять лет, с тех пор, как ему исполнилось восемнадцать.

– И вы довольны?

– Ни разу не пожалел об этом.

Вот бы все так относились к прожитой жизни, сказал я, и монах спросил, не так ли я отношусь к своей. Я не знал, что ему ответить, не знал, как относиться к прожитым годам – они вдруг стали казаться

далекими и зыбкими. Вспомнил я и те места, в которых вырос, и ту жизнь, из которой вырос.

– Я свою жизнь сильно изменил, – ответил я.

Брат Франческо смотрел на меня своими большими голубыми глазами, ожидая продолжения.

– В общем, грешил я много. Был не очень хорошим мальчиком. Понимаете?

– Бывали случаи, когда грешники становились святыми.

– Ну, я был не то чтобы совсем плохим, но и в святые меня, думаю, не возьмут, – я чувствовал себя как на исповеди, но в монахе было столько доброты, что мне захотелось открыться. – Подростком я участвовал в одной группировке, в банде... и мы занимались нехорошими вещами, воровали и...

– Вы знаете о святом Дисмасае, добром воре? Это один из святых с нехорошим прошлым. Он был распят подле Иисуса.

– А могу я надеяться на какой-нибудь другой хэппи-энд?

Монах рассмеялся.

– Вы веселый человек, синьор Перроне. Я уверен, что ваша жизнь сложится хорошо. *Continua così. Avanti così.* ^[39]

– Держать курс?

– Си. Мой учитель, старший и более мудрый брат, всегда так говорит.

– Держать курс, – повторил я и хотел попроситься, но брат Франческо остановил меня.

– На un amico a Firenze?

– Есть ли у меня друг во Флоренции? Вы имеете в виду Александру, американку?

– Нет. Мужчина. Он приходит сюда ogni giorno.

– Каждый день? О чем вы?

– Lui aspetta.

– Он ждет?

– Си. Мне кажется, он дожидается вас.

– Почему вы так думаете?

– Он появляется, когда вы приходите, и исчезает, когда вы уходите.

– Где?

Монах подвел меня к выходу и показал на место у стены на восточной стороне площади.

– Вон там. – Он указал на несколько каменных ступенек перед старой деревянной дверью. – Там вход в наше общежитие, как вы это называете. Там и я живу. Но мы не пользуемся тем входом. Мы заходим через двор.

– Как он выглядит, этот человек, который ждет там?

– Высокий. – Монах показал жестом, что мужчина к тому же массивный и крепкий. Но его лица Франческо не смог описать, потому что тот, по его словам, «носит ун капелло, шляпа, и он всегда фумандо» – и он изобразил курильщика, затягивающегося сигаретой.

Я попросил монаха дать мне знать, если этот человек еще раз появится, на что Франческо заметил, что это может быть просто «коинциденца», совпадение.

– Может быть, – согласился я. – Но все же, пожалуйста, скажите мне, если увидите его еще раз. Просто хочу посмотреть, может быть, я действительно его знаю.

– Хорошо, я буду, как у вас говорят, «подсматривать».

– Посматривать, – поправил я, невольно улыбнувшись.

Предположение, что за мной кто-то следит, вытеснило все остальные мысли. Я понял, что уже не смогу спокойно сидеть и читать. Не обнаружив никого на ступеньках, указанных братом Франческо, я внимательно осмотрел площадь на триста шестьдесят градусов вокруг себя – вокруг бродили разные люди, туристы фотографировали здания, несколько монахов направлялись к монастырю. Я постоял несколько минут, разглядывая мужчин в шляпах – таких было много; потом всех, кто курил сигареты – таких еще больше. Потом я сдался. Но теперь все поводы для беспокойства разом усилились: и желание выкрасть дневник, и непонятные маневры Александры, и странное исчезновение Кватрокки. Последнему я оставил уже несколько текстовых и голосовых сообщений. Я еще раз набрал его номер, но вновь услышал автоответчик. На этот раз я не стал оставлять сообщений, а отправился в университет.

В приемной кабинета Кватрокки сидела синьора Моретти.

– Профессор Кватрокки у себя? Мне нужно с ним поговорить.

– Нет, – ответила она и продолжала что-то печатать.

– Что «нет»? Его нет или мне с ним нельзя поговорить?

Она лишь мельком взглянула на меня и вернулась к работе.

– Профессор Кватрокки не пришел на назначенную деловую встречу и не отвечает на мои звонки. Я беспокоюсь за него. В университете что-нибудь известно, где он?

Она отрицательно покачала головой, но на сей раз в выражении ее лица, как мне показалось, промелькнула тревога.

– Я беспокоюсь, – повторил я. – Это нормально для него – пропадать, не дав о себе знать даже вам?

– Профессор сильно переживал из-за своей утраты. Я не хочу его беспокоить.

– Но чтобы вот так – не звонить, пропускать занятия? Я просто хочу повидать его и убедиться, что с ним все в порядке.

Поколебавшись, синьора Моретти вздохнула и смягчилась.

– Он живет возле Санта-Кроче.^[40] – Она записала адрес на листочке бумаги и вручила его мне. – Пожалуйста, дайте мне знать, все

ли в порядке с профессором.

Введя в Гугл-карты адрес Кватрокки, я пошел предложенным маршрутом, держа телефон перед собой, как кладоискатель лозу. Чудесный гаджет провел меня мимо музея Барджелло, который я собирался посетить, чтобы самому увидеть, наконец, воочию еще один шедевр, о котором так много рассказывал студентам – юного Давида, скульптуру Донателло, по мнению некоторых историков, положившую начало эпохе Возрождения. Украшенное зубцами здание музея возвышалось над маленькой площадью и покрывало тенью близлежащие улицы. Если я правильно понял указания GPS, путь мой лежал на юго-восток, за пределы исторической части города, в менее населенный район. Чем дальше я шел по кривым улочкам, тем больше менялся цвет зданий от тепло-серого и коричневого до охристого и даже розового. В каменных стенах и облупившейся краске весомо присутствовали ушедшие поколения, я ощущал в воздухе их запах, буквально вкушал историю этого старого города и наслаждался ей.

Удовольствие кончилось, когда мой GPS вдруг отключился, и я забрел в тупик. У меня тут же снова возникло ощущение, что за мной следят. Не исключено, что это был приступ паранойи, но интуиция меня не раз выручала, и я привык ей доверять. Время от времени оглядываясь, я пошел обратной дорогой и вскоре выбрался на более широкую и оживленную улицу. Там и Гугл-карты вернулись к жизни.

Безотрывно следя за движением синего шарика на экране телефона, я не заметил, как пейзаж вокруг стал неприглядней и грубей: некрасивые старые здания чередовались с уродливыми новыми, а мусора и граффити здесь было столько, сколько я еще не видел в этом городе. Так что я обрадовался, когда телефон направил меня на проходившую по соседству автомагистраль со стоянкой велосипедов на одной стороне и стоянкой мотоциклов на другой: десятки этих механизмов стояли аккуратными рядами, под одинаковым углом к земле. Миновав еще один квартал, я оказался на улице виа дей Пепи, о чем свидетельствовала табличка, высоко висевшая на грязно-коричневой стене с явными следами водной эрозии. На этой улице и жил Кватрокки.

Виа дей Пепи казалась слишком узкой для автомобилей и походила на закоулок, но было в ней и некое очарование. Некоторые дома щеголяли свежескрашенными ставнями на верхних этажах и

изящными металлическими украшениями на окнах первого, впрочем, выполнявшими при этом роль решеток. Стены нескольких домов потрескались и были изъедены временем, но остальные несли явные следы благоустройства в виде крашеных фасадов и новеньких дверей. В число последних входил и дом номер пятнадцать, где жил Кватрокки: три этажа охристо-желтого цвета, темно-зеленые ставни, хорошо отремонтированные стены. Дверь также новая, но сделана из темного дерева и закруглена вверху под старую каменную арку, над ней перемычка в форме полумесяца, украшенная металлическими цветочками. В центре двери висел металлический молоток. Я приподнял его и отпустил – он упал обратно, ударив по деревянной двери: звук получился резким и гулким.

Никто не отозвался.

Потом я заметил бронзовую табличку современной работы с кнопкой звонка и овальной решеткой – судя по всему, домофон. Я нажал на кнопку, подождал, затем попробовал еще раз. Ответа не было.

Я еще раз приподнял дверной молоток и постучал.

Тишина.

Тогда я еще раз набрал номер Кватрокки – мне показалось, что из дома при этом чуть слышно донесся сигнал мобильного – ответил автоответчик, я назвал свое имя и сказал, что я стою у двери.

Отойдя на противоположную сторону узкой улочки, я осмотрел окна – ставни были закрыты, в доме полная тишина. Получается, Кватрокки исчез, не поставив в известность начальство и знакомых? Непонятно, неприятно и даже нечисто.

Особо не задумываясь, я отыскал номер ближайшего полицейского участка и позвонил туда.

– Persona scomparsa, ^[41] – сказал я.

Полицейский спросил, давно ли этот человек исчез.

– Pochi giorni, – ответил я. Несколько дней назад.

– Non abbastanza tempo, ^[42] – выпалил он и повесил трубку.

Я позвонил еще раз. Трубку взял тот же коп.

– Можете вы хотя бы осмотреть его дом?

Полицейский спросил, прихожусь ли пропавшему родственником.

Когда я ответил, что нет, он снова повесил трубку.

– Сам пошел! – прокричал я в замолчавший сотовый.

Может быть, я зря разволновался? Возможно, Кватрокки просто уехал куда-нибудь, чтобы побыть одному. Он действительно многое пережил – хотя в тот раз за обедом был, в общем, в норме, дружелюбно настроен и общителен. Что могло измениться?

Я оглянулся на дом номер пятнадцать: окна по-прежнему закрыты ставнями, вообще, все тихо. Я всегда доверял своей интуиции, и прямо сейчас она говорила мне, что здесь что-то неладно.

Квадратный зал, без особых изысков отделанный серо-белым мрамором, оказался меньше, чем я себе представлял по фотографиям, но венчавший его идеальный купол из кругов и полукругов возносился вверх неожиданно высоко. Задрвав голову, я вглядывался в него, словно в небо, пытаясь понять, какую идею вложил Микеланджело в капеллу Медичи – знаменитую усыпальницу этой банкирской семьи, которая правила Флоренцией в течение двухсот лет и оставила свой след повсюду в городе.

После безуспешных поисков Кватровки я вернулся в библиотеку и читал до обеда. Я не собирался заходить в капеллу, пока Кьяра не обмолвилась, что она находится прямо за углом. Это оказалось не совсем так – во Флоренции вообще мало углов как таковых. Но действительно, достаточно было пройти вдоль длинной стены монастыря Сан-Лоренцо обратно к гостинице, и вот она, часовня, на площади Мадонны, буквально через дорогу от моего жилища. Сколько раз я проходил рядом с ней – и мимо, сколько раз бездумно смотрел на маленькую скромную табличку «Cappelle Medicee» – и не замечал ее.

Стоя в центре часовни практически в полном одиночестве – не считая сидевшего в дальнем углу охранника, занятого перепиской по смартфону – я медленно поворачивался на месте, впитывая ощущение мощи и монументальности, которое Микеланджело вложил в скульптуры, в архитектуру, в глухие окна, наводившие на мысль о безысходности. Обычных окон не было совсем – своего рода роскошная клаустрофобия – и я поневоле задался вопросом, не хотели ли Микеланджело заставить человека почувствовать себя здесь в ловушке, как в чистилище. Я поднял глаза на скульптуру Лоренцо де Медичи в натуральную величину: лицо его скрывала тень, и весь он выглядел замкнутым и задумчивым. По ассоциации с увиденным, я вспомнил то, о чем только что прочитал в дневнике – как Винченцо впервые увидел своего сына в больничных яслях, держал его на руках и думал: это все, что у меня осталось от Симоны, и единственное, что у меня осталось в этом мире. Затем явилась разъяренная мать Симоны, Маргарита, и обвинила его в убийстве своей дочери. Сцена была ужасная, и Винченцо, описывая ее, не щадил ни читателя, ни себя. Он

признал свою вину, он был не в силах помешать Маргарите забрать ребенка, и когда теща заявила, что он никогда больше не увидит сына, не смог ничего возразить. Погребальная часовня казалась мне самым подходящим местом для осмысления прочитанного и размышлений о жизни и смерти.

Содрогнувшись, я еще раз окинул взглядом задумчивого Лоренцо Медичи и стоявшие рядом аллегорические фигуры «Утро» и «Вечер» – массивные скульптуры, которые мог создавать только великий Микеланджело. Затем я повернулся, чтобы посмотреть на статую Джулиано, столь же массивную, но с красивым идеализированным лицом и невероятно длинной шеей. Джулиано застыл в такой позе, как будто собирался встать. В нем вообще все казалось таким живым, что эти два образа резко контрастировали друг с другом.

Винченцо в течение нескольких недель после смерти Симоны не расставался с мыслями о самоубийстве. Чувство вины не давало ему покоя и сна. Какое-то время он спасался от мучительной боли в беспробудном пьянстве, и это состояние было мне слишком хорошо знакомо. С мыслями об этом я продолжал рассматривать аллегорические фигуры «Ночь» и «День», окружавшие Джулиано. Первая изображалась в виде женщины с преувеличенно длинными руками и ногами. Она была лучше отшлифована и более закончена, чем ее напарник-антипод: мужчина «День» представлял собой полузвериную фигуру с львиной головой, наполовину закрытой его собственным мощным плечом. Я подошел поближе, чтобы рассмотреть его грубо высеченное лицо, которое выглядело незавершенным, и вспомнил, что вся гробница так и не была закончена. Микеланджело ведь собирался быть не только ее архитектором и скульптором, но и написать фреску воскресения, чего он так и не сделал.

Мои мысли снова обратились к Винченцо, который несколько недель вынашивал идею самоубийства, пока не понял, что у него есть причина жить – его сын! Он исписал несколько страниц, подробно повествуя, как он оделся, побрился, надел свою лучшую одежду и отправился к матери Симоны. Та захлопнула дверь своей парижской квартиры у него перед носом, но он отказался уходить и продолжать колотить в эту дверь, пока не заставил впустить его. Он умолял показать ему сына, и Маргарита снизошла до этого. Винченцо

любовно изобразил младенца с мягкими светлыми волосами и серо-голубыми глазами, как у матери, затем описал, как держал его в руках, целовал сына и умолял Маргариту позволить ему забрать его домой или хотя бы навещать. Она отказалась, обвинив его в том, что у него ничего нет: ни денег, ни возможности заботиться о ребенке – и Винченцо знал, что она права. Он уходил от нее вновь сломленным, в очередной раз обдумывая способы самоубийства. Все это было описано таким литературным языком и в таких подробностях, что я словно слышал его рассказ и видел воочию, как он бродит по улицам Парижа, подавленный и готовый покончить с собой – мой прадед, которого я никогда не знал и который вдруг стал для меня более живым и близким, чем мои собственные родители.

Переводя взгляд через всю усыпальницу с царственного и живого Джулиано на темного и задумчивого Лоренцо и рассматривая окружавшие их аллегорические фигуры, я понял, что вся композиция в зале была аллегорией перехода от рассвета к закату, и от ночи ко дню, которые символизировали течение времени – дни нашей жизни, ведущие в итоге к смерти.

Но Винченцо все же не стал торопить смерть. У него оставался сын – единственное на свете, что еще имело для него значение. И он знал, что нужно сделать, чтобы вернуть себе сына.

Слова из дневника продолжали отдаваться эхом в моих мыслях, когда я возвращался в библиотеку. Так вот почему мой прадед решил снова связаться с Вальфьерно, вот почему он совершил эту кражу после смерти жены. Все было просто: ему нужны были деньги, чтобы убедить мать Симоны в том, что он способен быть достойным отцом. И еще кое-что я теперь знал: он пошел на это только потому, что находился в крайнем отчаянии. Последние прочитанные мной страницы были посвящены не только переживаниям Винченцо по поводу его решения, но и планам – он объяснял, как выбирал подходящие инструменты и время.

Перепрыгивая через две ступеньки за раз, я поднялся по лестнице на верхний этаж монастыря. Мне хотелось скорее попасть в библиотеку, чтобы подтвердить свои догадки и увидеть, что нового расскажут следующие страницы о самой краже.

Смит набрал свой код, чтобы прочесть зашифрованное, как обычно, письмо. Верхнюю половину экрана заполнила эмблема Интерпола, под ней было сообщение от его руководителя Андерсена.

Интересное задание для вас. Предположительно преступная группа, занимающаяся кражей и сбытом произведений искусства, с базой в Бахрейне. Требуется аналитик для координации работы с национальными центральными бюро. Выезд на место на 12–18 месяцев. Прекрасная возможность проявить себя. Подробная информация – когда выйдете на службу. Надеюсь, Вам уже лучше.

Бахрейн? С выездом на место на год-полтора? Черта с два! Это совсем не «прекрасная возможность». Это наказание. Ссылка. А за что? За то, что взял отпуск по болезни? Нет, Андерсен просто пытается заставить его уволиться. Полномочий не хватает, чтобы уволить сотрудника с такой выслугой. Но Бахрейн? С таким же успехом он мог бы написать: Сибирь.

Смит погуглил «Бахрейн» и пробежал взглядом полученную информацию. Остров в Персидском заливе... получил независимость от Великобритании в 1971 году... антиправительственные протесты, нарушения прав человека... Смит захлопнул ноутбук.

Ну, и наглый же этот парень. Сколько он прослужил в Интерполе – три года? Смит знал о последней директиве Интерпола: «урезать расходы и сокращать отходы». Это он, значит, старый служака, стал «отходом»?

Смит открыл окно с такой силой, что рама затряслась. Он им еще покажет. Он сейчас занимается гораздо более важным делом, чем Андерсен или любой другой «искусствовед» из его отдела. Смит сейчас делает то, на что никто из них не осмелился бы.

Он долго смотрел через всю площадь на гостиницу, где жил Перроне, и решил, что в следующий раз нужно будет на него как следует «наехать». В реальности Перроне сильно отличался от того образа, который Смит составил себе, опираясь на досье. Он оказался более скрытным и смекалистым; возможно, его не так-то легко обмануть или запугать. Но Смит знал, что есть способы нагнать страха на самых крутых и хитрых людей.

Он кивнул сам себе в подтверждение этой идеи и немного успокоился. Да, напуганные люди делают неправильный выбор, они совершают ошибки, с удовлетворением продолжил он свою мысль. Затем Смит выпрямился и поежился, но не столько от холода, сколько от сознания, что он сейчас, может быть, тоже делает неправильный выбор.

Над Сеной в первых лучах рассвета поднимался туман. Я сосредоточил внимание на том, чтобы идти спокойно и глубоко дышать. Прошел мимо рыбаков и ранних торговцев, которые уже раскладывали сувениры для продажи туристам. Я шел, опустив голову. Картина была у меня под курткой, и я крепко прижимал ее к груди. По щекам моим текли жгучие слезы. И все-таки я сделал это. Украл самую знаменитую картину в мире во имя своего сына.

Вернувшись домой, я поговорил с Симоной. Сказал ей, что я принес ей картину, как и обещал. Я завернул картину в один из ее платков и положил в сундук, в котором заранее оборудовал двойное дно. Потом прикрыл сундук тканью и поставил сверху вазу – так, чтобы со стороны он казался обычным столом.

Затем я стал ждать.

Прошел день. Потом еще один. Я просматривал газеты. Но нигде не упоминалось об этой краже.

Не может этого быть, думал я.

Мне начало казаться, что кража мне приснилась. Я не раз открывал сундук, чтобы убедиться, что картина действительно у меня.

Прошел еще один день. Все было тихо.

Я метался из угла в угол. Я пил. Я не мог ни есть, ни спать.

Через несколько дней эта история, наконец, всплыла. Заголовки всех газет кричали: «Знаменитая Мона Лиза украдена!»

Я покупал все газеты и читал все, до последнего слова. Мне нужно было знать, что им известно.

Зацепок у них не было.

Лувр на неделю закрыли. Шестьдесят полицейских прочесали каждый дюйм на его сорока девяти акрах. Они ничего не нашли. Только стекло и раму, которую я оставил на лестнице.

Границы Франции были перекрыты. Все корабли и поезда на въезде и выезде из страны обыскивали.

Должен признаться, мне было приятно думать, что картина лежит в сундуке всего лишь в паре километров от того места, где она висела раньше.

Прочитав, что парижане скорбят по этой картине, как по любимому человеку, я пошел постоять среди этих глупых плакальчиков, которые оставляли ей цветы и записки. Я видел, как люди плачут. И я тоже плакал. Но не по картине.

Когда Лувр вновь открылся, там собрались тысячи людей, чтобы увидеть пустое место на стене, где когда-то висела «Мона Лиза».

Были объявлены награды. Лувр обещал 25 000 франков. Одна из газет предлагала 5000 долларов. Другая – 40 000.

У меня возникло искушение вернуть картину и самому получить награду!

Потом я прочел, что всех сотрудников Лувра допрашивают. Я знал, что в конце концов они доберутся до меня. Так оно и вышло. Пришли четверо. Инспектор по фамилии Лапэн, его толстый помощник и два жандарма. Они обыскали каждый дюйм моей квартиры. Все, кроме сундука.

Лапэн усадил меня за стол. За тот самый сундук, замаскированный под стол. И стал спрашивать, почему Тикола меня уволил.

Я рассказал ему о болезни Симоны. Как я остался дома, чтобы заботиться о ней. Как Тикола не пожалел нас. Я расплакался. И это не было притворством. Я сказал, что Лапэн может спросить любого в Лувре, хорошо ли я поработал. Кто угодно, только не Тикола. Лапэн спросил, чем я зарабатывал на жизнь после того, как меня уволили. Я сказал ему, что жил на сбережения из прежней зарплаты. Он бросил на меня подозрительный взгляд. Но как он мог доказать обратное?

Он спросил, зачем я приехал во Францию и чем занимался до этого. Он детально расспрашивал о моих обязанностях в Лувре. Особенно о моей работе с «Моной Лизой». Я принялся обстоятельно рассказывать, как готовил деревянные детали футляра. Как я резал стекло и собирал все воедино. Как я подготовил стены для креплений. Я объяснял все в мельчайших подробностях. Закончив, начинал сначала. Через какое-то время глаза инспектора начали стекленеть и опускаться. Именно так, как я и надеялся.

Я знал, что Лапэн подозревает меня. Но на меня снизошло какое-то спокойствие.

Оно улетучилось, когда он вдруг сказал мне, что на раме, оставленной на лестничной клетке, был обнаружен отпечаток

пальца! Как и у каждого сотрудника Лувра, у меня брали отпечатки пальцев при приеме на работу, и я помнил об этом.

Лапэн намазал мою руку чернилами и сделал новые отпечатки.

Но удача была на моей стороне. В картотеке музея хранились отпечатки только правой руки каждого сотрудника. А на руке остался отпечаток большого пальца левой руки, и они не совпали!

Лапэн заставил меня подписать заявление о невиновности. Он положил этот документ передо мной на ту самую скатерть, которой был покрыт сундук. Я подписывал бумагу, представляя себе картину, что лежала лишь несколькими дюймами ниже.

Полиция уже собиралась уходить, когда мне в голову пришла одна идея. Я спросил у инспектора, не знает ли он поэта Гийома Аполлинера. Я сказал, что восхищаюсь этим человеком – а сам вспоминал при этом, как жестоко он отозвался о моих картинах.

Я рассказал Лапэну, что только что прочитал колонку Аполлинера в «L’Intransigeant», где тот призывал сжечь Лувр. Он конечно же пошутил, поспешно добавил я. Я не хотел, чтобы Лапэн подумал, что я пытаюсь бросить подозрение на поэта. Хотя именно этим я, конечно, и занимался. Я прибавил, что Аполлинер, возможно, продал несколько скульптур художнику Пабло Пикассо. И вполне возможно, что эти скульптуры были взяты из Лувра. Я сказал все это как бы без особой цели, между прочим.

Глаза Лапэна расширились. Он спросил, откуда у меня эта информация. Я ответил, что не хочу доставлять никому неприятностей. Дождавшись того, что Лапэн начал требовать, чтобы я выложил ему все, я рассказал, что видел эти предметы в студии Пикассо. Лапэн сразу же заторопился на выход.

Вскоре после этого я узнал, что Аполлинер и Пикассо были арестованы. Я представлял себе этого высокомерного поэта и самодовольного Маленького Испанца, потеющих на допросе в полиции, и мне было приятно. И когда я услышал, что Тикола и директор Лувра уволены, я тоже получил удовольствие.

Шли дни. А я все ждал. Ждал вестей от Вальфьерно. Ждал начала следующей части плана.

Об этих событиях – аресте Пикассо и унижении Аполлинера – мне было известно. Я читал пространные описания того, как художник и поэт были задержаны, раздеты догола, неделю подвергались допросам, а потом преданы суду. Теперь я знал, что это была месть Винченцо.

Прервавшись на несколько секунд, я задумался о том, что уже узнал и что еще надеялся узнать из дневника. Украдкой бросив взгляд на его страницы, затем на Кьяру и Беатрис, я почувствовал, как пальцы едва ли не буквально зачесались, хотя я понимал, что шансов у меня нет. Тогда, может быть, попытаться пронести мобильник и сфотографировать оставшиеся страницы? Но куда его спрятать и как я смогу незаметно делать снимки?

Я взглянул на дальний конец стола, на тот стул, который привык считать местом Александры: оно пустовало. Я еще раз вспомнил последний вечер – как мы подшучивали друг над другом, ее улыбку, запах ее духов, манеру держаться, словно у танцовщицы – и неожиданное исчезновение из ресторана, похожее на бегство. Мне ее не хватало, но я не мог понять ее поведения. Может, это и к лучшему, что ее сейчас здесь нет, подумал я. Не нужны мне эти игры, они только отвлекают... Но я лгал себе. Я скучал по Александре и знал, что подпишусь на новые игры, если только представится такая возможность.

Задумавшись, я написал ее имя в своем блокноте и обвел его кружочком. Господи, что за подростковые страдания! Хорошо хоть не сердечком обвел! Я зачеркнул ее имя и вновь задумался: все-таки, почему она так внезапно ушла? Неужели настолько хорошо видела, что со мной творится, несмотря на все мое напускное спокойствие? А вдруг она больше уже не появится в библиотеке? Что, если я никогда ее больше не увижу?

Тут я вздохнул так громко, что двое ученых по другую сторону стола подняли на меня глаза. Я виновато улыбнулся и пожал плечами. Это было уже смешно. Позволив случайной знакомой так завладеть моими мыслями, я поставил себя в смешное положение. Но не сам ли я раньше этим занимался – ухаживал за женщинами, завлекал их, играл

с ними, а затем, когда они попадались на удочку, исчезал? Может быть, это какая-то кармическая расплата? Я еще раз вздохнул. Близилось время закрытия библиотеки, к тому же я устал. Закрыв ноутбук, я сунул его в рюкзак вместе с карандашами и блокнотами.

Я наклонился над столом Кьяры, и та подняла глаза, улыбаясь и накручивая прядь волос на палец. Не видела ли она синьору Грин, спросил я, может быть, сегодня утром, до моего прихода?

– Нет, – Кьяра поджала губы и выпустила прядь из пальцев. – Я библиотечкарь, а не полицейский.

Когда я шел коротким путем через монастырь и проулок, откуда-то сбоку, словно из-под земли вырос мужчина и окликнул меня.

– Эй, это я, Джон Смит, помнишь меня? В баре гостиницы, вечером...

Он выдохнул струю сигаретного дыма, как будто держал его в себе все это время.

Я искоса окинул его взглядом: все в тех же темных очках и в бейсбольной кепочке, надвинутой до самых бровей. Арт-дилеров я видывал очень разных, но он не подходил ни под одну из известных мне пород. И костюмчик не от Прада, и обувь простенькая. Я спросил, что он делает в этих местах.

– У меня была деловая встреча в паре кварталов отсюда, шел мимо, и тут смотрю – ты идешь. Надо же, как совпало...

Что совпадает, того не бывает, говаривал в таких случаях мой дядя Томми, бывший полицейский.

– Пропустим по рюмочке? – предложил Смит. – У тебя усталый вид. Утомился грызть гранит науки?

Разве я говорил ему, что занимаюсь научной работой?

– Быстренько промочим горло, опять там же, в кафе у твоей гостиницы?

Телосложения он был крепкого, не выпускал изо рта сигарету; поменять кепочку на шляпу – и вполне подойдет под описание брата Франческо.

Мы направились в кафе. Близился вечер. Смит на ходу что-то насвистывал, и это меня тоже раздражало. Мы нашли места в баре, и он спросил, что мне заказать, напомнив, что платит он. Когда я попросил «пеллегино», он недовольно поморщился.

Себе он заказал пиво «перони» и долго веселился над сходством этого названия с моей фамилией, в шутку уверяя, что я, должно быть, наследник состояния итальянских пивоваров. От моего замечания, что фамилия и название пишутся по-разному, он отмахнулся, продолжая настаивать на своей шутке, которая ему казалась забавной, а мне глупой.

Когда он вновь спросил, как продвигается моя работа, я ответил встречным вопросом, как у него идут дела. Он сказал, что не очень бойко, и я поинтересовался, в чем проблема. Тогда Смит пустился в рассуждения, что искусство старых мастеров в наше время никто не ценит, и за Энди Уорхола можно выручить в десять раз больше, чем за Тициана. Я сочувственно поддакивал, потому что хотел, чтобы он разговорился.

– Некоторые даже покупают картины, которые им не нравятся, – говорил Смит. – Все дело в громком имени, в престижности обладания чем-то известным и ценным.

Знакомая ситуация, думал я, вспоминая свои картины, упакованные в пузырчатую пленку, которые теперь собирали пыль в углу моей студии.

– Мне отвратительна сама идея торговли искусством как товаром, – заметил Смит.

– Ты же сам этим занимаешься, разве нет?

Он ответил не сразу и, словно собираясь с мыслями, в первый раз за все время снял свою кепочку и почесал в затылке. При этом край прически отделился на несколько миллиметров от его черепа, отбросив небольшую тень. Очки он так и не снял.

– Так что хуже: быть перекупщиком произведений искусства, которые тебе самому не нравятся, или художником, который вынужден заискивать перед коллекционерами и критиками?

Я ответил, что заискивать у меня плохо получается.

– Но ведь приходится идти на жертвы для достижения цели, – парировал он.

– Иногда да, – ответил я, подумав о том, чем мне пришлось пожертвовать ради этой поездки: преподавательской должностью, карьерой художника – и снова перевел разговор на него. – А тебе приходится чем-то жертвовать?

Он опять помолчал, раздумывая над ответом, потом сказал:

– Это уже зависимость, тебе не кажется?

Что он имел в виду, я не сразу понял: слово «зависимость» слишком много для меня значило. Я даже подумал, что он догадался о моих проблемах с алкоголем и таким образом давал мне об этом знать. Но зачем?

– Что ты имеешь в виду под зависимостью?

– Искусство, понимаешь – заниматься им, творить, коллекционировать...

– Никогда не думал о творчестве как о зависимости.

– А коллекционировать, приобретать? – продолжал он. – Некоторые, начав, не могут остановиться.

– За все нужно платить. Пусть платят – только и всего.

– Не все так просто, – ответил Смит. Он залпом допил пиво и заказал себе еще. У меня даже возник соблазн спросить, нет ли у него алкогольной зависимости.

– А что, если произведение искусства не продается? – спросил он.

– То есть ты имеешь в виду кражу?

– Иногда люди покупают произведения искусства, не зная, что они украдены.

Разговор начинал принимать какой-то странный оборот. Если только я не ошибся, что, в принципе, было возможно. Он что, предлагал мне купить украденное произведение искусства?

Пытаясь получить более полную информацию, я спросил, как он работает: через других арт-дилеров или у него есть свой офис во Флоренции?

– Да кому в наше время нужен офис?

– Тогда как это делается? Вы встречаетесь в кофейне или в библиотеке? Может быть, в Лаврентийской библиотеке, как сегодня?

– Я не был в библиотеке, просто мимо проходил, – пробурчал Смит. – Я же тебе сказал.

– Ах, да. Я забыл. И часто ты там ходишь?

– Не очень, – сказал он, раскурив очередную сигарету. – Знаешь, иногда люди так стремятся что-то заполучить, что попадают в опасную ситуацию, сами того не подозревая.

А это еще к чему?

– Это ты про себя сейчас? – спросил я, все еще пытаюсь перекинуть мячик на его сторону. – Ты попал в опасную ситуацию?

– Я? – переспросил он. – Нет, речь не обо мне.

Не понимая толком, что за кошки-мышки он со мной затеял, я решил поиграть. Немножко, самую малость.

– А о ком? – спросил я.

Он обстоятельно хлебнул пивка, не торопясь с ответом.

– Когда речь заходит об очень ценных предметах, люди бывают беспощадными, – произнес он, наконец. – Поверь, мне в моем деле всякое пришлось повидать.

Казалось, мы обмениваемся бессвязными вопросами и ответами, словно гоняем туда-сюда мячик на теннисном корте.

– Так как ты ведешь дела? В смысле, без офиса?

– Хожу от дилера к дилеру, от одного клиента к другому, как я уже говорил.

– Разве говорил? Не помню такого.

– У тебя плохая память, Люк Перроне.

– На самом деле, у меня очень хорошая память, Джон Смит, – я чуть улыбнулся и добавил: – Вот, например, не тебя ли я видел перед Сан-Лоренцо пару дней назад – ты крутился там, словно кого-то ждал?

– Что? Нет. Ты, наверное, ошибся.

– Один из монахов описал твою внешность.

– Так это ты меня видел или кто-то из монахов?

Я не стал отвечать, и мое молчание повисло между нами, постепенно становясь нашим общим молчанием.

– Что за монах? – спросил, наконец, Смит. Он глубоко затянулся и медленно выпустил дым. А я смотрел на огонек его сигареты.

– Да так, один из братства Сан-Лоренцо.

– Ясно, – сказал он. – Да нет, у меня слишком много дел, чтобы околачиваться у монастырей.

– Ты вроде говорил, что дела не особо идут.

– Я так говорил?

– Ну да. Может, это все-таки у тебя плохая память?

Он насмешливо ухмыльнулся.

– Кроме тех случаев, когда речь идет о чем-нибудь важном. Тогда я все запоминаю. До мелочей.

– Рад за тебя, – ответил я, решив, что с меня достаточно этой игры без правил. Я попрощался, и на сей раз он не пытался меня остановить.

У дверей кафе я оглянулся и увидел, как Смит допивает остатки своего пива. Поймав мой взгляд, он приподнял пустую бутылку, словно отмечая тостом некое торжество, но я так и не понял, что он там праздновал.

Следующее утро было пасмурным и мрачным. Когда я выходил с площади Мадонны, вдалеке послышался вой сирен – неотъемлемая часть повседневной музыки Манхэттена, но здесь, во Флоренции, звук их был для меня непривычным. Обогнув длинную изогнутую стену монастыря Сан-Лоренцо, я увидел полицейские машины с «мигалками», самих полицейских и толпу зевак по периметру площади. Карабинеры стояли в проулке, у собора и у лестницы, которую брат Франческо указал мне как место, где сидел таинственный незнакомец. Дверь над ступенями была открыта, но проход перегороден полицейской лентой в красно-белую диагональную полосу.

Я спросил одного из полицейских, что происходит, но он не удостоил меня ответа. Затем я заметил Кьяру, которая плакала, театрально утирая глаза и щеки кружевным носовым платком. У нее мне тоже не удалось добиться ответа – ее душили рыдания. Я обнял ее, и она, всхлипывая, прижалась к моей груди.

– Cosa è successo?^[43] – продолжал допытываться я.

– Una tragedia! – только и смогла произнести она, на секунду оторвав от моей груди заплаканное лицо с расплывшейся по щекам тушью.

– È morto!^[44] – простонал рядом пожилой монах с лицом, как на картине позднего Рембрандта.

– Что? Кто?

– Брат Франческо, – ответил монах.

Может быть, я ослышался?

– Che cosa?^[45]

Монах устремил взор в хмурое небо и повторил:

– Fra Francesco – È morto – È morto!

Не может быть. Брат Франческо – мертв? Это невозможно.

К старому монаху присоединился еще один, и они начали причитать в унисон, крестясь и повторяя «фра Франческо».

Кьяра посмотрела на меня опухшими глазами.

– Nel sonno è suffocate, – произнесла она.

В это трудно было поверить; казалось невозможным, чтобы такой молодой человек мог задохнуться во сне. Я спросил про дверь и полицейское оцепление.

– Старая дверь, сгнила, сломалась, – ответила Кьяра, покачивая головой.

Утешая, я гладил ее по спине, а сам смотрел через ее плечо в темный проулок, на санитаров, которые увозили на каталке тело, укрытое простыней.

– Мне нужно помолиться, – сказала Кьяра.

Я кивнул. Хотя я с детства чувствовал отвращение при одной мысли о молитве, в тот момент мне это казалось совершенно правильным действием.

Проход в клуатр был перекрыт, но в сам собор можно было пройти. Внутри он оказался неожиданно обширным и впечатляющим, по контрасту с простым грубоватым фасадом. Весь интерьер там серо-белый, солидный, пол с ромбовидным рисунком ведет вниз по длинному широкому нефу, уставленному высокими колоннами, по которым глаза сами поднимаются к богато украшенному потолку. Он отделан сотнями белых квадратных плиток с золотой окаемкой и с позолоченным цветком в центре на каждом, а на некоторых – герб Медичи с красными кружочками на золотом фоне. Собор не был похож ни на одну церковь, виденную мной ранее, и уж точно не на церковь Святой Марии Звезды Моря,^[46] здание из красного кирпича, куда родители таскали меня, каждый раз против моей воли – пока мне не исполнилось двенадцать, и я не отказался туда ходить.

В конце нефа висел указатель в Старую ризницу и табличка с надписью, что она спроектирована Брунеллески. Это была небольшая комната с куполом, похожим на большой раскрытый зонтик, идеально разделенный на двенадцать сегментов, а под ним, на задней стене, простое распятие. Места для сидения были оцеплены, и я инстинктивно опустился на колени и осенил себя крестным знаменем, а затем направился обратно в главную церковь, которая была практически пуста. Я нашел место на скамье и смотрел, как пожилая женщина зажигает свечу в апсиде. Затем я закрыл глаза и вспомнил слова молодого монаха.

Continua così. Avanti così.

Держать курс.

Тогда мне хотелось спросить у него, верный ли курс я выбрал, приехав сюда, во Флоренцию... но теперь было уже слишком поздно.

Хотя брат Франческо вряд ли нуждался в моей помощи теперь, я прочел молитву, которую, к своему удивлению, легко вспомнил.

*Даруй ему вечный покой, Господи,
И да воссияет над ним вечный свет.
Пусть души всех усопших верующих,
По милости Божьей, упокоятся с миром.*

Если верить словам учителя нашей воскресной школы, эта молитва призвана помочь тем, кто еще не достиг рая, и сокращает срок их пребывания в чистилище. Я был почти уверен, что брат Франческо не задержался в чистилище – да и не верил я в чистилище – но молитву, тем не менее, произнес.

Когда я вышел из собора, площадь Сан-Лоренцо уже выглядела как обычно: несколько человек прогуливались, работали киоски, группа туристов фотографировалась. Как это странно: жизнь продолжается, несмотря на только что случившуюся трагедию. Переулок, ведущий в монастырь, вновь был открыт, все вернулись к своим обычным делам.

Направляясь к библиотеке, я представил себе брата Франческо, ухаживающего за монастырским садиком. То, что его больше здесь не было, казалось неправильным. Возвращаться к дневнику мне тоже казалось неправильным, но что мне еще оставалось делать? «Continua così, avanti così», – сказал я себе. Продолжай в том же духе, держи взятый курс и возвращайся к чтению.

Начав подниматься по лестнице, ведущей в библиотеку, я остановился и посмотрел назад: через проулок видны были каменные ступени перед старой дверью в общежитие. Там все еще висела лента полицейского оцепления. Не взломал ли кто-нибудь эту дверь, подумал я. Неужели я единственный, кому пришло в голову сопоставить эти два факта: сломанную дверь и смерть монаха?

Прошло несколько недель. Долгожданный вечер, наконец, наступил.

Я достал картину из сундука. Плотно завернул ее в один из Симониных платков. Спрятал под курткой. И вышел из дома.

Время было позднее; к тому же несколько дней подряд шел дождь. Канализация переполнилась. По улицам бегали крысы. Везде. Они рыскали под ногами в поисках еды. Жирные и отвратительные. Сена тоже выглядела жутко. Желтые потоки бились в берега, грозя выплеснуться на улицы. Уже ходили слухи о затопленных подвалах. Фундаменты зданий подмыло. Даже у Эйфелевой башни! Я попытался вообразить, что творится в столярной мастерской Лувра – она находилась в цокольном этаже. Представлялись шедевры мирового искусства, плавающие в грязной речной воде.

Встреча была назначена по ту сторону кладбища Пер-Лашез. Я брел по грязи мимо могил и памятников. Все вокруг было затянуто туманом. Я поплотнее натянул куртку, чтобы защитить картину от влаги.

Наконец, я добрался до противоположного края кладбища и, пройдя под остатками старой стены, выбрался с него. Я замерз и продрог, но испытал облегчение, вновь оказавшись среди живых.

Найти дом, где жил фальсификатор, оказалось нетрудно. В подъезде пахло сыростью и плесенью. И уже на лестнице – скипидаром. Я поплелся на самый верхний этаж. Стукнул в дверь четыре раза. Потом, после паузы, еще два. Это был условный сигнал.

Дверь открыл Ив Шодрон. То была наша первая встреча. Мужчина среднего возраста и среднего роста с очень красивым лицом. Увеличенные очками голубые глаза с воспаленными от постоянного напряжения веками.

В его прихожей царил полнейший беспорядок. На стульях и на полу валялись книги и одежда. И скомканные газеты. Запах скипидара здесь был еще сильнее, но кроме того, пованивало чем-то сгнившим. Рубашка у Шодрона была грязной, халат – липким от краски. Я заглянул на кухню: стопки тарелок с остатками еды, и повсюду тараканы.

Шодрону не терпелось заполучить картину, но я заставил его подождать. Мы стали ждать Вальфьерно. А его все не было.

Наконец, фальсификатор не выдержал. Сказал, что не может больше терпеть. Так ему хотелось увидеть картину.

И я уступил.

Он смахнул бумаги со стола. Поставил на него картину, подперев чем-то. Потом долго стоял перед ней и смотрел. Потом сказал, что это будет его величайшим испытанием и величайшим достижением. Затем он взял картину и понес ее в свою мастерскую, и я пошел за ним.

На стенах мастерской висело несколько картин в работе. Небольшой пейзаж Коро: сельская местность, голубое небо, серые облака. Я спросил у Шодрона, как он это сделал. Он объяснил, что просто, как всякий прилежный начинающий художник, установил свой мольберт в музее и сделал копию.

Рядом, бок о бок, висели еще две картины. Одна была закончена. Вторая – на середине работы. В первой я узнал полотно Жана-Доминика Энгра. Я перевел взгляд с оригинала на наполовину завершенную копию. Она была замечательной. Шодрон сказал, что его заказчик намерен подарить музею оригинал, а себе оставить копию. Потом он рассмеялся и добавил, что на самом деле, может быть, наоборот. Но что ему все равно.

Он хвастался своим талантом. Я чувствовал, как его гордость скользит по мне, как маслянистая слизь. Знал, что он ждет комплимента. Но я ничего не сказал. Я слушал, как он рассказывает о своем художественном образовании и о том, как он бросил академию искусств, потому что преподаватели ничему не могли его научить.

По его словам, ему все говорили, что у него очень точная рука. Что он величайший из всех художников. И все же я уловил некоторое разочарование, когда он это сказал. Возможно, он чувствовал, что точная рука – это все, что у него есть. Когда он сказал, что мечтал стать величайшим художником Европы, мне стало почти жаль его. Но потом он заявил, что он действительно величайший художник в Европе!

Мне хотелось подразнить его. Но в этот момент явился Вальфьерно. Он запыхался от подъема по лестнице и опирался на трость. Вальфьерно остановился и долго смотрел на «Мону Лизу». В

его глазах была только жадность. Он потер свои научьи пальцы и еще раз изложил свой план. Шодрон сделает копии. Вальфьерно их продаст. Все очень просто. Картины должны были принести нам целое состояние. И каждая из них будет продана как оригинал! Он сказал, что мы все станем богатыми.

Но все, чего хотелось мне – достаточное количество денег, чтобы вернуть себе сына.

Всматриваясь в алчные лица этих двоих, я знал, что им нельзя доверять. Но я выполнил их просьбу и вступил в сговор с ними. У меня уже не было иного пути, нужно было идти дальше. Я заключил договор с дьяволом. И готов был заплатить дьявольскую цену.

Нью-Йорк Сити

Воздух в помещении казался теплее обычного, и на миг коллекционера охватило беспокойство. Колебания температуры воздействуют на холст и дерево, которые сжимаются и расширяются, отчего краска на картине трескается. Он посмотрел на термометр: шестьдесят восемь градусов, как и должно быть. Вероятно, причина в нем самом. Померещилось. В последнее время его частенько бросало в жар.

Попивая редкое красное вино Louis Latour Chateau Corton Grancey Grand Cru^[47], он любовался своим недавним приобретением – рисунком Матисса, похищенным из небольшого частного музея во Французской Ривьере. За налет с ограблением он заплатил дополнительно. Удовольствие его было прервано вибровонком мобильного, и он с раздражением ответил.

- В чем дело?
- Американец идет к дому итальянца.
- Вы мне это уже говорили.
- Мне продолжать?
- Каким образом?
- Каким скажете.

Коллекционер задумался. Нет, ему пока не нужно, чтобы Американца арестовали – во всяком случае, пока тот не получит нужную им обоим информацию. Тогда он станет расходным материалом. Сейчас лучше ничего не делать. Нужно подождать и посмотреть, что там накопает Американец, пусть он найдет ответ на вопрос, который интересует самого коллекционера.

– Продолжайте наблюдение, – сказал он. – Информировать меня обо всех, с кем он встречается. Куда заходит. Обо всем.

– Да, конечно. Не волнуйтесь.

Последняя фраза позабавила коллекционера. Он никогда не волновался. Он давно уже принял решение: как только это дело

закончится, Американца нужно будет устранить.

Он пристально посмотрел на маленький портрет работы Пикассо «голубого» периода, незначительную вариацию более известной работы художника «Старый гитарист». Портрет давно нужно было продать, но коллекционер держал его у себя из сентиментальности. Он представил себе эту картину в галерее на Мэдисон-авеню, где впервые увидел ее, вспомнил, как она ему понравилась. Время было выбрано идеально, он только что основал свой собственный фонд, и все вокруг говорили, что человек его положения должен обладать произведениями искусства. В искусстве он тогда совершенно не разбирался, и вкус его был подростковым, еще не отточенным.

Однако в нем тогда совершенно неожиданно вспыхнула любовь к искусству. Он почувствовал, словно некий толчок изнутри, внезапную потребность владеть дорогими шедеврами. Пикассо был его первой серьезной покупкой, обошедшейся ему почти в миллион. Это были большие деньги в то время, но он выписал чек без колебаний.

Несколько позже он понял, что существуют другие, более интересные способы приобретения мировых шедевров.

– Алло? Что-нибудь не так? – прозвучал из трубки невыразительный, обезличенный электроникой голос собеседника.

– Не так? – переспросил коллекционер, подумав мимоходом, что этот человек тоже знает больше, чем следует, и от него тоже нужно будет избавиться. – Нет, все в порядке.

Он постарался произнести это совершенно беззаботным тоном.

Увидев, наконец, поддельные «Моны Лизы» Шодрона, я вынужден был признать, что они великолепны.

Этот человек обладал выдающимся и извращенным талантом фальсификации. Он изучил и воспроизвел все нужные рецепты. Использовал загущенное на солнце льняное масло и венецианский скипидар в тех же пропорциях, в каких ими пользовался Леонардо в 1503 году. Он приобрел древесину того же сорта, как у Леонардо. Выпилил каждую планку точно по размеру. Отшлифовал и состарил их маковым маслом. Приготовил клей из кроличьей шкуры и покрыл им дерево для защиты от гниения. Потом положил слой чистых свинцовых белил. Затем покрыл даммаровым лаком, сделанным из кристаллов, которые он купил на распродаже мастерской малоизвестного художника шестнадцатого века. Этой техникой пользовались все художники того времени.

Шодрон зашел так далеко, что купил недавно произведенные рентгеновские снимки у продажного сотрудника охраны Лувра. У человека, которого я знал и никогда бы не заподозрил! На них было изображено то, что Леонардо нарисовал под законченным портретом. Все эти фальстарты. Призраки. Пентименти. [\[48\]](#)

Шодрон знал, что его подделки будут исследовать под микроскопом и новейшим изобретением – рентгеном. Эти скрытые изображения производили впечатление, что каждая из подделок – оригинал. Он позаботился о том, чтобы его картины прошли все научные исследования.

Он дал этим призракам и фальстартам подсохнуть. Потом начал класть краску тончайшими слоями. Он разглаживал ее кистью для растушевки из тончайшего собольего меха. Путем лессировки нежнейшей краской, состоявшей из размолотой крошки пигмента, разведенной в масле и лаке, он смог создать ту мягкую туманную атмосферу, благодаря которой шедевр Леонардо кажется картиной сновидения.

Шодрон с гордостью показывал мне обратную сторону своих полотен, на которых он воспроизвел каждую отметину, каждое

пятнышко с оригинала. А для пущей убедительности скопировал и штамп Лувра!

Но и это еще не все. Готовые картины он ставил перед работающими вентиляторами и возле огня в камине. Он водил пламенем свечи по их краскам, чтобы состарить их. Он добавлял дополнительные слои такого лака, который должен был быстро потрескаться. На всю эту работу у него ушло несколько месяцев.

Но мне-то пришлось ждать почти два года.

Наконец, шесть подделок были готовы.

Наступил черед Вальфьерно попытаться их продать. Он собирался сбыть их на черном рынке. Это тайная сеть, такая же запутанная и грязная, как парижская канализация. Вальфьерно хорошо ориентировался в этой паутине, он был знаком со всеми теневыми перекупщиками и коллекционерами картин в городе и за его пределами. Он начал продавать картины одну за другой. И каждый коллекционер был уверен, что покупает настоящую «Мону Лизу»!

Продав все подделки, Вальфьерно вернул мне оригинал. Он сказал, что это моя доля. Что она стоит миллионы.

И я ему поверил.

Много лет я читал разные материалы об этой неуловимой парочке, но только теперь они для меня стали реальными людьми. Все оказалось именно так, как некоторые предполагали, но не могли доказать: Шодрон изготавливал подделки, а Вальфьерно продавал их. Слова Винченцо вызвали их к жизни. Но все же мне нужно было убедиться, что написанное им – правда. Действительно ли где-то висят полдюжины поддельных Джоконд?

Год назад я разыскал единственного живого родственника Ива Шодрона – в Париже проживал его племянник Этьен Шодрон. Собрал о нем кое-какую информацию, я написал ему электронное письмо и получил короткий ответ: я ничего не могу сообщить вам о своем двоюродном дедушке, потому что я его никогда не видел.

Теперь я решил позвонить ему.

– Этьен Шодрон?

– Qui est-ce?^[49]

– Это Люк Перроне, – сказал я и напомнил о своем прошлогоднем письме. – Nous avons eu un échange de courrier au sujet de votre grand-oncle, Yves.^[50]

– Я говорю по-английски, – произнес он отрывисто, даже резко.

– Я сейчас во Флоренции, но собираюсь заехать по делам в Париж, – солгал я. – Хотелось бы встретиться с вами.

– Я уже говорил вам, что ничего не знаю о своем двоюродном деде.

– Я понимаю, но хотелось бы кое о чем поговорить...

– Нам не о чем разговаривать.

Я собирался сказать ему, что Винченцо описал в дневнике, как Ив Шодрон делал копии мировых шедевров, но он уже повесил трубку.

– Есть ли у вас еще какие-нибудь материалы профессора Гульермо? – спросил я потом в тот же день у Кьяры в библиотеке. Мне еще с утра пришла в голову мысль, что Гульермо мог делать какие-то заметки, если готовил публикацию о дневнике.

– Di che tipo? – спросила она.

– Какого типа? Ну, записи, черновики, всякие бумаги, – произнес я, как мог, непринужденно.

– Есть одна коробка... что называется, *note varie*, неопределенной категории. Я поищу ее для вас, когда разберусь с этим. – Она показала на стопку карточек. «Марш немедленно!» – хотелось мне заорать, но я с улыбкой сказал «спасибо» и вышел во дворик, чтобы остыть и успокоиться.

Там один из монахов жег листья. Серый дым клубами поднимался к низким облакам, словно был их источником. Я обошел дворик кругом, пытаюсь понять, не «подсмотрел» ли брат Франческо что-то, не предназначенное для его глаз. Поглядев из проулка на площадь, я увидел, что полицейской ленты на двери общежития уже нет. На ступенях перед дверью тоже никого не было.

Кьяра уже держала для меня наготове коробку с неразобранными по категориям бумагами Гульермо. Впрочем, они так же, как и в остальных коробках, были разложены по папкам с аккуратными надписями: «Статьи и черновики статей», «учебные задания», «квитанции и прочее». Внутри каждой папки были папки поменьше, каждая на конкретную тему.

Я начал со «Статей и черновиков», но там лежали материалы по искусствоведению, а про дневник ничего не оказалось. Ничего не было и в «учебных заданиях». В «квитанциях» я поначалу и не собирался искать, но тут мне пришла в голову новая идея, и в итоге, потратив больше часа на просматривание счетов и квитанций, я составил список примерно из сорока торговцев-букинистов, с которыми Гульермо регулярно имел дело. Затем, еще раз просмотрев квитанции, я выбрал тех, кто мог продать ему блокнот, тетрадь или журнал. Таких оказалось девять.

Засев за ноутбуком в ближайшем кафе и вооружившись чашкой эспрессо для бодрости, я нашел сайты всех девяти торговцев и разослал им одинаковые электронные письма. Через несколько минут три адресата ответили, что не продавали никаких дневников, которые соответствовали бы моему описанию, но изъявили готовность поискать эту вещь, если я хочу ее купить. Вежливо отказавшись, я вычеркнул их из списка. Через некоторое время еще два торговца ответили, что никому не продавали такую тетрадь.

Я заказал еще один эспрессо, и к тому моменту, когда я его допил, пришел еще один ответ: букинист из Берлина сообщал, что продал Гульермо старинную тетрадь. Позвонив в Берлин, я узнал, что речь идет о блокноте девятнадцатого века, тоже синем, тоже в бумажной обложке, но чистом, без каких-либо записей.

Надежда таяла на глазах, моя блестящая идея оказалась не такой уж и блестящей. Только трое из девяти книготорговцев еще не ответили. Устав ждать, я позвонил первому из них, владельцу «Пеллетье Эдишенз» в Париже. На звонок никто не ответил, даже автоответчик. Набрав второй номер, магазина «Скрипториум» в Мантуе, я услышал записанное жутковатым голосом сообщение, что данный номер больше не обслуживается. Последний магазин, «Либрерия Антиквариа ди Фиренце», тоже не ответил, но адрес был местный, флорентийский. Забив его в Гугл-карты, я увидел, что магазин находится на противоположном берегу реки Арно.

Близился полдень, время «рипозо» – обеденного перерыва, и магазин мог оказаться закрытым, но кофеин придал мне оптимизма, и я решил рискнуть. Да и что мне было терять?

Понте Веккьо,^[51] метко названный старинный мост, не был крытым, хотя казался таковым из-за многочисленных навесов перед ювелирными ларьками и киосками, которые загромождали его, заслоняя солнце и вид на реку. Здесь сновало множество туристов – больше, чем я видел их в других местах Флоренции: одни рассматривали ожерелья и браслеты в витринах ларьков, другие торговались с продавцами, молодые женщины, вытянув руку, примеряли кольца с бриллиантами. Куда бы я ни посмотрел – повсюду были парочки. В первый раз за все время я заскучал по оставшимся на родине подружкам, и не в первый – по Александре. Я все еще не понимал, как она относится ко мне и к тому, как развиваются наши отношения – если они вообще развивались. Когда мимо прошла целующаяся парочка, я чуть было не поморщился.

На середине моста открывался прекрасный вид на реку Арно, по берегам которой стояли дома гармонично сочетавшихся земляных оттенков, но тут небо потемнело, и едва я успел сойти с моста, начался дождь. Район Олтрарно, что значит «другая сторона Арно», расположен на южном берегу реки и считается не самым элитным. Дождь усилился, и я спрятался под навес одного из магазинчиков, уточнил маршрут к дому букиниста по GPS, а заодно нашел магазин, торгующий дешевыми зонтиками. Улицы на этой стороне реки выглядели несколько иначе, чуть погрязнее и попроще; то широкие, то узкие на средневековый манер, все они сейчас опустели. Я шел быстро, безуспешно пытаюсь убежать от дождя, и вскоре вышел на небольшую площадь перед широким трехэтажным каменным зданием, на стенах которого висели красные транспаранты с объявлениями о проходящих выставках. Это был Палаццо Питти, или Дворец Питти, известный своей эклектичной коллекцией произведений искусства. В другое время я бы непременно зашел туда, но сейчас мне не хотелось отвлекаться.

Чем дальше, тем более узкими и менее ухоженными становились улицы. Несколько зданий представляли собой груды потрескавшегося камня и облупившейся краски. Тротуаров вообще не было; дождевая

вода поднялась и затекала мне в ботинки. Идти по неровному и скользкому булыжнику было трудно, и я вздохнул с облегчением, когда выбрался на просторную безлюдную площадь.

Дождь припустил еще сильнее, и купленный по дешевке зонтик уже не спасал от него. Я забежал в ближайшее здание с невзрачным каменным фасадом и по-собачьи отряхнулся. Через пару секунд я понял, что нахожусь в церкви Санта-Мария-дель-Кармине. Но чем конкретно она знаменита, я вспомнил только, когда увидел на табличке название капеллы Бранкаччи – именно здесь находился один из самых известных циклов живописи эпохи Возрождения, по которому я уже несколько лет читал свой любимый курс лекций. Это было одно из тех мест, которые мне больше всего хотелось посетить во Флоренции, и о которых я начисто забыл, приехав сюда.

Заплатив десять евро за вход, я поднялся по короткой лестнице и очутился в том месте, которое можно было назвать только раем. Цикл фресок заполнял всю маленькую часовню, ослепляя своим великолепием уже издали. Преодолев последние ступеньки и пройдя через открытые скульптурные врата из серо-белого мрамора, я словно оказался в старинном синемаскопе,^[52] со всех сторон меня окружали фрески. Расположенные двумя рядами живописные сцены жития святого Петра, ростовые изображения людей с лицами, нарисованными так выразительно, словно они вот-вот заговорят, цвета оттенков самой Флоренции, сиены и охры, бледно-розовый и пышный индийский красный по контрасту с изумрудно-зеленым и голубым – весь этот цикл фресок оказался более красивым и впечатляющим, чем я себе представлял.

Автор этого шедевра – Мазаччо, можно сказать, рок-звезда эпохи Возрождения. Он умер в двадцать семь лет: опасный возраст для любой великой рок-звезды. Он написал всего несколько фресок из этого цикла, но они были самыми известными и выделялись из ряда остальных.

В верхнем ряду слева от меня фреска «Чудо с динарием» изображала Христа с апостолами, противостоящими сборщику налогов – он был единственным из них без нимба! Сцена навела меня на мысль о налогах и очевидных потерях, которые вскоре понесет моя толком не начавшаяся карьера художника. Вспомнил я и о денежных затруднениях моего прадеда и о том факте, что после того, как он

украл картину для Вальфьерно и Шодрона, чтобы они могли нажиться на подделках, он стал им не нужен. Как смог бы, задавался я вопросом, такой человек, как Винченцо, скромный и без связей, продать настолько известную картину? Ему столько довелось пережить – смерть Симоны, потерю сына, предательство Вальфьерно и Шодрона. И все же я верил в него, верил, что он мог это сделать.

В углу картины Мазаччо изобразил святого Петра, достающего деньги изо рта рыбы. То было одно из чудес Христа. Вот что нужно было моему прадеду: чудо. Наверное, мне и самому оно было нужно.

Покой часовни нарушила немецкая пара, они громко переговаривались и делали снимки. Я спустился на несколько шагов по лестнице: мне хотелось еще раз посмотреть на фрески издалека. Дождь, видимо, перестал, потому что из окошка в дальнем конце церкви пробивался свет. Хотя тот угол был освещен довольно скудно и отгорожен от посетителей, я успел заметить, как в боковом проходе скрылся какой-то мужчина. Вернувшись наверх, я дождался момента, когда немцы ушли, и, оставшись в одиночестве, стал рассматривать Адама и Еву на фреске Мазаччо. Нагой Адам закрыл лицо руками, Ева прикрывала наготу и рыдала – все в этой паре выражало страдание и абсолютное отчаяние. Таким же я представлял себе и Винченцо, изгнанного и снедаемого чувством вины из-за потери любимой жены и сына.

В этот момент что-то заставило меня обернуться – и я снова увидел его, того человека, что скрылся в дальнем конце церкви. Теперь он стоял метрах в семи, свет из окна освещал его со спины, и я разглядел только силуэт; это был крупный мужчина. Я хотел спуститься, чтобы рассмотреть его поближе, но он метнулся прочь и исчез, словно его и не было.

Я судорожно втянул в себя воздух, ощущение опасности обострилось. Что-то в этом парне показалось мне не только зловещим, но и знакомым.

Выйдя на улицу, я двинулся дальше к букинистическому магазину. Сквозь облака, как через церковное окно, пробивалось солнце, резкое и яркое. Я попытался прогнать неприятное чувство, вызванное этим парнем, но внезапная смерть брата Франческо вывела меня из равновесия, и теперь я относился с подозрением ко всему.

Пройдя несколько кварталов, я оказался на оживленной площади под названием Пьяцца Санто-Спирито, уставленной ресторанами и магазинами. Здешняя церковь была закрыта, но кафе работали. Я посидел немного в одном из них, попивая кофе и думая о своем прадедушке – человеке, который не вписался в общество, замкнутом и одиноком, потерявшем единственную женщину, которая его по-настоящему любила и верила в него.

Район вокруг Санто-Спирито напомнил мне манхэттенский Нoho или Ист-Виллидж, здесь было множество ресторанов и магазинов с ремесленными поделками, от керамики и картинных рам до ремней и обуви ручной работы. Ноги у меня еще не высохли, и я было соблазнулся парой таких легких полуботинок, но потом увидел ценник и передумал.

Виа Тосканелла оказалась всего в нескольких кварталах, на этой улице было много переплетных мастерских и букинистических магазинов, но все они были закрыты, в том числе и тот, который я искал. На большинстве магазинов висели объявления, что они откроются после обеденного перерыва. Но на «Либрерия Антиквариа ди Фиренце» такой таблички не было, а металлическая решетка на витрине была опущена и заперта. Я попытался заглянуть внутрь магазина через прутья решетки, но там почти ничего не было видно. Я уже готов был сдать, когда увидел мигающую вывеску в конце квартала.

Пол в «Ристоранте Американо» был усыпан кожурой арахиса, из музыкального автомата пела Долли Партон,^[53] и продавалось пиво «Будвайзер» в разлив. Этакое итальянское представление об американском баре. Я попросил кока-колы, и барменша, обладательница копны курчавых темных волос и ярко накрашенных губ, с улыбкой ее подала.

– Американец? – спросила она.

– Итало-американец, – сказал я. – Неужели так заметно?

– Нет. Ты выглядишь как все смазливые итальянские отморозки, с которыми я встречалась.

– Люк Перроне, – представился я.

– Это как пиво?

– Пишется по-другому, и не родственник.

– Очень жаль. Тереза Феррара. Но тоже ничего общего с булочной в Маленькой Италии.^[54] – Она протянула мне руку с кольцами на каждом пальце. – Я из Хакенсака. Это в Нью-Джерси.

– Знаю. Я из Бэйонна. Как ты здесь очутилась?

– Поехала за своим бойфрендом. Плохая это была идея, можешь мне поверить.

– Ладно, учту, если у меня когда-нибудь появится бойфренд.

Тереза посмеялась, потом спросила:

– Есть хочешь?

Не дожидаясь моего ответа, она исчезла на кухне и, вернувшись через пару минут, поставила передо мной тарелку:

– Кальцоне, домашняя пицца. За счет заведения. И не критиковать, потому что я ее сама готовила.

Попробовав, я сказал, что вкус изумительный. Так оно и было. Тереза поблагодарила и спросила, что привело меня во Флоренцию. Я солгал, что пишу научную работу, и взглянул на часы.

– Торопишься?

– Нет, – на самом деле мне очень хотелось поскорее вернуться к чтению дневника, но до открытия библиотеки было еще полчаса.

– Что тут исследовать, в этом районе? – спросила она.

– Я искал книжный магазин, – ответил я, и она покивала.

– А какой?

Когда я произнес название магазина, Тереза сразу перестала улыбаться.

– Но ты же не коп, надеюсь?

– Я? Нет... а в чем дело?

– Да их тут много крутилось, когда это произошло.

– Что произошло?

– Владелец этой «Либрерия Антиквариа», такой милый мужичок, Карло Бьянки... частенько сюда заглядывал... его убили прямо в магазине.

– Боже мой. Когда?

– Месяца два назад.

– Ограбление?

– Вряд ли. Это маленький магазинчик со старыми пыльными книжками. Кому это нужно – убивать старика из-за пригоршни евро? Так до сих пор никто и не понял, кому и зачем это понадобилось.

Я должен был раньше догадаться, что все это плохо кончится. Что эти два негодяя меня обманут.

Спрятавшись за домом, где жил Шодрон, я видел, как к нему приходили курьеры. Проследив за некоторыми из них, я записал, куда они направлялись. Но я понятия не имел, что делать с этим знанием.

Денег у меня все так же не было, и негде было их взять. Неделя шла за неделей, и меня охватило отчаяние. Что делать, как выжить?

Тогда я придумал план. Я отдам «Мону Лизу» за вознаграждение! Мне вспомнилась та мысль, которая пришла мне в голову, когда я стоял перед картиной с изображением коронации Наполеона. Я предложу украденную Джоконду итальянскому правительству! Скажу, что возвращаю ее на историческую родину. За вознаграждение.

Я решил уехать из Парижа и увезти картину в Италию. Я не говорил Вальфьерно и Шодрону об этом плане. И о том, что собираюсь уехать. Но потом выяснилось, что и они от меня кое-что скрывали. Я понял это только в гостинице «Триполи», когда показывал картину тем двоим, с которыми связался, чтобы продать ее. Это были антиквар Альфредо Джерри и директор галереи Уффици Джованни Поджи. Понял в тот момент, когда снял с картины покрывало, и они стояли перед ней в ошеломлении.

Именно тогда проявился первый явный признак. Едва заметный запах масла, на который я до этого не обращал внимания. Я думал, что этот запах – следствие того, что картина несколько месяцев провела в мастерской Шодрона. Но он был слишком стойким. Я был уверен, что те двое тоже почувствуют его. Но они ничего не заметили.

Они стояли, остолбнев, а я вглядывался в картину в поисках свидетельства, что это работа руки Шодрона, а не Леонардо. Мне следовало поискать этот знак, когда мне отдавали картину. Шодрон же показывал мне его несколькими месяцами ранее. Но я совсем забыл об этом.

Напрягая зрение, я внимательно обследовал картину. И нашел этот знак! Шодрон и Вальфьерно разыграли меня, как последнего

дурака. Они всучили мне подделку!

В тот момент я не выдал себя. Я знал, что доставшаяся мне «Мона Лиза» ничем не отличается от оригинала, как ни смотри. Даже покрашенные изображения на нижних слоях совпадут, если картину будут проверять рентгеновскими лучами. Но я точно знал, что передо мной одна из шюдроновских подделок.

Запах был лишь первым свидетельством.

Настоящее доказательство я увидел потом.

Что стало с оригиналом – я не представлял. Только я знал, что картина, которую я предлагаю Джерри и Поджи, – не та, что я украл! И именно эта «Мона Лиза» в конечном итоге «вернулась» в музей. Если кто-то сомневается в этом, он может пойти в Лувр, захватив с собой увеличительное стекло. Медленно проводя стеклом по картине, вы...

Вот оно, то, что я искал, предмет столетнего спора многих исследователей! Была ли «Мона Лиза», которую вернул Винченцо, подделкой или украденным оригиналом, и есть ли способ это выяснить? Я перевернул страницу.

Джерри и Поджи обратились в полицию, и меня арестовали...

Я перевернул лист обратно.

Медленно проводя стеклом по картине, вы...

Я вернулся на следующую страницу.

Бессмыслица какая-то.

Но потом я увидел оборванный край бумаги, застрявший в переплете.

Черт возьми! Только не это! Проводя пальцем по рваным клочкам, я лихорадочно пытался осознать происшедшее. Потом откинулся на спинку стула. Ощущение было такое, словно мне с размаху ударили в живот. То, ради чего я приехал в Италию, чтобы выяснить для себя...

Оно исчезло.

В дневнике недоставало страниц.

Я пытался осмыслить этот факт и понять, что тут можно сделать, и можно ли.

Кто вырвал эти страницы и когда?

Неужели их вырвал Гульермо, до того, как дневник передали в библиотеку? Или это сделал Кватрокки? Может, поэтому он и скрылся? А может быть, это сделал кто-нибудь третий? Но кто и когда?

Мне нужно было это знать, нужно было выяснить. Я не мог просто так сдать. Слишком многое было поставлено на карту. Должен же быть какой-то способ узнать, как именно Шодрон пометил свои копии. Сделав усилие над собой, я прочитал несколько страниц, которые следовали за недостающими: там Винченцо описывал свой арест. Интересное повествование, но ключа к выявлению подделок там не было.

Не пропустил ли я что-нибудь? Может быть, подсказок было достаточно, просто я невнимательно читал?

Я осторожно осмотрелся. Сегодня присутствовал только один ученый муж, он сидел в другом конце зала и просматривал какой-то журнал. Кьяра направлялась в подсобку. Беатрис сортировала каталожные карточки с таким усердием, словно от этого зависела ее жизнь. Рикардо нигде не было видно. У меня было всего несколько секунд на принятие решения.

Сделай это.

Взгляд мой невольно скользнул в сторону приемной. Все-таки, как я пронесу дневник мимо этой Гризельды?

Невозможно. Он слишком большой.

А если вырвать страничку?

Я пошуршал бумагами, чтобы заглушить звук вырываемой страницы. Та вышла легко, потому что плохо держалась в ослабшем переплете. Быстро сложив страничку, я сунул ее в рюкзачок, под ноутбук. Потом положил сверху свой дозволенный желтый блокнот и перевел дыхание. Подняв взгляд, я увидел, что Кьяра уже вернулась на свой боевой пост.

Заметила ли она, что я сделал?

Потом я оглянулся: под потолком в двух углах зала висели камеры наблюдения. Я совсем забыл о них. Я сидел к ним спиной, но вдруг они зафиксировали кражу?

С самым непринужденным видом я закрыл тетрадку, положил ее в коробку с материалами по Дуччо, завалил сверху папками и бумагами и понес сдавать обе коробки Кьяре. Одарив ее своей отработанной улыбкой, я повернулся и пошел к выходу, держа рюкзачок под мышкой и стараясь идти спокойно, хотя сердце у меня бешено колотилось.

Злая сводная сестра Золушки, как обычно, задержала меня на вахте. Я отдал ей свой рюкзак и пустился в рассуждения о погоде, недавних забастовках и обо всем подряд, что успело прийти на ум, в то время как она расстегивала рюкзак и запускала в него руку. Струйка холодного пота, стекавшая по моей спине, не могла тягаться с непрерывным потоком слов, которые я исторгал.

С момента, когда Гризельда начала рыться в моих вещах, казалось, прошла целая вечность.

На мое счастье, сзади подошел научный сотрудник со стопкой книг под мышкой и стал сопением и вздохами выражать свое нетерпение. Гризельда оставила в покое мой рюкзачок, мельком просмотрела его книги и махнула рукой, пропуская нас.

Я готов был расцеловать этого парня. Застегнув рюкзак почти совсем не дрожащей рукой, я прошел через рамку и направился к выходу.

Во дворе было несколько монахов, но я не остановился поболтать с ними. Закрепив рюкзак понадежней, я пошел через площадь Сан-Лоренцо, вновь чувствуя себя подростком, совершившим магазинную кражу или еще что-нибудь похуже. Не спеши, иди спокойно, сказал я себе, веди себя естественно.

Дойдя до восточной стороны площади, я свернул на тенистую немногочисленную улочку, которая вела в сторону от кафедрального собора. Через полквартила мне пришла в голову идея, я достал сотовый телефон и набрал номер.

– Музей Лувра, – ответили там по-французски.

Я попросил к телефону куратора^[55] отдела эпохи Возрождения.

Когда куратор взял трубку, я назвал свою должность и ученую степень, перечислив также гранты, награды и научные труды. Правда, я изрядно преувеличил свои заслуги, но это сработало. Куратор

согласился впустить меня в музей послезавтра, когда Лувр будет закрыт для туристов. Я тут же заказал билет на самолет в Париж.

Итак, я сделал это: украл страницу дневника, чтобы изучить ее самостоятельно. А через день буду осматривать саму картину. Может быть, я найду на ней что-нибудь такое, что смогу связать с прочитанным. Чувствуя, как возбуждение постепенно спадает, я прислонился спиной к стене дома, и тут меня охватило желание, которого я не чувствовал уже много лет. Мне захотелось выпить.

Пройдя еще полквартала, я остановился возле бара, заглянул в него, и быстрее зашагал дальше. Потом я задержался возле табачного магазина и, посмотрев на витрину, увидел зеленую жестяную банку табака «Ла-Пас», любимой марки моего прадеда. Кроме того, я увидел в стекле витрины отражение двух человеческих фигур – своей и еще одной, приближавшейся ко мне сзади.

– Вот ты и попался! – выпалила Александра, тяжело дыша, как после быстрого бега.

– В смысле?

– Кьяра сказала, что ты только что ушел, и я решила тебя догнать. – Она окинула меня пристальным взглядом. – У тебя все в порядке?

– В полнейшем. Может, выпьем кофе или чего-нибудь... съедим? – я чуть было не брякнул «покрепче». Если я и дальше буду заниматься воровством, мне придется вернуться в лоно «анонимных алкоголиков», и чем скорее, тем лучше.

– Давай. – Александра взяла меня под руку и повела в противоположную сторону, по дороге рассказывая о том, как она приводит в порядок свою квартиру. Начинало темнеть. Пройдя несколько кварталов, мы оказались на Пьяцца-делла-Синьориа, большой и просторной площади, на которой возвышается похожий на крепость дворец Палаццо Веккьо. Там люди по очереди фотографировались у огромной статуи Давида, превосходившей размерами оригинал Микеланджело.

– Неужели они не знают, что это копия? – спросил я, продолжая думать о подделках.

Александра равнодушно пожала плечами и пошла к фонтану Нептуна. Мраморный бог морей был окружен херувимами и русалками. Фонтан действовал даже зимой. С того места, где стоял я, вид был такой, словно Нептун отливает. Так я и сказал.

– Старо, – ответила Александра, но посмеялась. Затем она оттащила меня в сторону: мелкие брызги фонтана успели нас намочить. У небольшой таблички с надписью на итальянском она остановилась и попросила меня помочь перевести. Там рассказывалось о Савонароле, монахе эпохи Возрождения, который проповедовал покаяние, как какой-нибудь средневековый Билли Грэм^[56]. В конце концов, его повесили и сожгли прямо на этой площади. Я сказал, что это, наверное, заслуженный финал для человека, который пытался управлять чужими жизнями, жег книги и

все, что ему казалось проявлением богохульства и тщеславия – например, много великих картин, в том числе, творения Боттичелли и Микеланджело.

– Он еще легко отделался! – бросила Александра.

– Что может быть хуже, чем сожжение заживо?

– Некоторых не мешало бы... – она умолкла и, задрожав, обхватила себя руками за плечи.

Я обнял ее, но она стряхнула мою руку с плеча, словно от этого ей стало еще хуже. Я отступил, подняв руки.

– Извини. – Я был удивлен и немного обижен.

– Нет, это я прошу прощения, – сказала Александра. – Это просто от холода, я намочила у фонтана... и не хотела, чтобы и ты промок.

– А я и так промок, – ответил я. – Ладно, все нормально.

Но что это на нее нашло? И что я такого плохого сделал?

На краю площади мне отчего-то вновь стало тревожно. «На un amico a Firenze?»^[57] Я оглянулся – на этот раз за спиной никто не маячил. Зато у Александры настроение явно улучшилось; она взяла меня за руку и сказала, что хочет посмотреть, как выглядит площадь перед кафедральным собором вечером. Я только обрадовался возможности перейти с этой площади на другую.

Идти было недалеко, и оно того стоило: подсвеченные здания на фоне чернильно-синего неба, собор с изумительным куполом, колокольня Джотто, баптистерий^[58] средневекового стиля. И почему я не бросился сюда в ту же минуту, когда приехал во Флоренцию? Хотя, с другой стороны, теперь можно было насладиться этим зрелищем вместе с Александрой, которая была взволнована почти так же, как я. Как ни странно, людей на площади было очень мало. Я мысленно заполнил ее горожанами пятнадцатого века: мужчины в плащах и чулках, женщины с тщательно заплетенными волосами, в длинных платьях, с туго затянутыми корсетами. Они прогуливались здесь или шли в собор, явно построенный так, чтобы поразить зрителя. И он действительно поражал.

– Каждый раз впечатляет, правда? – сказала Александра.

Я согласился, как будто бывал здесь раньше. Фасад церкви возвышался над нами: розовый и зеленый мрамор, скульптурные украшения в нишах, утопленные в стены розовые окна – каждый дюйм его был украшен, как огромный свадебный торт. За ним

вырисовывался огромный купол из красного кирпича работы Брунеллески. В целом вид был очень красивый и впечатляющий, но в то же время зловещий: здания словно нависали над нами, тени от ниш и выступов казались маленькими очагами тьмы.

Александра указала на группу стоявших неподалеку солдат в камуфляже, тяжелых ботинках и темно-бордовых беретах, с автоматическими винтовками в руках и пистолетами в кобурах на поясе. По-моему, они выглядели несколько устрашающе, но она сочла их «великолепными» и удивилась вслух, почему это каждый мужчина-итальянец выглядит как кинозвезда.

Мне не хотелось конкурировать с красивыми солдатами, и я повел ее к баптистерию – невысокому восьмиугольному зданию из бело-зеленого мрамора. Насколько я помню, это самое старое здание во Флоренции. Мне хотелось увидеть знаменитые двери Гибerti: Райские Врата, десять бронзовых и золотых барельефов с сюжетами из Ветхого Завета: Адам и Ева, Каин и Авель, Авраам и Исаак.

Железный забор удерживал зрителей на расстоянии пары футов, но барельефы были освещены, и мы могли их хорошо рассмотреть, практически на расстоянии вытянутой руки. Скульптор Гибerti выиграл конкурс на украшение первого набора дверей в возрасте двадцати четырех лет, а этот набор был вторым в его жизни, и работа над ним заняла двадцать пять лет. Микеланджело как-то сказал, что эти двери прекрасны, как райские врата – отсюда пошло их название. Стоя вплотную к железным прутьям, я старался как следует рассмотреть изумительную работу этого художника. Некоторые фигуры почти полностью отделялись от поверхности барельефа, создавая иллюзию пространства, реальности и перспективы, которая характерна для раннего Ренессанса.

Повернувшись, чтобы поделиться этим соображением с Александрой, я с удивлением обнаружил, что ее рядом нет. А мне все время чудилось чье-то присутствие поблизости. Она стояла поодаль и читала табличку о наводнении 1966 года, когда панели барельефа отвалились и их едва не смыло в реку. Я объяснил ей, что подлинные произведения Гибerti хранятся в музее собора, а перед нами их точные копии. Но тут ко мне вернулось ощущение, что за мной кто-то следит. Я огляделся: на самой площади людей почти не было, однако прожекторы подсвечивали только здания, а улицы тонули во мраке.

– Как здесь безлюдно, – заметил я.

– Ну, так сейчас зима.

Я сказал, что проголодался, и Александра выбрала ресторанчик при небольшой элегантной гостинице: темное дерево, обтянутые бархатом банкетки, приглушенное освещение. Мы устроились в кабинке. Александра заказала вина, я – газировки.

– Как все-таки хорошо, что я тебе попался, – сказал я.

– На чем попался?

Я понимал, что она шутит, но невольно вспомнил об украденной в библиотеке страничке.

Затем она, чуть склонив набок голову, вновь посмотрела на меня своим странным оценивающим взглядом и спросила:

– Ты что, решил отрастить бороду?

– Забываю побриться. Я побреюсь, если тебе не нравится. – Я потер рукой подбородок и щеки. – Я скучал по тебе сегодня в библиотеке.

– Да, жаль, что я не могла утром туда зайти, – ответила она.

Так я и не понял, чего ей жаль: что мы с ней не встретились пораньше или что она из-за меня не пошла в библиотеку.

– Как продвигаются твои исследования? – спросила Александра.

Вспомнив, о чем я сегодня узнал и о чем остался в неведении, я подумал и ограничился словом: «Нормально».

– Твоя работа настолько секретная, что ты не имеешь права о ней рассказывать?

Я заверил ее, что дело не в этом, и признался, что проблемы у меня есть: надо как-то подкрепить свое право на преподавательскую должность, нужно срочно что-то придумать.

– Публикация или смерть? – сказала она.

– Да, что-то в этом роде. Или устроить шоу, – когда я озвучил причину своей тревоги, она оформилась и стала осязаемой. Я перевел разговор на часовню Бранкаччи и фрески Мазаччо. Александра сказала, что пока что, к своему сожалению, не видела их.

– Можем вместе сходить, – предложил я, и она неопределенно улыбнулась.

Допив вино, она заказала себе граппы.

Я остался верен газировке.

Вскоре Александра как-то расслабилась, стала расспрашивать о моей жизни. Это меня не напрягало, даже приятно было, что она хочет больше обо мне знать. Я рассказал, как я ужасно вел себя в школе, как нашел себя в художественном училище, как работал в кафетерии, чтобы оплатить образование.

– Уверен, тебе ничем подобным не приходилось заниматься.

– Что? Ты думаешь, я избалованное дитя и жила в идеальных условиях? Ты даже не представляешь себе... – не успел я попросить прощения, как она надулась, потом так же быстро остыла и попросила подробнее рассказать о художественном училище.

Излагая ей свои мытарства, я и сам впервые по-настоящему осознал, какой путь мне пришлось проделать, чтобы стать художником: хождение по студиям, поиск галерей, отказы, три временных работы преподавателем, работа помощником в мастерской преуспевающего художника... Плоды всех этих усилий я поставил на карту, приехав сюда.

Мы заказали одну миску спагетти на двоих, но большую часть их съел я.

Допив граппу, Александра собралась уходить, но на сей раз я поймал ее за руку и удержал.

– Поздно уже, – сказала она, а на лице ее, как быстро бегущие облака, отражались какие-то сменявшие друг друга и непонятные мне эмоции. – Завтра мне нужно в библиотеку, и в квартире до сих пор беспорядок, да еще...

Перегнувшись через стол, я заставил ее замолчать поцелуем.

Она отстранилась. Я ждал, что она начнет протестовать или даже даст пощечину.

– Щетина, – прошептала она. – Колется.

– Завтра сбрею, честное слово.

– Не надо, тебе идет. – Она придвинулась для нового поцелуя.

Следующие двадцать минут показались мне самыми долгими в жизни. Нужно было встать из-за стола. Дойти до стойки портье. Снять номер. Но как только дверь номера закрылась за нами, мы сливаемся в очередном поцелуе. Я отбрасываю подушки и покрывало в сторону, срываю с себя рубашку. Аликс уже выскальзывает из кружевного лифчика и трусиков. Мои губы касаются ее груди, и я слышу, как у нее перехватывает дыхание. Мы валимся на кровать, пальцы и губы медленно скользят по коже. Потом я встаю и вожусь с презервативом...

– погоди, – сказала вдруг Аликс. Она повалила меня на кровать, уселась сверху и, наклонившись, прошептала мне в самое ухо: «Расскажи, что там у тебя за секретный проект, а то...»

Потом она засмеялась. А я нет. Очарование улетучилось, и это, конечно, было видно по моему лицу.

– Я пошутила, – произнесла она виновато и горько, как маленькая девочка, которую отругали взрослые.

– Все нормально, – ответил я, пытаюсь опять настроиться, и это не заняло много времени. Я притянул ее к себе для поцелуя.

– Прости, – пробормотала она. – Я просто...

– Тс-с, ничего страшного, – прошептал я и покончил с разговорами, засунув язык ей в рот.

Позже, когда Аликс лежала рядом, прижавшись щекой к моей груди, я в первый раз окинул взглядом комнату. Номер нес то же очарование Старого Света, что и ресторан при гостинице: обои с ворсистым рисунком, хрустальная люстра, полированный деревянный пол... по которому была разбросана наша одежда.

– О господи, – вздохнула Аликс. – Скажи мне, что ничего не было.

– Ничего не было, – сказал я и рассмеялся.

– Ты только не подумай, что я все время так себя веду. Черт бы побрал эту граппу! – Она закрылась простыней до шеи. – Я же тебя почти совсем не знаю.

Действительно ли она так к этому относилась? Я ведь рассказал ей о себе такие вещи, которые мало кому рассказывал. Может быть, все дело было в том, что я о ней почти ничего не знал... хотя в этот

момент мне казалось, что я знаю вполне достаточно. Остальное когда-нибудь выяснится.

Обняв, я стал целовать ее в губы, в лоб... Тут она провела пальцем по словам «Кил Ван Калл» у меня на руке. Я попытался закрыть татуировку рукой, но Александра сдвинула в сторону мою ладонь и потребовала объяснить, что это такое. Пришлось сказать, что это одна из глупостей, которые делают в пятнадцать лет: «молодой был, нас было шестеро друзей, ну и как-то раз сходили и все набили себе эту татуху».

– Так это у вас банда была или что?

Я попытался уйти от ответа, сказав, это давняя история, и хотел сменить тему, но Аликс принялась рассматривать замкнутую цепь, вытатуированную вокруг моего второго бицепса.

– Изучаешь анатомию?

– Только твою, – ответила она, к моему удовольствию. – Значит, ты был плохим мальчиком?

– Мы уверяли себя, что мы хорошие мальчики, прямо как Робин Гуд, – вздохнул я.

– Грабили богатых и раздавали бедным?

– Иногда. В остальных случаях мы говорили, что это месть, – последнее слово я прорычал, чтобы добавить толику юмора.

– За что?

– За все, что мы считали несправедливостью.

– Настоящий рыцарь в сияющих доспехах.

– Не все так считали, особенно мои родители и учителя... и полиция.

Александра поинтересовалась, был ли я под арестом, и я признался в одном таком случае, умолчав о тех эпизодах, когда я был близок к этому.

– За что? Не за убийство, надеюсь?

– Нет, что ты!

– Ты сидел в тюрьме?

– Нет! Давай не будем больше говорить на эту тему? Мне очень неловко.

– У всех в жизни бывает такое, о чем потом неловко вспоминать.

– И у тебя?

Она задумалась и ответила не сразу.

– Да как у всех... неудачные отношения, неправильный выбор, в этом роде.

– Ну, они хотя бы не оставили следов у тебя на теле.

– А мне нравятся твои татуировки, они классные.

– Смеешься?

– Нет. Я всегда была такой... хорошей девочкой. Мне страшно интересно. Ваша банда грабила бензоколонки и всякое такое?

– Перестань, пожалуйста. Я тебя очень прошу! – я закрыл ей лицо простыней.

Она высвободилась и снова стала рассматривать татуировку с Килл Ван Каллом.

– А что это тут сверху?

– Мост.

– Вижу, что мост. А какой?

Мне больше не хотелось рассказывать о своем прошлом, но она не отставала.

– Бэйоннский мост. Довольна?

– Не знаю. Я должна быть довольна?

– Ты даже не знаешь, где это.

– В Бэйонне, я полагаю.

– Угадала.

– Ты оттуда?

– Угу. Как тебе перспектива бедствовать с парнем из Бэйонна?

– Это ты к чему? – Аликс приподнялась на локте и посмотрела на меня, прищурившись. – Хочешь поссориться?

– Нет. Прости. Мне просто не хочется об этом говорить, вот и все.

– А мне хочется побольше о тебе узнать. Разве это плохо?

– Нет, – я поцеловал ее. – Когда-нибудь я расскажу тебе всю историю моей бесполезно потраченной юности. Практически Диккенс. – Было в ней что-то, побуждавшее меня к откровенности, перед ней хотелось снять защиту с самых уязвимых мест.

– А это у тебя откуда? – Она провела пальцем по шраму, рассекавшему мою бровь пополам.

– Подрался, – ответил я неохотно. – Или, скорее, побили. Вы закончили осмотр, доктор?

– Пока да.

Я поднялся с кровати.

– Ты ведь не уходишь, надеюсь? – спросила Аликс.

– Нет, я на минутку, в ванную, – я наклонился для короткого поцелуя, но застыл, любясь на ее серо-голубые глаза, на щеки, покрытые легким, едва заметным пушком, потом взял ее за лицо руками. – Я никуда не уйду. В конце концов, я заплатил за номер, а гостиница не дешевая! Ой, извини, что-то я не то сказал.

– Да, пожалуй.

– В общем, я останусь здесь, – заключил я. – Хотя почему мы не пошли к тебе?

– Ты же сам снял этот номер. Не предлагал пойти ко мне, хотя я бы отказалась. Там такой беспорядок. Раскрытые чемоданы, повсюду одежда раскидана. Мы бы кровать не смогли найти.

– Думаю, я бы нашел.

– Кстати, я могла бы задать тебе такой же вопрос.

– То есть почему мы не пошли ко мне? – Вспомнив свой крохотный номер, потертое ситцевое покрывало на постели, душ без занавески и прочие удобства моего беззвездочного отеля, я понял, что ни за что не повел бы туда такую женщину, как Аликс. – У меня еще хуже беспорядок. Как в комнате у мальчика-подростка.

– Боже, только не это, – поморщилась она.

Медленно проведя рукой по ее щеке, я направился в ванную, сказав напоследок:

– Не шевелись. Я сейчас вернусь.

– Подожди, – воскликнула она вдруг. – Стой. Что это у тебя на спине? Дай посмотреть!

Вот досада, я совсем забыл – впрочем, и старался забыть – об этой своей шалости, которая теперь, по прошествии многих лет, казалась пророческой. Я попытался повернуться, но Александра остановила меня, а ее пальцы уже скользили по татуировке в виде Моны Лизы, занимавшей большую часть моей спины.

– Когда ты это сделал? И зачем?

– В восемнадцать лет, я тогда пил не просыхая. – Последнее было правдой, а первое – нет. Татуировку эту я набил в двадцать пять, и все мои мысли тогда занимали Винченцо Перуджа и эта картина. Но я не был готов рассказывать об этой своей одержимости.

– Хорошая татуировка, – одобрила Александра.

– Правда? Я редко ее вижу. Видимо, повезло с татуировщиком. Налюбовалась? Мне бы отлить... – Я сходил в туалет и, вернувшись в постель, предложил остаться в ней на несколько дней.

Александра напомнила, что это недешево обойдется. Я сказал, что оно того стоит, но потом вспомнил, что у меня назначена встреча с сотрудником Лувра.

– А, стоп... Мне же надо повидать... знакомого в Париже, но это еще послезавтра.

– Ты уезжаешь?

– Я никуда не исчезну, – «в отличие от тебя», хотелось мне добавить, – вернусь через пару дней.

Она спросила, что у меня за знакомый в Париже, и я на ходу сочинил ответ.

– Знакомый художник, француз, я с ним познакомился, когда учился в художке.

Потом я обнял ее, и мне захотелось остаться в таком положении навсегда. Если бы не назначенная встреча в Лувре, я бы так и сделал, наверное.

Александра слушала, как дыхание Люка постепенно становилось глубоким и ровным. Простыня укрывала его до пояса, и, следя за его мерно вздымавшейся грудью, Александра невольно залюбовалась. Она перевела взгляд на его лицо: острые скулы, оттененные щетиной, чуть утолщенный нос и полные губы. Она не могла оторвать глаз. Когда ее в последний раз так влекло к мужчине? Как можно осторожней Александра положила руку ему на грудь; ей захотелось почувствовать тепло его тела и биение сердца. Люк пошевелился, в уголках его губ заиграла улыбка. Потом он перевернулся на бок, и она убрала руку. Она вообще не собиралась дотрагиваться до него, но не удержалась. Она чувствовала растерянность и смущение. Все произошло не так, как должно было.

Что она делает, зачем оказалась в постели с этим едва знакомым мужчиной? Себя не обманешь: можно не притворяться, что такое с ней в первый раз, но Александра не лгала, когда сказала, что обычно так себя не ведет. Она не спала с кем попало. Хотя это была лишь половина правды.

Александра подождала несколько минут, пока дыхание Люка снова не выровнялось, и выскользнула из постели. Ей вдруг отчаянно захотелось убежать – из этого номера и вообще из Флоренции. Но бежать было поздно.

Ступая босиком по ковру, она подобрала с пола свою одежду и сложила ее на стул. Затем собрала одежду Люка, попутно обшарив его джинсы и рубашку. В карманах его кожаной куртки она нашла темные очки и старомодную банку табака. Это ее удивило – она никогда не видела, чтобы Люк курил. В бумажнике у него лежали водительские права, кредитная карточка, карточка метро, двадцать семь американских долларов и тридцать два евро. Александра закрыла бумажник и сунула его обратно в куртку. Все это время она смотрела, не проснулся ли Люк.

Потом она обратила внимание на его черные ботинки: один стоял у входной двери, второй валялся вверх тормашками в сторонке. Александра подобрала их и аккуратно поставила у кровати, и в этот момент заметила стоящий под койкой рюкзачок Люка. Она быстро

достала его, еще раз убедилась, что Люк не проснулся, сунула рюкзак под мышку и на цыпочках прошла в ванную, прикрыв за собой дверь. В рюкзаке оказались ноутбук и блокнот. Между ними лежал помятый и слегка пожелтевший листок бумаги. Александра вытащила его и развернула.

Проникавшего в окошко бледного света едва хватало, чтобы разобрать рукописный текст, ее итальянский хромал, но и его оказалось достаточно. Все это время ее сердце колотилось так, словно готово было выскочить из груди.

Когда я проснулся, Александра уже успела встать и завернуться в простыню.

– Вставай, – сказала она. – Расчетный час в полдень, зачем тебе платить за лишние сутки.

Она пошла в душ, и мне захотелось к ней присоединиться.

Там она пожаловалась на «похмелье от проклятой граппы» и подставила лоб под струи горячей воды, а я помассировал ей шею. Потом она вымыла шампунем голову, и я помог ей смыть пену. Я готов был провести с ней в душе весь день, но Аликс скоро вышла, вытерлась полотенцем и велела мне не смотреть на нее, потому что вид у нее наверняка ужасный. Это было не так: без косметики и с мокрыми волосами она выглядела восемнадцатилетней красавицей.

Когда я потянулся, чтобы поцеловать ее, она вручила мне полотенце и велела прикрыться. Потом я смотрел, как она торопливо причесывается, намазывает губы блеском и натягивает смятую одежду. Несколько раз я пытался остановить ее, придержать и затащить обратно в постель, но Аликс каждый раз меня отпихивала.

– Разве тебе не нужно в библиотеку, выполнять свою секретную миссию? – напомнила она, и на ее лице, наконец, сверкнула озорная улыбка.

– Ой, и правда, у меня же секретная миссия... – Я попытался притянуть ее к себе и поцеловать, но она снова отбилась. Тогда я спросил, не жалеет ли она о случившемся.

Прошло несколько секунд неловкого молчания. Александра собирала влажные волосы в хвостик на затылке.

– Нет, – наконец, сказала она. – Просто это случилось слишком... неожиданно. Мне нужно... привыкнуть к этому.

– Давай будем вместе привыкать, сегодня вечером?

Она отвела взгляд в сторону и, поколебавшись, ответила:

– Хорошо.

Взяв ее за плечи и повернув к себе, я спросил:

– Правда, все нормально?

На долю секунды встретившись со мной глазами, она отвела взгляд и только тогда кивнула.

– Пора идти, а то еще за сутки возьмут.

Я ответил, что это не имеет значения. Я был готов заплатить вдвое больше, лишь бы Аликс осталась или хотя бы не вела себя так, словно ей до смерти хочется сбежать. Спросив, чем она будет заниматься сегодня, я получил ответ, что у нее куча всяких дел. Как всегда, уклонилась от ответа. Но я не стал допытываться. У меня тоже имелись дела, о которых я ей ничего не говорил.

– А я все ждал, когда же ты позвонишь.

– Вот, позвонила.

– Ну, как тебе Флоренция? Развлекаешься?

– В каком смысле?

– Просто спросил.

– Ты никогда просто так не спрашиваешь.

– Да я только «за», милая, сколько угодно развлекайся, главное – не отвлекайся.

– Во Флоренции трудно не отвлечься. Здесь на каждом углу мировые шедевры.

– Есть немного, – согласился коллекционер, взглянув на стену с ярко освещенными картинами.

– Мне нужно еще денег.

– Хорошо, – снова согласился он, разглядывая поверхность краски на полотне шестнадцатого века, где изображалось Святое Семейство: несколько вытянутый младенец Иисус, Мадонна, а за ней Иосиф. Краска на лице Иосифа сильно потрескалась, что, конечно, снижало заявленную стоимость картины – 15 миллионов долларов. Но картина была просто украдена десять лет назад со стены больницы Санто Спирито в Риме.^[59] Как раз во время концерта Мадонны, такая вот ирония. Коллекционер отвернулся от поврежденного Святого Семейства, чтобы посмотреть на свою новую добычу, и произнес в телефон:

– Счет тот же?

– Да.

– Столько же?

– Да.

Он подвинулся ближе к картине и провел пальцем по слегка улыбающимся губам, удивляясь, до чего они похожи на настоящие.

– Мне пора, – произнесла Александра. – У меня встреча с подругой.

– Я и не знал, что у тебя есть подруги во Флоренции.

– Есть одна... Мы в школе вместе учились.

– Правда? Как мило. Но погоди-ка. Ты так и не сказала, что тебе удалось выяснить.

Александра пересела с кровати на стул, посмотрела на балкон своей съемной квартиры, потом на часы. Прошло почти два часа с того момента, когда она рассталась с Люком. Интересно, что он делает. Гораздо интереснее, что она сама, черт побери, делает.

– Алло, ты слышишь?

– Да. – Она боролась с собой, оттягивая тот момент, когда нужно будет рассказать ему это, но понимала, что рассказать придется, и наконец, выложила все, подробно описав страничку, которую нашла в рюкзаке Люка, и пересказав ее содержание.

– Хорошая работа! – похвалил коллекционер. – Ты действительно заработала эти деньги.

Александра закончила разговор, не попрощавшись. Несмотря на принятый в гостинице душ, она чувствовала себя грязной и решила помыться еще раз. Но сколько она не лила на себя горячей воды, сколько не мылилась, ее не покидало ощущение, что она запачкалась, и это не имело отношения к сексу с Люком. Она вспомнила, как он спал: мерно дышащая обнаженная грудь, красивое лицо, татуировки...

Он сам, как татуировка, проник ей под кожу, неожиданно пробудил какое-то чувство, которого она не хотела испытывать, потому что лучше от этого не становилось. Только хуже.

Сколько я не перечитывал украденную страничку, там не нашлось объяснения, как распознать подделку. Говорилось лишь, что для этого потребуется увеличительное стекло. Сделав себе пометку, что нужно будет его приобрести, я опять пошел в библиотеку читать дневник.

Во дворе мне встретился один из тех научных работников, которых я почти каждый день видел в читальном зале. Тот, что с пучком волос на затылке. Когда я уже направлялся к входной двери, он вдруг обратился ко мне:

– Вы ведь художник и искусствовед из Америки, правда?

У меня не было настроения вступать в разговор, но я не мог не полюбопытствовать в ответ, откуда он это узнал.

– Кьяра сказала. Она считает своей обязанностью знать все обо всех в библиотеке.

Мне оставалось лишь надеяться, что обо мне Кьяра еще не все разузнала.

– Марко Пизано. – Ученый протянул мне руку. – Преподаю историю искусства во Флорентийском университете искусств, специализируюсь на современном итальянском искусстве, а еще точнее – на трансавангарде.

– Кучи, Чиа и Клементе.

– Так вы знакомы с их работами!

– Очень даже знаком. Я читал лекции по трансавангарду в Америке. Я большой поклонник Франческо Клементе.

– Жаль, что вас не было здесь в прошлом месяце. Посмотрели бы его выставку в арт-центре «Le Murate Progetti Arte Contemporanea».

– Ле Мурата? – Это слово привлекло мое внимание. – Разве это не название старой тюрьмы?

– Это и есть та самая тюрьма, – Марко объяснил, что нижняя часть здания была реконструирована организацией художников, но большая часть здания сохранилась в прежнем виде.

Мне до сих пор не приходило в голову, что тюрьма еще может существовать.

Менее чем через час мы с Марко уже сидели за столиком модного ресторана «Caffe Letterario», буквально высеченного из куска тюрьмы.

Когда я сказал ему, что мои научные поиски имеют отношение к этой тюрьме, он позвонил своей знакомой, которая оказалась директором той самой организации художников, и она пригласила меня на экскурсию по зданию. За соседним столиком молодые люди ели пиццу и пили пиво, громко разговаривали и смеялись, а я думал о том, что в этих каменных стенах находился в заключении мой прадед.

Художественный руководитель «Le Murate Progetti Arte Contemporanea» Валентина Генсини, темноволосая женщина с оливковой кожей, была столь же привлекательна, сколь и интересна. Она спросила, над чем я работаю, и я сказал ей правду, хотя и не всю: что мой прадед сидел в этой тюрьме, а я хочу написать книгу о его жизни. Ее реакция была для меня немного неожиданной: «Книга – это прекрасно! Когда напишете, приезжайте к нам опять, мы организуем для вас чтения».

Высокие каменные стены внутреннего двора казались вычищенными и отмытыми. Пока я их разглядывал, Валентина рассказала, что здание было построено в 1424 году для монашек-бенедиктинок, которые решили стать затворницами, и поэтому монастырь получил название Мурате, что значит «замурованный». Лишь в середине девятнадцатого века здание стало мужской тюрьмой и оставалось им до 1985 года. «В это время оно уже разрушалось и было переполнено, – рассказывала Валентина, – к тому же во время наводнения в шестьдесят шестом несколько заключенных утонули, и здесь был бунт!» Она гордилась тем, что ее организация боролась за то, чтобы эта тюрьма стала музеем, «свидетельством бесчеловечности», и проводила выставки, посвященные темной истории этого здания.

Затем она передала нас молодому экскурсоводу по имени Стефано.

Сначала Стефано стал показывать нам владения организации художников, но мне не терпелось увидеть саму тюрьму, и когда я признался в этом, он проводил нас в фойе, отпер там тяжелую цепь и повел вверх по узкой лестнице.

На ходу я вспоминал исповедь моего прадеда, как его после ареста и суда привезли в эту тюрьму, раздели, обыскали и отправили в холодный душ вместе с другими заключенными. Продрогшего и униженного, его привели в камеру, дверь за ним захлопнулась, с лязгом

и скрежетом закрылись замки и засовы – все это было описано с душераздирающими подробностями. Медленно поднимаясь по ступенькам, я теперь видел эту тюрьму своими глазами – ведь она была уже вокруг меня, теснила и давила своими стенами, погружала во мрак, оставив лишь скудную толику света из окна наверху. Быстро шагавшие Марко и Стефано уже почти скрылись где-то впереди, и мне казалось, что современность и сто десять прошедших лет улетучились вместе с ними.

Лестничная площадка на первом этаже представляла собой учебный экспонат по эрозии: серая краска давно начала отваливаться со стен, обнажая каменную кладку, пол из диагонального камня красноватого цвета был истерт и выцвел. Погрузившись в прошлое, я представлял, как по этому коридору ведут моего прадеда, и вздрогнул, когда Стефано окликнул меня.

Мы поднялись еще на один лестничный пролет.

Здесь от самой лестничной площадки вел коридор с закругленным потолком, примерно семь метров в длину и два с половиной в ширину, с рядом тяжелых деревянных дверей. У одной из дверей я остановился: вырезанный по камню узор с отбитыми кусками, толстые железные петли, ржавая железная скоба размером десять на двенадцать дюймов держала засов, который, вставляясь в другую железную скобу, надежно запирает дверь. В середине двери находилось маленькое квадратное окошко, оно было закрыто и заперто. Такое же окошко в соседней двери было открыто, я заглянул в него, но там было слишком темно. Стефано показал мне на открытую дверь еще одной камеры дальше по коридору.

Но это была не камера. Это была клетка.

На миг я застыл на пороге, потом шагнул внутрь. И снова замер.

Нет умывальника. Нет туалета.

Мне вспомнился рассказ Винченцо о еженедельном коллективном мытье под холодным душем и описанные им «говночисты», как их звали, – люди, на которых возложили отвратительную обязанность опорожнять параши.

Это место больше напоминало подzemелье, чем тюрьму, что-то в духе «Графа Монте-Кристо» – из-за своей жуткой реальности оно казалось ненастоящим, выдуманным. Я на всякий случай прикоснулся к стене – она была сырой и настолько холодной, что я содрогнулся.

Стефано заметил, что тюрьма никогда не отапливалась, но сейчас в ней стало теплее, потому что из обжитого художниками первого этажа сюда поднимается теплый воздух.

Стефано и Марко вышли в коридор, и я остался один в камере. В памяти всплыли слова Винченцо: я считаю шаги, приставляя ступню к ступне, шесть шагов в ширину, девять в длину. Приставляя ступни пяткой к носку, я измерил камеру: все было в точности как он сказал, шесть на девять. Я словно очутился на его месте: он вот так же ходил из стороны в сторону, вперед-назад. Наверное, он сохранил рассудок только тем, что все время строил планы мести Вальфьерно и Шодрону. Я как бы переселился в него.

Я сел на каменный пол и, закрыв глаза, представил себе недели и месяцы, которые мой прадед провел в такой же клетке, описывая свою жизнь. Открыв глаза, я увидел маленькое зарешеченное окно, выходившее в коридор. Вскочив, словно меня толкнули, я схватился руками за прутья решетки. Мои руки, руки Винченцо. Сколько раз он вцеплялся руками в такие же прутья?

Стефано предложил мне посмотреть на этот коридор – узкий тоннель с заплесневелыми стенами и полом. Мне опять вспомнились слова из дневника Винченцо: есть одно зарешеченное окошко, только это не окно вовсе, оно выходит в узкий коридор, из которого охранники следят за нами.

Я представил себе патрулирующих охранников, вспомнил того из них, который дал Винченцо тетрадь и карандаши – маленькое доброе дело в этой адской дыре.

Там была еще одна открытая камера, точно такая же, как все остальные, только в ней были рисунки.

Когда я осмелился дотронуться до них, в мои пальцы словно ударила искра.

На одной стене был нарисован солдат в старинной форме, на другой нацарапано несколько линий, в которых я с большим трудом распознал женскую фигуру. В следующей камере тоже были рисунки: профиль современной женщины, а рядом – небольшая группа зданий средневекового типа. Рисунки были полузатертые и поблекшие, но вполне различимые. Насколько я понял, эти граффити создавались в разное время, их разделяли десятилетия, если не века. Вероятность, что какие-то из них сделал Винченцо, была ничтожной, и все же я

представил себе, как он сидит на корточках у стены и вырезает рисунок заточенной палочкой. Рисунок как способ сохранить связь с миром, способ продержаться.

Упершись руками в холодный каменный пол за спиной, я сидел и смотрел на эти рисунки, погружившись в размышления о своем прадедушке, о тех месяцах, которые он провел в одной из этих камер, похожих на клетки, о том, как ему удалось выжить и написать свою историю. Мне не просто хотелось знать, что было дальше, я хотел знать все об этом человеке, который вдруг стал для меня невероятно важен и дорог.

Когда мы встретились с Александрой за ужином, я еще не пришел в себя после посещения «Ле Мураты», как будто сам недавно отбыл тюремный срок. Выбранный ей ресторан не был дорогим и шикарным, а она, кажется, была в хорошем настроении. Она спросила, не отменил ли я свою поездку в Париж, я ответил, что нет; у меня была назначена встреча в Лувре, а кроме того, я запланировал еще один визит, неоговоренный.

Аликс сказала «хорошо», хотя и без особого энтузиазма. Я пообещал, что скоро вернусь, и она еще раз сказала «хорошо». Затем она стала расспрашивать, что за знакомый у меня в Париже, и я насочинял с три короба.

Десерт и кофе мы не стали брать. Мне хотелось поскорее уйти, но я не был уверен, что Александра согласится уйти вместе, и не решился это предложить, поэтому испытал облегчение, услышав ее вопрос:

– К тебе или ко мне?

– К тебе, – предложил я. – У меня просто помойка.

Она сказала, что ее это не смущает. А меня смущает, ответил я честно.

Александра жила на третьем этаже, в старом здании недалеко от Сан-Лоренцо. Квартира ее была симпатичной, но без особой роскоши, и меня это порадовало. Она провела для меня экскурсию по своей квартире, похваставшись голубой плиткой на полу кухни и маленьким балконом с кованым ограждением. Мы вышли на балкон и несколько минут любовались видом на ярко освещенный Кафедральный собор на фоне темного неба. Потом я притянул ее к себе. Аликс ответила неожиданно страстным, едва ли не отчаянным поцелуем. Мы долго стояли так, практически не отрываясь друг от друга, а потом она повела меня в спальню.

Секс был таким же страстным. Я, как мог, пытался продлить его, но не удержался, и все кончилось слишком быстро. Потом мы лежали на кровати молча. Александра встала, чтобы взять бокал вина, и когда я смотрел, как она уходит, мне казалось, что она вот-вот сорвется на бег.

На столике у кровати стояла фотография в рамочке: маленькая девочка, очевидно, сама Александра, а рядом ее мать, которую я узнал по портрету в медальоне.

– Это ты с мамой? Хорошая фотография, – заметил я, когда Аликс вернулась.

Она кивнула, чуть улыбнувшись. Видя, что она хочет что-то сказать, но не решается, я спросил, в чем проблема.

– Мама, она... больна. То есть не болеет, а... – она замолчала и встряхнула головой. – Да ладно... Не бери в голову.

– Ладно так ладно, – сказал я, – ты не обязана рассказывать, если не хочется.

– Хочется, – произнесла она, помолчав, потом сделала глоток вина – бокал дрожал в ее руке – и заговорила быстро, словно боялась, что если не выпалит это немедленно, то не скажет никогда.

– Она всегда была ранимой, но доброй и замечательной. Врачи сначала не могли понять, что с ней – депрессия или паническая атака. А потом поставили диагноз – ранняя деменция. Беда в том, что ей уже не станет лучше, только хуже.

– Сочувствую. А что отец?

– Он... исчез с горизонта после развода. По-моему, я тебе говорила. – Аликс перевела дыхание. – Сейчас она в хорошей клинике. Это дорого стоит, но ничего не поделаешь. Ей всего пятьдесят шесть – и это плохо... потому что становится все хуже. Какое-то время я пыталась ухаживать за ней сама, привезла ее в свою квартиру, даже наняла сиделку, но это оказалось мне не по силам. Мама по полночи не спала, плакала или бродила как неприкаянная, и я не спала вместе с ней, старалась успокоить, а потом весь день сама не могла работать.

В ее глазах стояли слезы. Я обнял ее, молча, чтобы дать ей выговориться.

– После ее второй попытки самоубийства – сначала таблетками, потом бритвой, – она судорожно вдохнула, – доктора посоветовали поместить ее куда-нибудь, где за ней будет постоянный присмотр. Просто ничего другого...

Александра снова глубоко вздохнула.

– Извини...

– Тебе не в чем себя винить.

– Стыдно просто. – Она взяла со столика салфетку и приложила к глазам. – Зачем я грузу тебя всем этим?

– А ты не стыдись. Будь уверена, мне можно рассказывать все.

– Вообще-то, я не плакса, – сказала она, шмыгая. – Не понимаю, что это со мной.

– А мне покажи мультик про Бэмби – через три минуты буду рыдать как ребенок.

– Так я и поверила! – Она все-таки улыбнулась, потом провела пальцем по моей татуировке. – Суровый мистер Килл Ван Калл.

– Не такой уж и суровый. – Я обнял ее. Мне действительно хотелось утешить ее, заботиться о ней, оберегать. Я сочувствовал ей, жалел ее мать, но мне было приятно, что Аликс мне доверилась. До сих пор я не знал, какой бывает любовь, и впервые в жизни подумал, что это, должно быть, она – и мне не хотелось лишиться этого чувства, не хотелось потерять Александру. Я готов был сказать: я помогу тебе, когда мы вернемся в Нью-Йорк. Помогу выхаживать мать, помогу во всем. Но я побоялся ее отпугнуть, и поэтому сказал только: «Все будет хорошо».

В ту ночь Александра спала очень беспокойно, и я несколько раз просыпался, когда она сильно вздрагивала или начинала что-то бормотать. Очевидно, ее мучили дурные сны. Я гладил ее лоб, приговаривая: «ш-ш» – и она на какое-то время успокаивалась – до следующего кошмара.

Утром я встал рано, стараясь не разбудить Аликс, и уже одевшись и собравшись, перед уходом поцеловал ее на прощанье.

– Куда ты уходишь? – спросила она, приподняв голову с подушки.

– В Париж, помнишь? Вернусь через пару дней.

– А-а... хорошо. – Она притянула меня к себе и поцеловала еще раз, сильно и страстно, потом резко оттолкнула и, крикнув: «Иди!» – закрылась одеялом и уткнулась лицом в подушку.

Александра быстро оделась и начала застилать постель. Взяв подушку, она поднесла ее к лицу: наволочка сохранила запах Люка. Она была и рада, что он ушел, и в то же время это было невыносимо. Черт возьми, она на такое не подписывалась. Отложив подушку, она взяла со столика фотографию, которую повсюду возила с собой. Здесь она была с мамой – такой, какой она ее помнила, с той мамой, которая помнила ее.

Почему она так разговорилась вчера вечером? Искала сочувствия, оправдания, надеялась на спасение? Благородный рыцарь Люк Перроне, а она – в роли попавшей в беду девицы? Но если кого-то и нужно выручать из беды, то скорее его, чем ее.

Поставив фотографию обратно на столик, она подумала, что иногда приходится делать что-то неправильное по отношению к людям, которых любишь; приходится делать, как бы тяжело это ни было, просто потому что не видишь другого выхода.

Утреннее небо над Парижем было аспидно-серым, хотя сам город – так прекрасен, как мне и представлялось. Добравшись на такси из аэропорта, я решил как следует посмотреть город, сдал сумку на хранение и теперь прогуливался по предместью Сен-Жермен, историческому району побеленных зданий с коваными железными балконами, модных бутиков и элитных картинных галерей.

Найдя симпатичный ресторанчик, я устроился у барной стойки из красного дерева, поел омлета с жареной картошкой и выпил желанного кофе. После ночи, проведенной с метавшейся во сне Аликс, я чувствовал усталость и тревогу. Был ли причиной кошмаров недуг ее матери – или что-то другое, невысказанное, причиняло ей такую боль? Должен сказать, мне понравилась пылкость ее прощального поцелуя, но не понравилось, как она меня потом оттолкнула. Она что, все еще играет в кошки-мышки? Если так, то эта игра, судя по всему, доставляет ей не больше удовольствия, чем мне.

До встречи в Лувре оставалось еще два часа, и я решил побродить по улицам и полюбоваться городом. Кофе помог, и я бодро прошелся по территории Дома инвалидов, комплексе зданий французских военных. Золотой купол на главном корпусе умудрялся сверкать даже в пасмурную погоду. Пройдя по нескольким обсаженным деревьями улицам, я остановился в восхищении у большого многоярусного театра, который оказался знаменитой «Комеди Франсез». Я готов был бродить по улицам Парижа весь день, но приближалось время назначенной встречи. К Лувру я подходил с волнением и трепетом: наконец-то я воочию увижу «Мону Лизу». Смогу ли я распознать тайный знак Шодрона, даже если он попадетсЯ мне на глаза?

Куратор отдела живописи эпохи Возрождения Алан Жанжамбр, казалось, сошел с картины Эль Греко: темные волосы, угловатые черты лица, короткая острая бородка. Он поверил, что я пишу научную работу о картине Леонардо, и согласился помочь, но явно торопился и вел себя так, словно я отвлек его от какого-то важного дела. Сейчас он провожал меня к картине, и стук его полуботинок по мраморному полу отдавался эхом в стенах музея. Кондиционированный воздух был прохладным и разреженным, но сильно пах лимонной мастикой для

пола, а еще отдавал чем-то затхлым. Я начал понимать, почему Винченцо называл это место кладбищем.

Переходя из коридора в коридор, мимо знаменитых произведений искусства, и не задерживаясь возле них, я невольно думал, что вот так же целеустремленно шел по этим коридорам мой прадед, чтобы совершить свое дерзкое преступление.

Через каждые десять-двадцать шагов мой провожатый оглядывался и говорил: «За мной» – коротко и резко, как будто отдавал команду собаке. Мне даже захотелось тявкнуть в ответ.

Наконец, мы добрались до галереи «Зала государств», где находилась она, «дама Леонардо», как часто называл ее Винченцо.

Первое впечатление было: «какая же Она маленькая». Но уже через несколько секунд ее безмолвная сила поглотила меня. Что стало тому причиной – ее всемирная слава или то, что я много лет грезил этой картиной?

Шагнув ближе, я вздрогнул: навстречу мне из картины двинулась призрачная тень давно не бритого мужчины. Я не сразу сообразил, что это мое собственное отражение в стекле, которым закрыта «Мона Лиза». Переведя дух, я отступил назад.

– Стыдно закрывать такую картину стеклом, – произнес я, повторив за невидимым суфлером слова, которые Симона когда-то сказала своему мужу.

– Но приходится! – возразил куратор. – Как-то один ненормальный плеснул на нее кислотой! Другой швырнул камень! Представьте, какое злодейство!

Я кивнул и снова приблизился к картине. Женщина передо мной не выглядела нарисованной – красивая и задумчивая, она практически дышала. Если это была одна из шдроновских подделок, то, бесспорно, блестящая.

Я спросил, нельзя ли включить освещение, но Жанжамбр посоветовал подождать, пока глаза привыкнут к неяркому сегодня дневному свету. Он оказался прав, хоть и вел себя несколько высокомерно. Спустя минуту я стал лучше различать нюансы изображенного тела и мягкие складки драпировки.

Затем мы с Жанжамбром устроили что-то вроде перепалки, точнее, состязания, кто больше знает о картине: имя натурщицы, и каким образом окислились и потемнели краски, и тот факт, что картина

была, скорее всего, обрезана, и тот, что у Моны Лизы когда-то были брови, со временем выцветшие, а также то, что Леонардо работал над картиной много лет и хранил ее у себя до самой смерти...

– Ее улыбка – своеобразная отсылка к названию «Джоконда», что в переводе с итальянского означает «счастливая», – сообщил Жанжамбр, и на его плотно сжатых губах промелькнула улыбка. – И вы знаете, она не была особо знаменита до середины девятнадцатого века, когда художники-символисты начали превозносить ее достоинства.

– Давайте не будем забывать, что случившаяся в 1911 году кража тоже прибавила ей очков, – не утерпев, вставил я.

– Возможно, но какой ценой – ведь ее украли, и она исчезла на два года! – фыркнул куратор.

– Не сомневаюсь, что пропажа картины была очень болезненной.

– Никто лучше меня не знает о способности этой картины привлекать толпы людей. У Лувра самая высокая посещаемость среди музеев мира. В прошлом году у нас было больше десяти миллионов посетителей, и каждый из них побывал на этом самом месте, чтобы посмотреть на чудесную картину Леонардо!

Этот факт произвел на меня впечатление, и я честно в этом признался.

Жанжамбр сообщил, что галерею недавно вычистили и покрасили к пятисотлетней годовщине со дня кончины Леонардо. Воспользовавшись поводом, я спросил, когда саму картину чистили в последний раз.

– Ее довольно часто проверяют на наличие признаков износа, – ответил он, – но при чистке старой картины всегда есть риск удалить нужное вместе с ненужным, так что эта процедура сведена к минимуму.

– После нападения с кислотой проводилась реставрация?

Он вздрогнул.

– Да, но невооруженным глазом никаких следов невозможно увидеть.

– А в каком месте конкретно?

– Точно не знаю. Это случилось до того, как я начал здесь работать.

Я не поверил Жанжамбру. Конечно, куратор живописи эпохи Возрождения прекрасно знал, что и где было отреставрировано на самой известной картине музея. Тогда я спросил, проводилась ли реставрация «Моны Лизы» после кражи в 1911 году.

– Несколько царапин закрасили акварелью, – ответил он, раздраженно вздохнув. – Но это также было очень давно, так что я не могу сказать, где именно.

Этого Жанжамбр действительно мог не знать, но кое-что важное он мне уже сообщил: «Мону Лизу» реставрировали акварелью, которую легко удалить, не повредив масляной краски. Кроме того, в процессе реставрации мог быть закрашен и знак, который Шодрон оставлял на своих подделках.

– Значит, вы об этом пишете, о состоянии картины? – спросил Жанжамбр. – Каждый год кто-нибудь заявляется в Лувр, чтобы покритиковать сохранность, и даже подлинность нашей «Моны Лизы». Какой вздор.

Я попытался убедить его, что интересуюсь исключительно в учебных целях, но он выслушал меня с явно скептическим видом. Куратор собирался еще что-то сказать, когда в галерее появилась молодая сотрудница.

– Il y a appel pour vous, Monsieur Gingembre. ^[60]

Он ответил ей, что через минуту придет, и повернулся ко мне:

– Я должен ответить на телефонный звонок. Надеюсь, вы посмотрели все, что вас интересовало?

– Нет, – ответил я. – Мне бы очень хотелось взглянуть на остальные картины в этом зале.

Жанжамбр со вздохом обернулся к сотруднице.

– Мари, посмотри, проснулся ли Густав, и приведи его сюда, и Бертрана тоже позови.

Через несколько минут в зале появились два охранника, один молодой и крепкий, второй старый и седой.

– Mefiez-vous du lui! ^[61] – сказал им Жанжамбр.

– Конечно, они присмотрят за мной, не беспокойтесь, – не удержался я.

Куратору явно не понравилось, что я все понял.

– Я могу выделить охрану только на полчаса, – бросил он, задержавшись у выхода. Судя по его виду, ему крайне не хотелось

оставлять меня у главного сокровища музея даже на таких условиях. Постояв немного, он все же повернулся и ушел.

Охранники встали по обе стороны от картины, и я вновь приблизился к ней. Мое отражение, всплывшее в стекле, на сей раз удивило меня сходством с фотографией прадеда. Подвинувшись в сторону, чтобы избавиться от отсветов, я стал рассматривать туманные горы и озера – продукт изобретенного Леонардо знаменитого «сфумато», что значит «испарение». Художник добивался этого эффекта, нанося тончайшими слоями краску и льняное масло, чтобы края изображения размылись, и картина подернулась неземной дымкой.

Что еще могло расплыться? Могли ли отметки Шюдрона «испариться» с годами? Когда я вынул из кармана увеличительное стекло, оба охранника чуть не набросились на меня.

– Месье!

– Но я же не прикасаюсь к ней, – сказал я. – Просто хочу изучить манеру письма.

Охранники встали еще ближе, и я, держа лупу в нескольких дюймах от защитного стекла, медленно повел ею вдоль полотна: трещинки на краске стали казаться большими разломами, пряди волос Лизы дель Джокондо превратились в реки и овраги.

– Que cherchez-vous?^[62] – спросил тот охранник, что постарше.

– Ничего, просто смотрю, – ответил я, не отрываясь от своего занятия. В общем-то, я действительно не знал, что конкретно ищу, тем более что оно могло выцвести или быть закрашенным.

Мне вдруг стало жарко и душно, кровь прилила к лицу, и увеличительное стекло затряслось в руке.

– Вы слышали? – обратился я к охранникам.

– Quoi?^[63]

– Нет, ничего... – Хотя я мог бы поклясться, что только что слышал детский плач, а затем звук молотка и плоскогубцев, разрывающих что-то на части. – Здесь сегодня работают плотники?

– Нет.

Я еще раз взгляделся в картину. Волна жара вновь пробежала по моему телу. Через миг в глазах моих потемнело, и все вокруг закружилось.

– Monsieur, ça va?^[64] – спросил старый охранник, а молодой быстро подскочил и подхватил меня за спину.

Я вытер пот со лба и попытался восстановить равновесие, но закачался и начал падать.

На улице я судорожно глотал воздух, как будто у меня изо рта только что вытащили кляп. Охранник не дал мне упасть, но я еще не до конца пришел в себя. Мне срочно нужно было выпить кофе, чтобы успокоить нервы. Хотя зачем кривить душой, не кофе мне хотелось выпить. Я выудил из кармана пакетик «Джолли ранчерс» – в нем оставалось всего две конфетки. Я сунул в рот обе: больше заменить алкоголь было нечем.

Конфеты помогли унять слабость, но не разочарование.

Неужели я действительно надеялся найти на картине ключ к разгадке тайны?

Я оглянулся на Лувр: тихое кладбище великих произведений искусства и историй, которые они таили.

За годы, прошедшие с того момента, как мой прадед вернул знаменитую картину, десятки специалистов-реставраторов, конечно, изучали ее. Если бы с ней что-то было не так, неужели они бы не увидели и не объявили всем?

Или все-таки не объявили бы?

Над этим стоило подумать. Если бы кто-нибудь сообщил, что в картине что-то не так, стал бы музей разглашать эту информацию? Как только что сообщил куратор, «Мона Лиза» являлась главной достопримечательностью Лувра. Могли ли они позволить себе признать ее подделкой? Будут ли миллионы туристов выстраиваться в очередь, чтобы увидеть копию картины?

Ведь все дело в подлинности, правда? Если картина является подделкой, то люди могут с таким же успехом посмотреть ее изображение на экране компьютера, не выходя из дома.

Так, Американец вышел из Лувра, красная точка на экране телефона зашевелилась. Но уходить не хочется, ведь не так часто удастся спокойно посидеть в уютном парижском кафе. Он откусил кусочек круассана, сделал глоток кофе и откинулся на спинку стула. Зачем спешить? Можно и отсюда понаблюдать, куда движется Американец. А позже догнать и выяснить, что он узнал в музее, и может быть, получить ответы, которые они оба ищут.

Шагая по парижским улицам, я думал о том, как все-таки странно воздействует на меня «Мона Лиза», как она приковала мое внимание и потрясла меня. С этими мыслями я прошел по Марэ и остановился на площади Вогезов. Это одна из старейших площадей Парижа, считающаяся и одной из самых красивых: большой сад, в центре фонтан, а по сторонам – здания из красного кирпича, с инкрустированными каменными полосами. На минутку я представил, как мы с Аликс живем в одном из этих прекрасных домов. Мысль о том, чтобы жить в одной квартире с этой женщиной, от которой у меня голова кружилась, как только что в Лувре, сама по себе казалась невероятной, но отчего бы не помечтать иногда.

Слабость еще немного ощущалась, и я заглянул в киоск пополнить запас конфет. Изучив ассортимент, я выбрал нечто под названием «Арлекин» в ярком цветастом пакете. Каждый леденец был завернут в свой фантик, и я надеялся, что конфеты качественные. Меня ждало разочарование в виде искусственного и переслащенного вкуса тутти-фрутти.

Но к тому моменту, когда я добрался до рю де Перш, 67, я успел съесть три штуки. Дом оказался трехэтажным особняком; на двери висел молоток в виде львиной головы, которым я и воспользовался.

Дверь открыл мужчина в синем атласном халате, лет сорока с лишним, высокий, с эффектной внешностью.

– Qu'est-ce que c'est?^[65] – спросил он холодно и отрывисто.

– Этьен Шодрон? – уточнил я.

Он кивнул.

– Я Люк Перроне. Я вам звонил недавно...

Какое-то время он вспоминал, кто я такой, а когда вспомнил, то не стал любезнее.

– Кажется, я ясно сказал, что мне нечего вам сообщить.

– Да, но я подумал, что раз уж все равно еду в Париж, то... – и я выпалил давно заготовленную фразу. – Я читал дневник Винченцо Перуджи, и там немало сказано о вашем двоюродном дедушке Иве. Мне нужно обсудить с вами кое-что важное.

– И что бы это могло быть?

– Можно войти? Обещаю, что не отниму у вас много времени.

Он неохотно впустил меня в дом. Мы прошли через фойе со старинной, местами потрескавшейся, но еще красивой лепниной на потолке в виде переплетающихся лент. На полу стояли рядком несколько чемоданов.

– Куда-то уезжаете?

– Короткий отпуск, на юг Франции, – ответил Шодрон, ведя меня мимо деревянной винтовой лестницы с красиво изогнутыми перилами в небольшую гостиную с мраморным камином, хрустальной люстрой, встроенными книжными шкафами и двумя удобными кожаными диванами. Он жестом предложил мне сесть, но сам остался стоять, и я тоже встал.

– Что же вы хотите сказать такого важного?

– Я считаю, что Ив Шодрон был в сговоре с моим прадедом Винченцо Перуджей в деле кражи «Моны Лизы».

– И что?

– Вы не удивлены?

– Я уже много раз это слышал.

– В дневнике Перуджи ясно сказано, что ваш двоюродный дед сделал несколько копий картины во время ее двухлетнего отсутствия в Лувре.

Шодрон вздохнул.

– Каждый год я слышу очередную историю о моем печально известном двоюродном дедушке и тех подделках, которые он якобы написал, но никто не предъявляет доказательств, что он действительно это сделал.

– Это именно то, что я ищу – доказательства. Способ опознать поддельные картины, написанные вашим двоюродным дедом.

Этьен Шодрон провел рукой по волосам и снова глубоко вздохнул.

– Даже если эти копии существуют, это невозможно доказать.

– Если верить дневнику, Перудже досталась одна из копий, так что в Лувре сейчас висит поддельная картина.

– Месье Перроне... – Покачав головой, Шодрон вздохнул еще раз. – Будь это правдой, то это была бы замечательная мистификация, но я ничего об этом не знаю.

– Стал бы Перуджа это выдумывать?

– Seriously? Вы задаете этот вопрос о человеке, укравшем самую знаменитую картину в мире. Вам не приходило в голову, что qu'il etait fou?^[66]

– Что он был сумасшедшим? Я думал об этом, но не нашел в его дневнике ничего, что подтверждало бы эту версию, – и я вручил ему вырванную из дневника страницу.

– Так, страничка из дневника Перуджи, – констатировал он. – Вы считаете это доказательством?

Я не ответил, осознав вдруг, как быстро, без всяких пояснений Шодрон понял, что у него в руках.

– Я плохо понимаю по-итальянски, – сказал он, возвращая мне страницу, хотя я заметил, что он успел бегло ее прочесть. – Так что?

– Я надеялся, что вы поможете мне узнать остальное: как именно ваш двоюродный дед пометил свои картины, чтобы отличить их от оригинала.

– Понятия не имею. – Он поджал губы и словно сдерживал себя. – А теперь, прошу прощения, но у меня есть неотложные дела.

Сложив страницу, я сунул ее обратно в нагрудный карман. Я чувствовал, что он знает больше, чем старается показать, и лихорадочно соображал, что мне еще сказать, как склонить его к сотрудничеству.

– Я хочу написать об этом.

– О чем?

– О краже, об участии вашего двоюродного деда в изготовлении подделок.

– Я бы вам не советовал этого делать, – заметил Шодрон с интонацией скорее предостережения, чем угрозы, провожая меня к выходу.

В фойе я на секунду остановился и посмотрел в гостиную через открытый дверной проем в виде арки. Большая часть мебели там была закрыта простынями – уезжая ненадолго, так обычно не делают. На стене я увидел картину.

– Это Вермеер? – спросил я и подошел ближе, чтобы рассмотреть ее, пока Шодрон не остановил меня. На картине была изображена женщина, играющая на пианино, другая женщина держала письмо; черно-белый клетчатый пол напоминал цепочку бриллиантов; все залито знаменитым вермееровским светом.

– Это работа вашего двоюродного дедушки?

– Вынужден попросить вас уйти, – Шодрон коснулся моей спины.

И вдруг я вспомнил эту картину. Она когда-то висела в бостонском музее Изабеллы Стюарт Гарднер.^[67] Эта картина, вместе с двенадцатью другими, была украдена в 1990 году, и это преступление до сих пор не раскрыто. Что это – очередная подделка Ива Шодрона, а может быть, даже оригинал?

– Восхитительно, – сказал я.

– Да, да, – раздраженно произнес Шодрон. – Это написал мой двоюродный дед. Сами видите, как тщательно он работал.

Действительно. Если это подделка, то не приходилось сомневаться, что Ив Шодрон мог написать совершенно точную копию любой картины. Потом я вспомнил, что Ив Шодрон умер задолго до кражи в музее Гарднер. Когда же он успел сделать такую точную копию? Я решил выяснить, где побывала эта картина до того, как попала в Гарднер.

– Как она вам досталась? – спросил я.

Пауза, затем очередной вздох.

– Она была в числе прочих вещей, оставшихся после его смерти. У него не было детей, так что все досталось моей старшей сестре. А теперь я должен попросить вас...

– А ваша сестра?

– Умерла.

– Соболезную. Значит, вещи вашего двоюродного дедушки перешли к вам?

– Да. Вот эта картина, бумаги... – он замолчал, прикусив губу, как ребенок, который случайно проболтался.

– Бумаги?

Шодрон не ответил, продолжая теснить меня к двери. Он уже практически подталкивал меня в спину, когда сверху кто-то сказал: «Бонжур!» На верхней ступеньке лестницы, затягивая пояс шелкового халата, стояла симпатичная молодая женщина.

– Je ne savais pas que nous avons de la compagnie.^[68]

– Он уже уходит, – ответил Шодрон по-английски.

– Вы американец? – спросила женщина.

– Грешен, – ответил я.

– Но вы же не насчет этого? – Она показала взглядом на Вермеера. – Ведь это же подделка, вы понимаете? Прадедушка Этьена...

– Двоюродный дедушка, – поправил Шодрон.

– Cela n'a pas d'importance, – парировала она и тут же легко перевела для меня. – Без разницы.

– Месье Перроне уже уходит, – повторил Шодрон, открывая дверь.

– Приятно было познакомиться с вами, миссис Шодрон.

– Миссис Шодрон? – женщина захихикала. – Pas de tout!^[69]

– Приятного вам отдыха на юге Франции.

– Что? Вы ошибаетесь. Мы едем в Мексику! – она сделала пируэт и исчезла наверху. Через миг оттуда загремела музыка.

– Мне слышалось, вы сказали «на юг Франции».

– Вам слышалось. – Выпроводив меня, Шодрон захлопнул дверь.

В офисе «Пеллетье Эдишнз» за столом сидела молодая брюнетка со скорбным, как на картине Модильяни, лицом. Представившись, я спросил, знает ли она моего друга и коллегу Антонио Гульермо.

– Я здесь совсем недавно, – ответила она.

Я показал ей найденный мной в бумагах чек на тетрадь, которую Гульермо купил в их магазине.

Несколько секунд она рассматривала его, потом, едва сдерживая слезы, стала рыться в выдвижном ящике с папками. Вытащив одну из них, она подала ее мне:

– Можете сами проверить.

Просмотрев десяток квитанций за книги, проданные Гульермо, я не нашел среди них нужной.

– Там должны быть копии всех документов, – сказала сотрудница.

Пожаловавшись, что нужной мне квитанции нет, я получил ответ, что могу забрать папку с собой, потому что магазин закрывается, и квитанции ей больше не понадобятся.

– Закрывается?

– Да, навсегда. Он принадлежал моему отцу, но он, к сожалению... умер.

Я выразил свои соболезнования и спросил, когда это произошло.

– Около... двух месяцев назад.

– Надеюсь, вы простите мне еще один вопрос, но отчего он умер?

Она сильно удивилась, но ответила.

– Кажется, от сердечного приступа, хотя точно до сих пор не известно. Он был не так уж стар и вполне здоров. Его нашли здесь... в офисе, – она едва сдерживала слезы, – на полу.

– Значит, он умер от естественных причин?

– Да, как я уже сказала... – Она замолчала и бросила на меня подозрительный взгляд. – Вы из полиции?

– Нет, совсем нет.

– Тогда в чем дело? Вы что-то недоговариваете.

Она вытерла слезы.

– Если копии квитанции нет, я ничем не могу вам помочь.

– Сожалею о вашей утрате, – произнес я.

Для совпадения это уже слишком, это уже проклятье какое-то.
Еще один букинист из списка Гульермо мертв.

– Звонить бесполезно, она не услышит, – сообщил юный француз, хипстер с модным «пучком» на голове, в измазанных краской джинсах. – Но если вам нужна Колетта, она почти всегда дома.

Вообще-то, я понятия не имел, кто теперь живет в этой квартире в Бельвиле, знал только адрес, но я кивнул, и Пучок впустил меня в подъезд. Удивительно, что этот старый дом сохранился и что я его нашел.

– Колетта живет на самом верху, – сказал юноша. – *Faites attention!*
[70]

Смысл этого предупреждения я понял, когда начал подниматься по деревянным ступенькам, трухлявым и ненадежным. Весь подъезд был пропитан запахом скипидара. Очевидно, дом, где когда-то жили Винченцо и Симона, все еще был пристанищем художников.

На площадке шестого этажа я остановился, отдышался и постучал в дверь, краска на которой была облуплена так, что открывался десяток старых разноцветных слоев. Дверь приоткрылась на длину цепочки, и в образовавшейся щели показался кусочек лица, сморщенного и старого, но сильно покрашенного, с винно-красными губами и волосами цвета хны.

– *Qu'est-ce que vous voulez?*^[71] – спросила старушка скрипучим голосом.

Употребив все свое знание французского, я объяснил, что проделал долгий путь из Нью-Йорка и хотел бы посмотреть на квартиру, в которой когда-то жил мой прадед.

Приставив ладонь к уху, старушка выслушала меня и заставила повторить все еще раз, но в конце концов пустила меня в прихожую и быстро затараторила на смеси французского и английского.

– *J'adore les Américains* – меня зовут Колетта – *Ce n'est pas mon vrai nom* – но я сама себе его выбрала, так что я Колетта! Я вдова, *mon mari est mort* уже много лет – детей нет, но я, как Эдит Пиаф, *Je ne regrette rien!*^[72]

Я выслушал все это с приклеенной улыбкой, пытаюсь из маленькой прихожей рассмотреть остальную квартиру.

– Заходите, – сказала она, наконец приглашая меня в комнаты.

Там я остановился, не веря своим глазам. Под многочисленными слоями краски на стенах виднелись изгибы вьющихся виноградных лоз с пятнышками зеленых листьев и розовых цветов – творение кисти Симоны проступало сквозь наслоения времени.

Колетта проследила, куда я смотрю.

– Все время просвечивает, ничего не могу поделать.

Я подошел к стене и провел пальцами по нарисованной лозе. Память о прошлом, не желающая сдаваться. Страницы дневника не просто ожили для меня в этот момент; я поверил, что все написанное там – правда.

Загремели батареи парового отопления, и Колетта заговорила об этом шуме, потом о ценах на молоко, почти прогнав призраки прошлого, которые мне хотелось удержать. Я еще долго водил пальцами по пентименто виноградных лоз и листьев, запечатленных на этих старых стенах, и в моем сознании оживали образы Винченцо и Симоны.

Потом Колетта провела меня в спальню, где повсюду – на кровати, на комод, на стуле – висела одежда, но все, что я увидел – маленькая картина, натюрморт с фруктами, разложенными на красной ткани; все контуры на картине были обведены иссиня-черным.

– Эта картина...

– Ах, да. Она была здесь, когда я сюда переехала, в глубине стенового шкафа. Она мне понравилась, и я ее повесила.

Я посмотрел на подпись и дату в левом нижнем углу: В.Перуджа, 1910 год.

– Это картина моего прадеда. Я имею в виду, что он ее нарисовал.

– Vraiment?^[73]

Я оценил композицию и технику Перуджи, представил, как он водит кистью по маленькому холсту, понял, как он пытался связать всю композицию воедино иссиня-черным абрисом. Эта манера не была революционной, но в ней была простая красота и целостность.

Колетта скрюченными от артрита пальцами сняла картину со стены.

– Я много лет любовалась ей, месье, но она принадлежит вам.

– Нет, нет, я не могу это взять.

– Вы обязаны, берите.

От платы за картину старушка отказалась.

– Хорошо, подождите.

Второпях я чуть не полетел кувырком с коварной лестницы, потом стал спускаться осторожней и сумел добраться до парадной двери целым и невредимым. Небо потемнело, с него медленно опускалась мелкая, как туман, изморось. Цветочный киоск, который я приметил по дороге сюда, еще работал. Старик торговец уже начинал собирать свой товар и предложил мне два букета по цене одного, попутно с гордостью называя сорта цветов по-французски. Я поблагодарил его и побежал обратно. Со всеми предосторожностями преодолев шесть шатких лестничных пролетов, я вручил букеты Коlette. Она поднесла их к лицу, прикрыла густо накрашенные глаза, вдохнула и улыбнулась.

Изморось перешла в мелкий дождь, и я, не придумав ничего лучшего, спрятал картину под курткой, пристроив вековой холст у самого сердца. Потом дождь усилился, и я взял такси. Еще раз осмотрев картину, я заметил, что мазки жирные, а краска слегка потрескалась от времени, но цвета остались живыми и яркими. Когда я закончил осмотр картины, на улицах Парижа было уже совсем темно. Только достав мобильный телефон, я увидел, что пропустил два звонка, оба от Этьена Шодрона.

Дверной молоток в виде львиной головы стукнул в тяжелую деревянную дверь. Два одинаковых голосовых сообщения Этьена Шодрона еще звучали в моей голове: *«Я должен показать вам кое-что важное, это касается той тщательной работы моего двоюродного деда... Пожалуйста, приезжайте»*.

Голос его звучал настоятельно, почти умоляющие, так что я сразу же попросил водителя такси отвезти меня к дому Шодрона.

Сунув картину Перуджи за пояс джинсов, я постучал еще раз. Никто не ответил. Я в третий раз набрал на мобильнике номер Шодрона и вновь попал на автоответчик.

– Это Люк Перроне, – продиктовал я. – Я стою у вашей входной двери. Сейчас... уже почти девять часов.

Почему, настойчиво попросив меня приехать, он не открывает? Сунув телефон во внутренний карман куртки, где уже лежал вырванный из дневника листок, я постучал еще раз.

Я должен показать вам кое-что важное, это касается той тщательной работы моего двоюродного деда...

Спустившись по ступенькам, я посмотрел вверх. В ночной темноте ярко светились желтые прямоугольники: в нескольких окнах особняка горел свет. Я вернулся к двери, постучал еще раз и крикнул: «Этьен!» Откуда-то из дома доносились слабые звуки музыки. Может, в этом все дело? Они просто не слышат меня. Прислушиваясь, я надавил на дверь, и она приоткрылась.

– Этьен? – позвал я чуть тише. – Это я, Люк Перроне.

Но музыка – та же попсовая мелодия, которую слушала подруга Шодрона – в доме звучала так громко, что меня действительно трудно было услышать.

Я шагнул в прихожую.

Керамическая лампа отбрасывала свои тени на все в помещении: обои, ковры, антикварный столик с пепельницей, в которой лежали несколько окурков. Чемоданы все так же стояли рядом в прихожей.

Сделав еще шаг, я еще громче позвал Шодрона.

Музыка затихла, но через мгновение та же песня началась снова – очевидно, стояла на повторе. Она доносилась сверху.

Сделав еще несколько шагов, я вдруг увидел ее, подружку Шодрона – она лежала вверх ногами на лестнице, голова на нижней ступеньке, одна нога вытянута, вторая согнута под немислимым углом. Глаза ее были открыты и неподвижны.

Поначалу у меня перехватило дыхание, и я на какое-то время остолбенел. Потом совершенно машинально попытался нащупать пульс у нее на шее и на запястье, хотя в том, что она мертва, сомневаться не приходилось: сорочка была пропитана кровью.

Трясущимися руками я кое-как достал из кармана сотовый, испачкав его при этом кровью. Но куда звонить? 911? Какой номер набирают французы в таких случаях?

Проклятая музыка продолжала действовать на нервы. В радиаторах шипел пар. Кислый запах табака висел в воздухе. Борясь с приступами тошноты, я стал подниматься по лестнице – туда вели следы крови.

Этьен Шодрон лежал на полу у порога спальни, лицо его было разбито, синий халат стал фиолетовым от крови.

Музыка гремела во всю мощь, сотрясая мое тело низкими частотами. Дверь спальни была приоткрыта, и я заглянул внутрь: комната была разгромлена, ящики комода вытряхнуты, подушки разрезаны, повсюду валялись перья, а некоторые еще кружились в воздухе. Неужели это произошло только что?

По лицу Шодрона – вернее, по тому, что от него осталось – я сделал вывод, что он не выдал убийце то, что тот, очевидно, искал.

«Кое-что важное, это касается той тщательной работы моего двоюродного деда...»

Сердце бешено колотилось. Шодрону не дали договорить или, наоборот, он говорил под дулом пистолета? Может быть, не ему, а кому-то другому нужно было, чтобы я приехал сюда?

Меня охватило неодолимое чувство тревоги, внутренний голос кричал: «Убирайся отсюда немедленно!» Я спустился обратно, едва не споткнувшись о тело девушки на ступеньках. На телефоне, который я еще держал в руке, была кровь, и я попытался вспомнить, до чего еще дотрагивался: дверная ручка, молоток, перила – девушка! – а еще у Шодрона на телефоне мои звонки и сообщения!

Меня знобило, голова раскалывалась, во рту пересохло; стоя внизу и озираясь, я боролся со страхом. В гостиной тоже был разгром:

покрывала с мебели сброшены, диванные подушки распороты, из них торчал поролон, словно они взорвались, на полу лежали осколки разбитой керамической вазы, все ящики шкафов открыты, и даже стол перевернут.

Превозмогая одуряющую музыку и стук собственного сердца, отдававшийся в ушах, я пытался сосредоточиться. Мой взгляд упал на картину Вермеера.

«Кое-что важное, это касается той тщательной работы моего двоюродного деда...»

Слово «тщательный» Шодрон использовал, когда говорил об этой картине.

Я сорвал картину со стены и повернул ее обратной стороной. За деревянными планками подрамника торчала пачка сложенных листов бумаги. Я вытащил и развернул их. Почерк, пожелтевшая бумага, рваные края... несомненно, это были страницы дневника Перуджи.

Все, что принадлежало моему двоюродному дедушке, перешло к моей старшей сестре... эта картина, какие-то бумаги...

Я хотел прочитать, что там написано, но не смог: перед глазами все плыло. Решил прочесть позже.

А теперь вон отсюда, немедленно!

Я сунул листки в карман куртки. Через миг я почувствовал за спиной движение воздуха и чье-то дыхание.

– Как раз то, что я искал.

Из-за моей спины вышел мужчина с пистолетом в руке.

– Это я заберу.

Помедлив долю секунды, я потянулся к внутреннему карману куртки. Незнакомец ударом ладони отбросил мою руку в сторону, сам полез в мой карман и вынул оттуда испачканную кровью страницу.

Потом он приставил пистолет к моему виску и взвел курок.

Нью-Йорк Сити

Коллекционер заменил перегоревший светильник у одной из картин и перешел к следующей. Он бегло оценил манеру письма на морском пейзаже Моне, яркие цвета натюрморта Матисса и задержался у приобретенного несколько дней назад эскиза гуашью по картону работы Тулуз-Лотрека: женщина, натягивающая чулки, простая и сексуальная. Коллекционер восхитился тем, как художник несколькими небрежными линиями создал фигуру, белой краской на плечах и груди придавал им объем, использовал для волос яркий красно-оранжевый цвет. Ему не нужна была эта вещь, и он не заказывал кражу. Он чуть было не отказался от нее, но представившаяся возможность была слишком хороша, работа первоклассная и станет хорошим дополнением к его коллекции.

От Лотрека – к Леонардо. Два художника из совершенно разных миров, но оба очарованы женской красотой. У Лотрека – вполне реальная, земная женщина, у Леонардо – нездешняя обворожительная дама, недоступная простому смертному. Кроме него.

Двадцать лет назад он приобрел этого Леонардо у одного француза. Тот утверждал, что представляет знатную французскую семью, которой досталось от прабабушки много произведений искусства сомнительного происхождения. Семейство опасалось держать у себя такую знаменитую картину и готово было расстаться с ней всего за пять миллионов долларов. Сторговались на трех – сущие гроши, если она действительно настоящая. Но он до сих пор не смог найти этому доказательств.

Сколько раз он ездил в Париж, чтобы постоять в Лувре перед точно такой же картиной, пытаюсь найти какие-нибудь отличия – и всякий раз безуспешно! Он знал, что бывают очень хорошие подделки, и вполне возможно, одну из них ему всучили. Он навел увеличительное стекло и медленно повел его вдоль полотна. Но что он ищет? Есть ли здесь что-нибудь, что могло бы доказать подлинность

этой картины? Коллекционер не знал этого. Пока не знал. Но надеялся
вскоре узнать.

При звуке взведенного курка я рванулся, двинул этого типа локтем в ребра, он покачнулся, но выстрелил – так близко от моей головы, что в ушах зазвенело, и я почувствовал, как пуля просвистела рядом. Но пистолет он выпустил, тот отлетел в сторону, и мы оба прыгнули к нему, падая в броске. Этот верзила приземлился удачней: на меня сверху, выбив воздух из моих легких. Ребра хрустнули, но я продолжал барахтаться, пытаюсь дотянуться до пистолета первым.

У него это получилось лучше.

Удерживая одной рукой в захвате мою шею, второй он приставил пистолет мне к виску. Времени помолиться явно не оставалось.

Удар. Но не выстрел. Кто-то третий подскочил к нам, выбил пистолет из руки здоровяка и пнул его в живот, тот свалился с меня, и они, сцепившись, покатались по полу. Я решил принять участие. Мы колотили и пинали друг друга, ругались, делали броски к пистолету – одно массивное шестирукое и шестиногое существо. Я не разобрал, кому из нас удалось дотянуться до приза, но точно не мне. Раздался выстрел, крик боли, один из дерущихся вскочил и, держась за бок, бросился бежать. Я слышал, как он выбежал из дома.

Мне удалось встать, второй еще лежал на полу.

– Перроне! – воскликнул он.

Я смотрел на него – и ничего не понимал. Мне требовалась помощь зала.

– Какого черта... Что ты здесь делаешь?

– Нет чтобы сказать... «спасибо, что спас мне жизнь!» – пропыхтел он.

– Черта с два, – ответил я. – Может, это я сейчас спас твою.

Из особняка меня отвезли в полицейский участок и оставили одного в комнате для допросов: холодный флуоресцентный свет, зеркальная стена. С той стороны за мной, конечно, кто-то наблюдал. Я постучал по зеркалу, спросил: «Есть кто-нибудь?», потом полюбовался на свое отражение: всклокоченные волосы, красные от недосыпания глаза, один глаз заплыл и дергается, на челюсти уже расплылся фиолетовый синяк.

Прошел час. Я еще раз постучал по зеркалу и крикнул: «Алло... люди!», потом потребовал встречи с адвокатом. С таким же успехом я мог бы разговаривать сам с собой.

Прошел еще час. Потом дверь открылась, и вошел этот мой новый знакомый в темных очках. Одна щека у него была сильно расцарапана, глаз подбит. Он вручил мне пластиковую чашечку с черным кофе.

– Кто ты такой? – Я пристально посмотрел ему в лицо.

Он подтащил стул к столу, закурил сигарету, потом положил на стол свое удостоверение – голубая ламинированная карточка с его фотографией и надписью «Интерпол». Потом он достал другую карточку и сунул ее мне в нагрудный карман, сказав:

– Тут номер моего мобильного телефона. Он тебе понадобится.

– Что происходит, Смит? Если только это действительно твое имя. Джон Смит... Не мог придумать ничего получше?

– Я не лгал насчет имени, какой мне смысл... – Он поднял очки и посмотрел мне в глаза. – Парижская полиция выделила мне эту комнату для проведения расследования.

– Расследования?

– Я следил за тобой, Перроне, к счастью для тебя, иначе ты бы уже был покойником.

– Как я уже говорил, кто кого спас, вопрос спорный.

– Тот тип держал ствол у твоей головы.

– А потом у твоей.

– Что ты там засунул себе в штаны после драки?

Я вытащил из-за пояса картину прадеда и положил на стол.

– У меня в штанах запасник.

Смит не засмеялся; какое-то время он внимательно рассматривал картину, потом спросил:

– Чья это работа?

У меня была мысль приписать авторство себе, но я решил сказать правду.

– Перуджи.

– Я придержу ее у себя, – сказал он. – Как вещественное доказательство.

– Доказательство чего?

Смит не ответил. Вместо этого он сообщил, что успел обыскать мой номер во флорентийской гостинице и изучил содержимое моего ноутбука. В довершение он выложил на стол дневник Перуджи.

– Как он у тебя оказался?

– Работа в Интерполе имеет свои преимущества. Я спросил у библиотечарши, что ты читал и намекнул, что ты арестован, так что она была рада помочь. Не думаю, что тебе там будут рады теперь. Когда я узнал, что ты уезжаешь из Флоренции, мне показалось, что дневник лучше изъять. Я забочусь о безопасности.

– Да, я уже успел это почувствовать.

– Знаешь, я ведь мог в любой момент обратиться в библиотеку, но я хотел понаблюдать за тобой, выяснить твои намерения. Ты же мог погибнуть сегодня. – Смит откинулся, сцепив руки на затылке, и поведал, что он с самого начала знал, что я приехал во Флоренцию прочитать дневник Перуджи – он отслеживал мою переписку с Луиджи Кватрокки.

Тут я перебил его, сказав, что Кватрокки уже давно не выходит на связь и вообще куда-то пропал.

– Кватрокки мертв.

– Что? – Я догадывался, что дело неладно, и все же был потрясен.

– Ты не понимаешь, с кем связался, Перроне. Существует тайная сеть воров и коллекционеров, которые не остановятся ни перед чем, чтобы отстоять свои интересы и получить то, что им нужно. Этот тип сегодня ушел, но он вернется. Не он, так кто-нибудь другой.

– Зачем?

– Рискну предположить, что он или тот, на кого он работает, считает, что ты знаешь что-то очень важное.

– Но я ничего не знаю.

Смит перегнулся через стол, приблизив лицо к моему. Он дрожал от нетерпения.

– Ты поговорил с Кватрокки, и он мертв. Ты зашел к Этьену Шодрону, и он тоже мертв...

– Я понятия не имею, о чем речь! – я вскочил, опрокинув стул на пол.

– Сядь, – скомандовал Смит.

Постояв немного, я поправил стул и уселся обратно.

– Что Этьен Шодрон сказал тебе о картине Вермеера, которая висела у него в гостиной?

– Что ее нарисовал его двоюродный дедушка.

– Зачем ты снял ее со стены?

– Это не я, ее до меня сняли. Я только остановился на нее посмотреть, и все.

Смит сверлил меня ледяным взглядом.

– В доме два трупа, а ты позволяешь себе любоваться картинами?

Когда я ответил, что да, я вообще люблю искусство, его глаза превратились в два черных провала.

– Похоже, ты не понимаешь, что у тебя серьезные проблемы.

Вместо ответа я снял куртку и засучил рукава, чтобы он увидел мои мускулы и татуировки – что-то типа демонстрации большого члена. Тогда Смит тоже закатал рукава. Татух у него не было, но мускулы были, и больше моих.

Вермеера отправили в лабораторию, сказал он, проверить, подделал Ив Шодрон эту картину, или это все же оригинал. Если время изготовления красок и растворителей относится к более раннему периоду, чем годы жизни Шодрона, то картина отправится в музей Гарднера для дальнейшей экспертизы. Потом Смит снова спросил, зачем я снял картину со стены. Я промолчал, и тогда он с такой силой хлопнул ладонями по столу, что тот пошатнулся.

Сохраняя спокойствие, я повторил, что картина уже лежала на полу, а может быть, упала, когда бандит на меня набросился.

Некоторое время Смит смотрел на меня, играя желваками на скулах, потом спросил, с какой целью я встречался с Этьеном Шодроном, и я честно ответил, что надеялся что-нибудь узнать о двоюродном дедушке Этьена Иве, занимавшемся подделкой произведений искусства.

– Если дневник у вас, – добавил я, – вы же знаете, что там написано.

Смит судорожно вдохнул, и в его темных глазах промелькнуло что-то, чего я не смог истолковать.

– Давай начистоту, Перроне? Правда за правду?

Я молча ждал; одна из ламп наверху помаргивала, придавая моменту динамики и напряжения.

– Своего рода сделка. Дневник у меня, но я не могу его прочитать, я плохо знаю итальянский. Мне нужен переводчик.

– У вас в Интерполе их хватает.

– Верно, – Смит сделал паузу. – Но мне нужен личный переводчик. Мне нужен ты.

По всему было видно, что Смит не хочет отдавать дневник в Интерпол. У меня было что-то такое, что ему было нужно, но я не знал, что именно.

– С какой стати я должен тебе помогать?

– Потому что игры кончились, Перроне, и у тебя проблемы. Может статься, я твой единственный друг теперь, твой последний шанс.

Я рассмеялся, и это стало последней каплей. Смит придвинулся и схватил меня за рубашку, на виске у него напряженно пульсировала вена.

– Луиджи Кватрокки мертв! Этьен Шодрон и его подружка убиты! Кровь этой девушки обнаружена на твоём телефоне, на рубашке, на руках!

– Ты пытаешься повесить это на меня? – Я высвободился. – Ты же знаешь, что я не имею к этому отношения. Пошел ты!

– То, что я знаю, и то, что я скажу французской полиции – это не одно и то же. Понял, к чему я клоню, дружок?

– Я тебе не дружок!

– Будь по-твоему, – сказал Смит. – Тебя арестуют и признают виновным на основании показаний агента Интерпола.

– Пошел ты... – повторил я, но уже не так уверенно. Мне очень живо представились арест, суд и обвинительный приговор.

– Или ты играешь в моей команде, или ты станешь обвиняемым. И поверь мне, французские тюрьмы далеко не так хороши, как американские. Насколько я знаю, вообще не хороши.

Поборов желание врезать ему как следует, я глубоко вздохнул и попытался сосредоточиться.

Так или иначе, Смит все равно узнает, что написано в дневнике, и скрывать это нет никаких причин. Я спросил его, что именно он хочет знать.

– Все, – ответил он.

– Что я получу взамен?

– Мою защиту. Защита Интерпола тебе в ближайшее время очень понадобится.

Он был прав. Не появись он вовремя, тот бандит вышиб бы мне мозги. Немного подумав, я сказал: «Хорошо». Смит закурил очередную сигарету и откинулся на спинку стула. Я рассказал ему, как Вальфьерно уговорил моего прадеда украсть «Мону Лизу», как Шодрон изготовил копии, и как эта парочка намеревалась продать подделки, выдавая их за оригинал. Когда я закончил, Смит снова спросил, зачем я добивался встречи с Этьеном Шодроном.

– Я надеялся, он добавит что-нибудь к тому, что я прочитал в дневнике.

– Что-то ты не договариваешь.

Я ответил, что он ошибается, и больше мне сказать нечего.

Он снова принялся сверлить меня взглядом и заявил, что знает про меня все: про мое прошлое и настоящее, про школьные нарушения, аресты за проникновение в чужое жилище, и прочее.

– Древняя история, – хмыкнул я. – Кого она интересует?

– Думаю, судьбе и присяжным будет интересно. Твое преступное прошлое сыграет против тебя в деле об убийстве, – Смит зловеще ухмыльнулся. – Отпечатки пальцев по всему дому, кровь девушки на твоём мобильном...

– И какой у меня мотив? – Я скрестил руки на груди, пытаюсь скрыть беспокойство.

– Ну, например, кража картины. Это же у вас семейное. Ты приходил к Шодрону, увидел картину, захотел ей завладеть и вернулся, чтобы украсть. Только знаешь, Перроне, мотив тут большой роли не играет. Тебя по одному анализу ДНК засудят.

Я изо всех сил сохранял на лице невозмутимое выражение, но знал, что он прав.

– Мне нужно от тебя полноценное сотрудничество, и оно мне нужно прямо сейчас. Начнем с того, зачем ты приходил к Этьену Шодрону, и что ты от него узнал.

– Я уже сказал.

– Ты не все сказал! И мы оба это знаем!

Я был почти уверен, что он блефует. В его манере то набрасываться с угрозами, то отступить, мой подростковый опыт распознавал тактику уличной шпаны. Что-то в нем было не так. Смит, как и я, что-то недоговаривал.

Я шел быстро, ссутулившись и опустив голову. Шел, сам не зная куда, мне просто нужно было продолжать двигаться. Дождь усилился, у меня намокли волосы, и по лицу стекали капли. Я не думал, что Смит следит за мной сам или поручил это кому-нибудь, но не мог быть в этом до конца уверен, да и просто хотелось уйти от него подальше. Он отпустил меня, пригрозив, что повесит на меня убийство Шодрона и его девушки, но я знал, что он блефует, иначе он бы меня не отпустил. Тот факт, что он позволил мне уйти, доказывал, что он не собирается сдавать меня полиции.

Я переходил улицы, сворачивал за угол, нырял в проулки и все время оглядывался, но все мои мысли были об одном – поскорее прочитать странички, которые я нашел за картиной Вермеера. Сунув руку в карман, я придерживал их ладонью, частично для того, чтобы уберечь от дождя, а отчасти просто, чтобы не сомневаться: они со мной.

Трюк, с помощью которого я обманул типа с пистолетом, состоял в обманном движении рукой в сторону нагрудного кармана, где лежала вырванная мной из дневника и привезенная в Париж страничка. Листы, найденные за картиной Вермеера, лежали в другом кармане. В результате убийца пошел по ложному следу и отнял у меня не то, что искал. Эта уловка пришла мне в голову за долю секунды; я до сих пор не мог поверить, что она мне удалась, и чертовски гордился собой.

Побродив таким образом целый час, вымокнув и продрогнув, но убедившись, что за мной никто не идет, я стал искать, где бы пристроиться. В баре, куда я заглянул через окно, было слишкомлюдно. Пройдя еще квартал, я наткнулся на небольшое кладбище с покосившимися стертymi надгробиями. Из суеверного страха я стал обходить его по широкой дуге и забрел на глухую улочку, где заметил захолустное кафе. Задержавшись под потрепанным навесом, я отряхнулся и пригладил волосы. В баре сидели два человека, склонившись над своими стаканами. Ни один не поднял головы, когда я вошел.

Бармен предложил мне сесть за столик, но я попросил сначала показать, где туалет.

Простая лампочка на цепочке освещала унитаз, изъеденную раковину, грязный черно-белый кафельный пол. Стараясь не обращать внимания на запах мочи и аммиака, я вытер лицо бумажным полотенцем, вынул из кармана листки бумаги и развернул их. Первая же страница оказалась тем, что я так долго искал. Первая строчка на ней продолжала текст с того места, на котором я остановился.

...внимательно посмотрите на тень, которую отбрасывает рука Лизы дель Джокондо. Туда, где рука граничит с книгой. Вы увидите две крохотных отметины. На вид просто маленькие пятнышки. Но если перевернуть картину вверх ногами и посмотреть в увеличительное стекло, вы сможете разглядеть знак, которым Ив Шодрон пометил все свои поддельные копии.

Две метки – буквы Y и C. Инициалы Ива Шодрона. Этот фальсификатор осмелился подписать свои работы!

Это все, что нужно для установления подделки. Когда вы найдете картину без инициалов Шодрона, это и будет оригинал Леонардо!

Листки бумаги дрожали в моей руке. Я смотрел на эти строки и не мог поверить, что нашел ключ к тайне. Мне нужно было еще раз пойти в Лувр и посмотреть на картину, но теперь я знал, что искать. Я пробежал взглядом остальные страницы – судя по всему, они были написаны уже после того, как Перуджа вышел из тюрьмы. Я положил их обратно в карман, чтобы прочитать позже. Первую, самую важную страницу я сложил в маленький квадратик и, отыскав крошечную дырочку в кармане, протолкнул его туда, чтобы она оказалась в подкладке.

В зеркале над раковиной я увидел свое отражение: заметно отросшие усы и борода, мокрые от дождя волосы, один глаз заплыл от драки, второй искажен трещиной в зеркале. Я смотрел на свое отражение, но из зеркала на меня смотрел мой прадед.

Когда я вышел на улицу, дождь опять перешел в легкую изморось, все вокруг было окутано густым туманом. В лужах плавал мусор, половина фонарей не горела, магазины закрыты, в окнах домов не горел свет – не самые приятные места для столь позднего часа.

Какой-то неуклюжий оборванец вынырнул из тумана, да так неожиданно, что я вздрогнул.

– Pardonnez-moi – сказал он, заметив мой испуг. – Je ne voulais pas vous effrayer. ^[74]

У бездомного было удивительно молодое лицо, впрочем, заросшее жиденькой бородкой и наполовину скрытое спутанными волосами.

Я порылся в кармане, вытащил несколько влажных, мятых евро и протянул ему. Он поблагодарил меня и пожелал мне «бон шанс».

Я тоже пожелал ему удачи: мне показалось, что мы оба в ней нуждаемся. Я устал, тело мое болело и ослабло, все тяготы этого дня сказались разом. К тому же я заблудился.

Спрятавшись под навес автобусной остановки, я позвонил в «Убер». Проверив, на месте ли заветный листок под подкладкой, я стал ждать. Впечатления прошедшего дня – инициалы Ива Шодрона на картинах, мертвая девушка на ступеньках, угрозы Смита – настолько занимали мои мысли, что я не обращал внимания на происходящее вокруг... пока не почувствовал сильный удар в спину. Чуть не потеряв равновесие и растерявшись, я обернулся – и получил еще один удар. Не удержавшись на ногах, я упал лицом в лужу, перед этим ударившись коленями о бетон. Подняв взгляд, я увидел того здоровяка, который дрался со мной и Смитом. Я узнал его за долю секунды до того, как он схватил меня и поднял на ноги. Приставив мне нож к горлу, он прошипел:

– У тебя есть другие бумаги.

– Я все отдал, – выдавил я, пытаюсь отдышаться и срочно придумать что-нибудь.

– Пора тебя убить.

– Нет, подожди. Ты прав, есть еще бумаги, но они... у меня в гостинице.

– Видно, ты совсем не дорожишь своей жизнью, – сказал он, не сводя с меня своих плоских бесцветных глаз, потом приложил мне нож к шее пониже затылка и провел им по коже. – Ну, как скажешь.

Не раздумывая больше, я ударил его в живот – он болезненно выдохнул, покачнулся, схватившись за бок, и упал. В это время я уже мчался прочь по улице, маша руками подъезжавшему такси и крича водителю, чтобы он остановился. Открыв дверцу, я упал на заднее сиденье, задыхаясь от бега и потрясения.

– Allez, allez! Вперед, поехали!

Потом я оглянулся: верзила поднимался с земли, глядя вслед отъезжающему такси.

Водитель поинтересовался, как меня занесло ночью в такой нехороший район, но я не ответил. Первым делом я нащупал спрятанный за подкладку квадратик бумаги. Потом потрогал шею сзади – на ладони была кровь. Кроме того, на руках обнаружились свежие царапины, джинсы на коленях были порваны, колени разбиты.

Трясущимися руками я нашарил карточку в кармане рубашки. Геройствовать мне совсем расхотелось. Я набрал номер и поднес телефон к уху.

В дверь номера я постучал ладонью – костяшки пальцев были разбиты так, что пальцы распухли и не сгибались.

Смит открыл дверь. Он был в трусах и футболке, с заспанными глазами.

– Напали, – сказал я, и у меня вдруг подогнулись колени.

Смит подхватил меня, отвел в ванную, захлопнул крышку унитаза и велел мне сесть. Он помог мне снять куртку и рубашку, намочил мочалку холодной водой и смыл кровь. «Ничего страшного, рана неглубокая». – Он открыл аптечку, достал оттуда бутылку спирта и протер мне шею, затем помог подняться на ноги.

Я вымыл руки; стекавшая с них вода была вначале красной, потом розовой.

Смит и их полил спиртом, а когда я поморщился, велел не капризничать.

– Ну, теперь рассказывай, что случилось.

Я попытался объяснить, довольно бессвязно, как этот тип появился ниоткуда и что было потом.

– Ты узнал его?

– Да, это тот парень, с которым мы дрались недавно.

– Ты убил его?

– Нет.

– Как же тебе удалось уйти?

– Я крутой парнишка, ты ведь знаешь. Ты же читал о моих подвигах.

– Да, очень крутой, – сказал Смит. – Снимай штаны.

– В смысле?

Он показал на мои колени: джинсы были порваны и испачканы кровью. Спустив штаны, я снова уселся на крышку унитаза.

– Так что же ему было нужно? На сей раз говори правду, Перроне.

– Может, после всего, что тут сейчас было, ты будешь обращаться ко мне по имени? Смотри, я уже даже без штанов.

Мне почти удалось его рассмешить. Смит дал мне мочалку промыть колени, и спросил, есть ли у меня запасные штаны и рубашка. Да, ответил я, в номере гостиницы.

– Хорошо. Итак, человек, с которым ты дрался... Значит, у него огнестрельное ранение?

– Он схватился за бок, так что, скорее всего, да. Иначе бы я не ушел.

Смит перевел меня в комнату и предложил единственный удобный стул. Я впервые окинул взглядом его номер: простой и практичный, в деловом стиле или даже вообще без стиля. Он достал из холодильника две маленьких бутылочки:

– Скотч или водка?

Я ответил, что не пью.

– Ах, да. Я забыл, – он вручил мне стакан воды. – Держи, Счастливчик.

Я смущенно хохотнул.

– Тебя правда зовут Джон Смит?

– Джон Вашингтон Смит.

– Хоть какая-то изюминка, – отозвался я.

– А теперь расскажи мне то, чего не сказал раньше.

Воду я выпил, но это почти не помогло успокоиться. Я хотел виски, практически чувствовал его вкус. На несколько секунд закрыв глаза, я мысленно произнес слова, которые знал наизусть: *Честность – Надежда – Вера – Мужество – Искренность – Готовность – Смирение – Братская Любовь – Справедливость – Настойчивость – Духовность – Служение*. Сам процесс произнесения этих слов помогал больше, чем их смысл. После этого я сказал Смиту, что готов.

Я рассказал, как нашел листы из дневника за картиной Вермеера и как утаил их от того типа, который на меня напал. Посмотрев на свои разбитые колени и руки, я признался, что переоценил свои силы. Смит не воспользовался возможностью позлорадствовать, и я был ему благодарен за это.

Потом я спросил, что делать дальше.

– Теперь, когда мы знаем, что искать, пойдём смотреть картину.

– Куратор в Лувре ни за что не согласится устроить мне еще один частный просмотр.

– Сотрудник Интерпола вправе сделать соответствующий запрос. – На лице Смита промелькнуло уже знакомое мне выражение. Он что-то не договаривал.

– Скажи мне.

– Что сказать?

– То, о чем ты сейчас промолчал. Я выложил все, что знал. А ты? Смит подошел к окну, раздвинул занавески и выглянул на улицу.

– Мне нечего рассказывать, – ответил он. – Это ты скрывал информацию, а не я.

– И я уже покаяться.

Смит выразил сожаление, что мне пришлось пострадать, чтобы прийти к этому чувству, и что с этого момента ему от меня требуется честность, и не только потому, что на кону моя жизнь.

– Но это важный фактор, – заметил я и дал ему слово больше ничего не скрывать и не геройствовать. Я протянул ему руку, и Смит пожал ее, а я все это время ждал, что он выскажет то, о чем умалчивает.

– Килл Ван Калл, – прочел он мою татуировку на руке.

– Так называлась наша шайка, но ты ведь это и так знаешь?

– В твоём деле есть даже фотографии.

– Моих татуировок?

– Нет. Твоих дружков, всей вашей шайки, – он вытряхнул из пачки еще одну сигарету. – Значит, инициалы на картине... Нам нужно быть уверенными, что Перуджа написал правду.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Возможно. Но с этого момента мы будем руководствоваться скептицизмом и осторожностью.

– Осторожность обещаю, – согласился я и спросил, нет ли у Смита каких-то предположений, что это за тип на меня охотится.

– Да кто его знает. Бандит какой-то. Нанялся делать за других грязную работу, действует в их интересах. – Он пожал плечами. – Не перестаю удивляться, на что только не идут люди, чтобы завладеть куском холста, покрытого краской.

– Это не просто холст с краской.

Смит кивнул, а затем рассказал, к чему он сам стремится. Если Перуджа написал правду, то Смит хотел бы стать тем самым агентом Интерпола, который обнаружит, что висящая в Лувре «Мона Лиза» является подделкой.

Прекрасно, согласился я и выложил, что нужно мне: право рассказать миру историю прадеда, потому что это и моя история.

– Хорошо, – согласился Смит. – Как только я раскрою дело, ты получишь это право. Но работаем вместе. Никаких секретов друг от друга.

– Никаких, – подтвердил я.

Он вернул мне кожаную куртку и испачканную кровью рубашку, посмотрел на часы и велел пойти в гостиницу и поспать несколько часов:

– Уже очень поздно, а у нас впереди много дел.

Но я попросил у него выходной. Мне нужно было кое-что сделать.

– У нас нет времени, чтобы тратить его попусту.

– Мне нужно кое с кем повидаться, – попросил я, – во Флоренции. Можешь поехать со мной, если не доверяешь.

– Нам нужно остаться в Париже и сходить в Лувр. Нужно задержаться здесь на какое-то время.

– Это не займет много времени! Я могу слетать во Флоренцию и вернуться на следующее утро. Мне нужно всего лишь двадцать четыре часа.

Смит спросил, к кому я так спешу, и я сказал, что к человеку, который не имеет к нашим делам никакого отношения.

– К той блондинке?

– Так значит, ты следил за мной – за нами – во Флоренции.

– Да. И тот тип, конечно, тоже. Возможно, и еще кто-нибудь.

– Мне нужно ее увидеть! Хочешь, чтобы я тебя умолял?

– Ты случайно не собираешься сбежать?

Я пообещал, что никуда не сбегу.

Смит несколько секунд раздумывал, не зная, на что решиться.

Я убеждал его, что мне можно доверять, и я не шутил.

– Хорошо, – сказал он. – У тебя один день.

Он наблюдал за мной через плечо, пока я заказывал билет онлайн.

– Пойми одно, – внушительно произнес он напоследок. – Я приду за тобой. Если ты не вернешься завтра, Интерпол придет за тобой.

Смит мерил шагами комнату. С того момента, как Перроне на рассвете уехал в аэропорт, он не мог ни заснуть, ни просто успокоиться. Не ошибся ли он, отпустив этого парня, поступив по велению сердца? Господи, он становится мягкотелым. Но он должен был проявлять доверие Перроне, а если тот не вернется, Смит поедет за ним сам.

Пальцы его помимо воли барабанили по корпусу ноутбука. Смит чувствовал себя так, словно стоял на краю обрыва, собираясь прыгнуть. Но ведь он уже прыгнул. Вопрос только в том, полетит он или упадет? Смит глубоко вздохнул. Теперь уже поздно об этом беспокоиться. Вернуться героем или не вернуться совсем. Хоть не в Бахрейн!

В ванной он умылся, посмотрел на себя в зеркало и вспомнил детство, неровную бетонную площадку в «домах Баруха», где они играли в баскетбол. Он был самым маленьким в их дворовой команде, но уже тогда знал, что нужно делать, когда получишь мяч: прыгнуться и двигаться к воротам. Как сейчас.

Вернувшись к ноутбуку, Смит прочитал приходившую на почтовый ящик рассылку Интерпола: несколько сообщений о незавершенных расследованиях в их отделе, ничего нового и определенного, ничего такого, что срочно требовало бы внимания. Он откинулся на спинку стула, закурил, сделал затяжку, которая обожгла ему горло, и потушил сигарету. В одном Перроне прав – он слишком много курит.

Хватит. Он закрыл ноутбук: нужно выйти на улицу, подышать свежим воздухом, посмотреть на мир.

На улицах вокруг отеля былолюдно. Смит двинулся по кривой и извилистой рю де Фобур Монмартр. Для человека, прожившего полжизни во Франции, Смит очень плохо знал Париж и чувствовал себя деревенщиной. Наверное, он чувствовал бы примерно то же самое, если бы вернулся сегодня в Нижний Ист-Сайд на Манхэттене, где вырос. Смит слышал, что район был заметно облагорожен: бутики, модные рестораны. Ничего такого он в детстве не видел. Он вспомнил свою мать, как она разогрела тарелку супа «Кэмпбелл» на тесной

кухне и постоянно о чем-нибудь беспокоилась: о счетах, о сыне. Проваливай и исправься. Ее вечная мантра.

Смит миновал десяток дешевых гостиниц и еще больше закусовых, затем несколько магазинов одежды: над одним из них яркий неоновый клоун моргал красным носом. Не был ли он сам таким же клоуном, дураком, отказавшимся от спокойной работы? Проваливай и исправься. Это то, чем он занимался всю жизнь, но на сей раз отказался от надежного места ради фантазий о славе. Что бы подумала об этом его мать? Прошло уже десять лет со дня ее преждевременной смерти, поздно спрашивать, да может, это и к лучшему.

Мигающая вывеска ресторана «Шартье» напомнила ему, что он голоден. Смит прочитал меню и пошел мимо входа во двор, где официант со скучающим видом проводил его к столику. Смит неторопливо поел terrine de champagne^[75] на ломтике поджаренного, а может, просто черствого хлеба, запивая его кислым белым вином и все время думая о своих делах: риске, ставках, возможных наградах за успех, унижении в случае неудачи. Когда он допивал кофе, официант уже стоял над ним, с нетерпением ожидая, когда будет оплачен счет и столик освободится для следующего клиента.

Потом Смит бродил по бульвару и с беспокойством думал о Перроне. Как он мог поверить бывшему алкоголику и хулигану? Парень, возможно, и вырос, но разве кто-нибудь когда-нибудь исправлялся до конца? Всю ли правду сказал ему Перроне, спрашивал себя Смит. Он не мог в это поверить. Естественно, он ведь и сам всей правды про себя не раскрыл.

Мне удалось поспать три или четыре часа, потом я летел из Парижа во Флоренцию. Теперь я сидел, дожидаясь Александру, в том кафе, куда мы заходили в самый первый раз выпить кофе, и репетировал то, что собирался ей сказать. Когда она вошла, щеки у нее были румяными от холода.

– Что у тебя с глазом? – с ходу спросила она.

– Ушибся нечаянно.

– Не слишком сильно? – Она как-то странно посмотрела на меня, потом чмокнула в щеку и расстегнула свое пальто. Кремовый свитер придавал ее коже оттенок слоновой кости. Я сказал, что она прекрасно выглядит. Аликс ответила, что я выгляжу ужасно.

– Я думала, ты пробудешь в Париже несколько дней.

– Так и есть, – подтвердил я. – То есть я так и собирался. Но моего друга вызвали по делам, так мне придется еще раз туда лететь.

– Вот как? Когда?

– Скоро. Но перед этим я хотел увидеть тебя, – я потянулся к ее руке.

– Что у тебя с пальцами?

– Да это все тот же дурацкий случай. Стыдно сказать, я споткнулся об решетку канализации на тротуаре.

– Серьезно?

– Клянусь, к спиртному не притрагивался.

– Мне бы такая причина и в голову не пришла. Как твой друг? Надеюсь, в лучшем состоянии, чем ты?

– Да, он... – у меня в памяти всплыло изуродованное лицо Этьена Шодрона, – в порядке.

Аликс спросила, учились ли мы вместе с другом в художественном училище, и я не смог вспомнить, что говорил ей раньше, кроме того, что он француз. Я боролся с желанием рассказать ей, что происходит на самом деле, сказать правду, которую она бы поняла, но я знал, что не могу этого сделать. Мы оба молчали, и солнечный свет, пробивавшийся сквозь жалюзи кафе, раскрасил нас в полоску, как заключенных.

– С тобой что-то неладно, – заметила Александра. – Я же вижу. Ты действительно не сильно поранился?

Я ответил, что все в норме, и чтобы как-то отложить то, что собирался сказать, спросил, чем она занималась.

Немного подумав, она сообщила, что дочитала книгу про чуму и начала читать «Декамерон» на итальянском. Я сказал, что это потрясающе:

– Мне казалось, ты плохо знаешь итальянский.

– Это я говорить толком не умею. А читаю немного лучше – к тому же учусь таким способом.

Она прикоснулась к моей руке и отметила, что впечатление такое, будто я кого-то сильно ударил кулаком.

– Ну, конечно, – подтвердил я с деланным смехом, потом набрал в грудь воздуха: пора было рассказать ей то, что я должен был сказать. – Слушай, я какое-то время буду занят и...

– Занят?

– В смысле, должен буду уехать.

– Так занят или должен уехать? – выражение ее лица сменилось с озабоченного на настороженное.

– И то, и другое, – ответил я; в этот момент официантка принесла нам кофе, и мы оба молчали, пока она не ушла. – Я хотел сообщить тебе это, чтобы ты не думала, что что-то не так, если я какое-то время не смогу выходить на связь.

– А в чем дело? Ты собираешься скрываться? Ты что, шпион какой-нибудь?

– Нет, конечно, и по-моему, это очевидно.

– Погоди... – Александра отстранилась, и ее рука выскользнула из моей. – Ты хочешь со мной расстаться? То есть это у нас совсем не...

«Как ты не понимаешь, я хочу тебя спасти!» – думал я, но вслух говорил совсем другое.

– Нет, ты все не так поняла... Просто я должен уехать в Париж на время... встретиться с другом... у нас с ним совместный проект...

Тогда она спросила, что это за проект, и когда я ответил, что еще рано об этом рассказывать, Александра ледяным тоном заявила, что я опять напускаю тумана. Пришлось наплести, что мы с другом планируем вместе открыть галерею, и я практически ощутил на языке

вкус лжи, кислый с горечью. Мне отчаянно не хотелось расставаться с ней, единственным желанием было – прижать ее к себе.

– Когда и где это будет? – спросила она.

Я нагромоздил новую ложь, сказав, что у друга есть помещение на юге, так что там, вероятно, получится дешевле.

– Какое-то время я буду в разъездах. Поэтому...

– Ясно, – подытожила она. – Я все поняла.

Не поверила она мне. Да и кто бы поверил? Я сам слышал, как фальшиво звучит моя история.

– Я вернусь, когда-нибудь.

– Когда-нибудь?

Мне очень хотелось немедленно рассказать ей все, но знание могло обернуться для нее опасностью. Я видел, что она уходит в себя, отступает, отстраняется. Мне хотелось крикнуть: «Пойми, я люблю тебя!» Вместо этого я тихо сказал: «Я не хочу тебя потерять» – хотя имел в виду то же самое.

На ее лице отразилась целая гамма эмоций – негодование, печаль и еще что-то, чего я не смог истолковать.

– Чудесно, – произнесла она. – Мы с тобой едва знакомы. А то, что между нами случилось, всего лишь... случай.

– Я не жалею о случившемся.

– Нет, конечно, не жалеешь... особенно теперь, когда ты уезжаешь.

Аликс явно разозлилась, потом опять как-то странно посмотрела – какие-то непонятные мне чувства боролись в ее душе под маской безмятежности – потом она вздохнула, и в этом вздохе слышалось практически облегчение.

Облегчение? Оттого, что я исчезаю, бросаю ее?

– Очевидно, происходит что-то такое, о чем ты не хочешь говорить, – сказала она, поднимаясь и застегивая пальто. – Ну и ладно. Когда будешь готов – *если* будешь готов – позвони... или не звони.

Взяв ее за руку, я судорожно искал правильные слова.

– Я позвоню тебе... когда вернусь.

– В смысле, «когда-нибудь»?

Она выдернула руку, и я вновь увидел, как ее гнев быстро сменился принятием ситуации. Но почему? Какая из этих эмоций настоящая?

Еще мгновение она смотрела на меня, словно решая, сказать что-нибудь или нет, потом повернулась и, не проронив больше ни слова, направилась к выходу.

Александра снова наполнила бокал вином и сделала глоток. Вино горчило или вся та ложь, которую она произнесла, оставила неприятный привкус во рту? Она с ненавистью окинула взглядом свою «очаровательную» квартиру: ей опостылело все, связанное с пребыванием здесь. Но больше всего она возненавидела себя; ей было отвратительно все, что она наделала. Александра вылила вино в раковину.

Ей вспомнились слова Люка: «буду занят... в разъездах... открываю картинную галерею вдвоем с другом...» Она была почти уверена, что он лжет. Она всегда понимала, что ее бросают. И ведь она это заслужила, правда?

«Я не хочу тебя потерять».

Это тоже была ложь?

Выражение его лица, когда он это произносил, было искренним, в нем было чувство, боль и еще что-то непонятное. Но разве она могла ждать от него честности, если сама лгала ему во всем?

Нет, не во всем. Не в постели, когда слились их губы. То была не ложь. И это был не расчет – она такого не планировала. Александра представила Люка обнаженным: рядом с собой, на себе, под собой, вспомнила его руки на своем теле – и зажмурилась, пытаясь прогнать эти воспоминания. Может быть, секс – это все, что ему было нужно, и, получив его, он двинулся дальше.

Александра вышла на балкон, посмотрела на город, на дома цвета роз и охры, терракотовые крыши и верхушку Кафедрального собора. Все как в книжке, подумала она, все какое-то выдуманное – и этот город, и то, что между ними произошло, бульварный роман, да и только.

Ухватившись за перила балкона, она посмотрела вниз, на маленький внутренний дворик, и наклонилась так сильно, что у нее закружилась голова. Александра выпрямилась и перевела дыхание. Она представила себе, как бросается вниз, как ее тело падает на землю... но нет, она никогда не сможет оставить мать, это просто невысказано.

Голова все еще кружилась, и Александра прилегла на диван, закрыла глаза и вспомнила, как Люк обнимал ее, когда она рассказывала ему о своей матери.

Это была правда, ведь правда же? Один из немногих эпизодов, когда она была честна.

Она вздрогнула, когда раздался звонок сотового, и на экране высветился номер.

– Да, – резко произнесла она в трубку.

– Это что за приветствие такое?

– Уж какое есть.

– Ой, мы, кажется, не в настроении?

– За всех не поручусь.

– Ты видела его?

– Да.

– И?

– Он порвал со мной отношения.

– Я тебе не верю.

– Это правда.

– Что он сказал?

– Что уезжает.

– Куда?

– Обратно в Париж... или еще куда-то. Он точно не сказал.

– Кто-то из вас двоих врет.

– Не я.

Наступила пауза.

– Ты должна еще раз с ним встретиться.

– Я же сказала, он не хочет меня видеть.

– Ты должна.

– Все кончено. С меня хватит.

– Нет. – Он говорил спокойно, но настойчиво. – Не кончено. У тебя есть обязательства, не забывай.

Александра судорожно вдохнула и медленно выдохнула.

– Но он больше не хочет меня.

– Радость моя, этого просто не может быть. Он разыгрывает из себя неприступного парня, вот и все. Придумай что-нибудь.

– Что?

– Используй свою женскую интуицию.

– Я ненавижу тебя.

– Это не очень красиво, и ты знаешь, что это неправда.

Александре подумалось, что это была единственная правда с ее стороны за последние несколько недель. Глядя на умолкший телефон, она думала о своих обязательствах – что она наобещала и почему.

Потом она стала думать о Люке. Как она его вернет – с помощью новой лжи? Еще раз соблазнить его? От мысли, что она будет снова лгать этому мужчине, которого она, кажется, полюбила, Александра чувствовала опустошение и боль.

Номер в «Палаццо Сплендор» все еще был за мной, и я отправился туда, по дороге вновь и вновь прокручивая в голове весь наш разговор и придумав десяток фраз, которые мне нужно было сказать, но я не смог. Парень у стойки регистрации посмотрел на меня с удивлением и сообщил мне то, что я уже и так знал: что мой номер обыскивал сотрудник Интерпола. Обычная апатия с него слетела, впервые за все время я вызвал у него какой-то интерес. Я сказал ему, что это недоразумение и что я останусь еще на одну ночь, а потом съеду.

То, что Смит похозяйничал в моей комнате, было очевидно: ящики комода открыты, привезенные мной газетные вырезки исчезли, хотя фото прадеда еще торчало под рамкой зеркала. Несмотря на усталость, мне не сиделось в четырех стенах, и я спустился в то кафе возле гостиницы, где впервые повстречался со Смитом. Там былолюдно и как всегда накурено. Я сел на стул у барной стойки.

Бармен узнал меня, с улыбкой кивнул и спросил, подать ли мне, как обычно, «Пеллегрينو». Я сказал «нет» и заказал чистый скотч. Подняв стакан к губам, вдохнул терпкий аромат напитка. Поставил его обратно. Мне отчаянно хотелось «накатить». Еще не меньше минуты я созерцал стакан, потом снова взял его. Вереница образов прошлого пронеслась перед глазами: пьяные шатания по улицам района, драки, в которых я был настолько проспиртован, что не чувствовал боли, провалы в памяти... Я поднес виски к губам, почувствовал его теплый вкус, разум метался: да – нет – да – нет! Потом я вспомнил, как обнимал Аликс, когда ее мучили кошмары, и как она рассказывала мне о своей матери, а я ей о своем пьянстве, и ее это не отпугнуло. Затем я вспомнил о своей работе, о должности преподавателя, висевшей теперь на ниточке, о том, каким трудом она мне досталась. Я вспомнил о своих прошлых отношениях с действительно хорошими женщинами, которых я бросил, или они бросили меня из-за моего пьянства, вспомнил, как выполз из мусорного бака после большой пьянки, последней на данный момент...

Я отставил стакан и попросил бармена убрать его. Вместо этого я заказал панини, хотя не был голоден. Чувствуя, что опасность еще не

миновала, я быстро поел и убрался оттуда.

На улице я нанял такси. Я понятия не имел, где находится церковь Святого Якова или виа Бернардо Русели, но шофер знал.

Комната находилась в цокольном этаже церкви. Они всегда располагаются в подвалах. Здесь была школьная доска и деревянные стулья с конторками, как в начальных классах. Оказалось, это действительно помещение воскресной школы, но такая обстановка могла быть где угодно: в Нью-Йорке, Бойсе, Флоренции. Все собрания «анонимных алкоголиков» похожи друг на друга, это отличалось лишь тем, что собравшиеся говорили по-итальянски. Их было около десяти, молодых и старых. Я сел, и после каждого выступления мое сердце начинало учащенно биться при мысли о том, что я могу и должен буду сказать – как близок я к пьянству – но не мог ни пошевелиться, ни произнести что-нибудь. Я словно смотрел какой-нибудь плохой голливудский фильм: чувак выпивает в баре второй, третий, четвертый стакан, потом, шатаясь, бредет по улице сам не зная куда, просыпается с похмелья, ничего не помня и ненавидя себя... а в главной роли – я сам. Я содрогнулся и стал слушать выступавшую женщину, которая рассказывала, как ее из года в год понижали в должности, пока не уволили совсем. Потом другая рассказывала о своем распавшемся браке и плакала. Знакомые истории.

Я вцепился в сиденье своего стула так, как будто от этого зависела моя жизнь, мне хотелось сбежать из этой церкви к чертовой матери, найти какой-нибудь бар и напиться. Но тут я встретился глазами с какой-то женщиной, которая покивала мне и мило улыбнулась, словно говоря: все будет хорошо, ты справишься. У меня не было такой уверенности, но этот мимолетный контакт помог мне вспомнить, что привело меня сюда. Следующим заговорил тощий, как тростинка, парень, выглядевший на пятьдесят, хотя он сказал, что ему тридцать восемь – всего на год старше меня. Он поведал о двадцати годах пьянства и наркотической зависимости и о том, что уже два года как избавился от всех этих напастей. Все аплодировали, и я тоже: так хлопал, что руки заболели.

После этого другой мужчина почитал из Большой Книги, которую я когда-то знал наизусть, хотя теперь мою память имело смысл освежить, пусть даже на итальянском. После собрания все пили кофе, и я разговорился с сексуальной пятидесятилетней итальянкой, дважды

разведенной, как она сказала. Я пожаловался ей, что никогда не делал в жизни решительного шага, а она заявила, что мне и не нужно, а потом пригласила меня к себе. В иное время я бы непременно согласился, но не теперь. Настолько я был предан женщине, которую только что оттолкнул от себя, и может быть, навсегда.

Обогнув Смита, я рухнул на единственный удобный стул в его номере.

– И ты тоже здравствуй, – сказал он.

– Не заводись. Я вернулся в Париж раньше чем через сутки и почти не спал.

– Тут лететь всего час, – ответил он, – и я тебя не заставлял.

– Час и сорок минут, – поправил я рассеянно, все еще прокручивая в голове вчерашний разговор с Александрой. – Ну, к делу.

– Сперва съешь что-нибудь. Есть булочки, сыр и кофе.

Я устал, был эмоционально истощен и умирал от голода, поэтому меня тронуло предложение Смита, сам бы я не решился попросить поесть. Пока я ел булочку и пил кофе, Смит курил сигарету и ждал.

– Знаешь, я, кажется, отказался от самой любимой женщины ради всего этого, – произнес я вслух то, что вовсе не собирался говорить.

– Все мы идем на жертвы, – ответил Смит. – Я тоже многим пожертвовал.

Мне не хотелось снова состязаться с ним, но я не удержался от замечания, что его жертвы – это часть его работы, залог продвижения по служебной лестнице, а мои жертвы сугубо личные.

Смит покачал головой и с такой силой ткнул сигаретой в пепельницу, что та чуть не опрокинулась.

– Это не входит в мои служебные обязанности.

– Что ты имеешь в виду?

Смит посмотрел на меня, потом в сторону, затем снова мне в глаза.

– Я аналитик криминальной разведки, исследователь, – он сделал паузу, – а не офицер полиции. В Интерполе такой должности нет. Наша работа состоит в том, чтобы собирать информацию о преступлении и передавать ее в те страны, которые сотрудничают с Интерполом.

– Погоди... Значит, у тебя тут нет никаких полномочий?

Он медленно кивнул. Так вот в чем она, его тайна, о которой я догадывался.

– А в Интерполе знают, чем ты занимаешься?

Смит отрицательно покачал головой.

– Тогда зачем ты этим занимаешься, зачем так рискуешь?

– Потому что я так же заинтересован в разгадке этой тайны, как и ты.

– Но если ты разгадаешь ее, ты станешь героем Интерпола.

Он издал смешок.

– Точнее сказать, если мы разберемся в этом деле и совершим важное открытие, то им будет труднее меня уволить.

– Я знал, что ты мне в чем-то лжешь.

– Ну да, а ты лгал мне сплошь и рядом. Так что мы квиты, – он вздохнул. – Ты думаешь, такому, как я, легко продвигаться по служебной лестнице в таком месте, как Интерпол?

– Не имею представления, – ответил я.

– Я двадцать лет отдал этой работе. Черт, разве о таком я мечтал... Я готовился стать новым Джеймсом Бондом, – он хохотнул и покачал головой. – Когда меня взяли в Интерпол, я думал, что чего-то добился, что я стал кем-то, а не просто безотцовщиной с окраины. Но знаешь, идя на этот сумасшедший риск, я чувствую себя как тогда, в начале пути... как будто я снова чего-то стою.

Это мне было понятно. О том же мечтал Перуджа: кем-то стать, чего-то стоить. Это то, о чем мы все мечтали в детстве, пока мир не стал слишком реальным, разрушив наши фантазии.

На минуту мы оба замолчали. Смит продолжал думать о чем-то своем, глядя в пространство перед собой.

– Знаешь, – медленно произнес он, – за двадцать лет было две женщины, с которыми у меня, можно сказать, складывались серьезные отношения. Но оба раза все кончилось плохо. Я винил их, но проблема-то была во мне. Всякий раз причиной была моя работа – нужно ведь продвигаться по службе и все такое – и к чему я пришел в итоге? Застрял на одном месте, торчу за письменным столом, мечтаю вырваться.

– У тебя еще есть время. Сколько тебе лет, кстати?

– Сорок семь.

– Черт возьми, у тебя впереди еще половина жизни.

– Ага, под названием «старость».

Сочувственно посмеявшись, я не мог не вспомнить свою ситуацию: работа под вопросом, выставляться негде, всех женщин разогнал – теперь вот и Александру туда же.

– Когда ты молод, кажется, что впереди целая вечность, – продолжал Смит. – Но однажды просыпаешься, а тебе уже сорок семь, и ты думаешь, как же, черт побери, это получилось? Знаешь, я недавно случайно встретился с одной из тех женщин, с последней, мы были вместе два года. Сейчас она замужем, у нее двое детей, она показывала фотографии на телефоне. Я сказал, что рад за нее, но мне стало как-то грустно и обидно за себя. Сколько времени впустую...

– Устроил себе поминки по напрасно прожитой жизни?

– Заткнись, – огрызнулся он. – Просто жалею, что так вышло. Мне с ней было хорошо. Иногда не ценишь то, что имеешь, пока не потеряешь это.

Я вспомнил Александру: как она сидела напротив меня в кафе, как уходила.

– Я сам во всем виноват, – горько сказал Смит. – Но я многим пожертвовал ради этой чертовой работы.

– А ты думаешь, мне легко было? Ах, да, ты же знаешь мою биографию.

– Да, знаю. И я знаю, что жизнь и тебе ничего не поднесла готовым на блюдечке. Буга-га. А ты думаешь, Бейонн может сравниться с «домами Баруха»?

– Так что, померимся – чья жизнь никчемней?

– Да пошел ты, – сказал Смит.

– Сам иди, – парировал я.

Помолчав несколько секунд, мы оба расхохотались. Мы смеялись целую минуту, перестали, потом рассмеялись снова. Смит повел широкими плечами, словно стряхивая с себя все это: смех, философию, жалость к себе.

– Погоди-ка, – он подошел к шкафчику, достал оттуда большой пластиковый пакет и вручил его мне. – Думаю, это должно быть у тебя.

В пакете лежала картина моего деда. Несколько секунд я смотрел на нее, чувствуя, как по мне разливается теплая волна, потом от души поблагодарил Смита.

– Вот теперь за работу, – сказал он. – Хотелось покончить со всем этим, чтобы вместе разработать дальнейшую стратегию.

Я спросил, на что должна быть нацелена стратегия. Смит ответил: на то, чтобы найти настоящую «Мону Лизу» или как минимум разоблачить все подделки. Он засел за ноутбук и через некоторое

время отыскал три известные копии «Моны Лизы» – в Вене, в Дюссельдорфе и еще одну в небольшом музее в Антверпене. Все они были датированы примерно тем временем, когда Шондрон делал свои подделки. «Если найдем еще одну, – говорил он, – то будет всего четыре, а если верить Перудже, их шесть». Он прибавил, что послал запрос и сейчас распечатывает статистику подделок. Я спросил зачем, но Смит уже нажал «Печать», и из его переносного принтера полезла страница.

В верхней части страницы было название и логотип Интерпола: земной шар, окруженный оливковой веткой, а ниже – весы правосудия.

– Так что означает «Интерпол»?

– Сокращение от «международная полиция».

– Вы же вроде как не полицейские.

– Мы не полицейские. Я же говорил, мы проводим расследование, потом передаем материалы конкретной полиции, а та производит аресты.

Я посмотрел на листок.

– Так это музеи, в которых есть копии «Моны Лизы»?

– Верно.

– А это что за список имен с адресами внизу?

– Коллекционеры, которых Интерпол подозревает в приобретении украденных произведений искусства и подделке. Рядом с именами – предметы искусства, которые, по нашим сведениям, принадлежат им на законных основаниях. Но они предположительно владеют другими известными произведениями в обход закона. Это краткий список – я сделал выжимку из ежегодной базы данных, которую составляет Интерпол.

Я пробежал взглядом список имен с адресами, телефонными номерами, биографическими данными: директор банка, юрист корпорации, бывший торговец «мусорными» облигациями.^[76] Почему же их не арестуют, спросил я, и Смит ответил, что у Интерпола нет фактических доказательств, только подозрения, что каждый из них как-то связан с кражей хотя бы одного из знаменитых шедевров.

– Все они богаты и свои руки пачкать не станут, – он сделал паузу, выдыхая дым. – Раз уж ты со мной в деле, ты должен знать такие вещи.

– В деле? Значит, мы с тобой подельники?

– Кроме шуток. – Смит положил мне руку на плечо, и почувствовал то самое, что объединяло нас, ребят с Килл Ван Кулла: дух товарищества и ощущение опасности. – Мы теперь в одной лодке, Перроне.

– А потом что? Я вернусь к своей обычной жизни? – Сам я уже плохо представлял себе, что это такое: обычная жизнь была где-то далеко в прошлом, к тому же она казалась мне чужой и скучной.

– Ну да. А я обратно за свой стол, – ответил он, хотя я знал, что он надеется на стол получше. – Я хочу разобраться с этими коллекционерами. У кого-то из них может быть копия Шодрона или даже настоящая картина. Ты не хочешь это выяснить?

Я сказал, что хочу, и Смит в первый раз за все время искренне улыбнулся.

– Я уже переслал тебе этот список на почту.

Я кивнул, потом вспомнил про вырванные из дневника страницы. Достав листки из кармана куртки, я объяснил Смиту, что они хранились за картиной Вермеера. Записи на них были разделены жирными линиями, некоторые датированы, другие нет, но с первого взгляда было понятно, что они написаны после освобождения Перуджи из тюрьмы. Мне потребовалось несколько минут, чтобы убедиться, что листы и предложения на них идут по порядку.

Смит все это время стоял у меня над душой и курил. Я отмахнулся от дыма.

– Ты знаешь, что курение тебя убьет?

– Знаю, когда-нибудь – непременно. – Он затянулся и стал ходить туда-сюда по комнате. – Но не сегодня.

Я попросил его хотя бы сесть и не действовать мне на нервы.

– Так что там написано? Переводи по ходу чтения.

Полистав страницы, я придумал другой вариант.

– Слушай, это получится долго, и у нас обоих ум за разум зайдет, – и я предложил Смиту отдохнуть, прогуляться и дать мне время самостоятельно прочитать эти страницы, чтобы потом я мог спокойно и внятно пересказать ему содержание. Дело было не только в этом: честно говоря, мне хотелось отдохнуть от него и его непрерывного курения.

– Ты перескажешь подробно, ничего не пропуская, – произнес Смит с утвердительной интонацией. Когда я заверил его в этом, он

кивнул и ушел.

Чтение заняло у меня примерно два часа. Я сделал несколько пометок, хотя не особо в них нуждался – содержание этих страниц врезалось мне в память. Закончив, я позвонил Смиту на сотовый.

Он вернулся в номер, настолько пропахший табачным дымом, как будто за ним тянулось ядовитое облако, но на сей раз я ничего не стал говорить.

– Приготовься слушать долго и терпеливо, если хочешь узнать все в подробностях, – предупредил я. – Рассказ займет немало времени.

Смит развалился на диване и закрыл глаза.

– Надеешься услышать сказку на сон грядущий?

– Так мне проще представить, что там случилось.

– Хорошо, поведаю в красках и в деталях, постараюсь нарисовать хорошую картину, – сказал я и начал подробно пересказывать все, что написал Перуджа.

Винченцо вспомнил ночи, которые проводил, наблюдая за домом Шодрона вскоре после того, как тот закончил изготовление подделок. Он видел, как приходили и уходили курьеры, всегда торопливо, всякий раз среди ночи.

Однажды, когда один из них вышел с плоским пакетом под мышкой, Винченцо последовал за ним. Человек шел долго, не останавливаясь и не замедляя шаг, пока не оказался в седьмом округе, где живут самые богатые парижане. Богато украшенные здания, иностранные посольства и гигантский богомол Эйфелевой башни. Здесь мужчина замедлил шаг, вглядываясь в каждый встречный дом, и наконец, вошел в угловое здание с видом на Марсово поле, роскошный частный особняк с белыми колоннами и балконными окнами, увенчанный большим серебряным куполом.

Вскоре посыльный вышел, уже без ноши, и Винченцо вновь последовал за ним. Тот завернул в небольшой бар, Винченцо сел рядом. Тот заказал себе выпивки, потом еще, беря банкноты из большой пачки и весело отмечая хороший куш. Выждав момент, Винченцо придвинулся вплотную, сунул под пальто курьера руку с ножом, приставив острие к сердцу, и приказал встать. Второй рукой он обнял курьера за плечи, как лучшего друга, который немного перепил, и повел его в туалет. Там Винченцо приставил ему нож к горлу и спросил, кому он только что отнес картину Шодрона.

– Не понимаю, о чем вы говорите!

– Я тебя убью, – вполне серьезно пообещал Винченцо и уколол курьера ножом.

Этого оказалось достаточно, чтобы мужчина заговорил. Он признал, что относил картину Шодрона, хотя нанял и заплатил ему Вальфьерно. Он поклялся, что никогда раньше не встречал Шодрона, его наняли как курьера и больше он ничего не знает.

– Ты останешься целым и невредимым, если не скажешь ни слова о нашей встрече Шодрону и Вальфьерно, – сказал Винченцо. – Но если расскажешь, клянусь, я найду и убью тебя!

Затем он проводил этого человека до дома, чтобы узнать его адрес, и на прощанье еще раз пригрозил лишить его жизни, если тот не

сохранит их встречу в секрете.

Теперь, когда Винченцо вышел из тюрьмы, ночи, которые он провел, наблюдая за домом Шодрона и курьерами, должны были окупиться.

Ранним утром он пришел в седьмой округ, нашел тот дом с серебряным куполом, сел на скамейку в скверике напротив и стал ждать. В восемь утра оттуда вышел высокий и представительный мужчина в очень хорошем костюме, с дорогим кожаным портфелем в руке. Винченцо прошел за ним несколько кварталов и вошел в банк, подождал, пока мужчина зайдет в кабинет, и прочитал медную табличку на двери: Жорж Фурнье, президент.

Сзади к нему подошла женщина, сказала, что она секретарша господина Фурнье, и спросила, что ему нужно. Винченцо ничего не ответил. Ему не нужен был скандал. Что бы ни сказал бедняк в споре с богачом, он окажется неправ.

Он вернулся на ту же скамейку и прождал до конца дня. Во рту у него пересохло и в животе урчало, но он не решился покинуть свой пост. Наконец, он увидел, как банкир показался из-за угла. Винченцо встал и быстро подошел к лестнице у входа в дом Фурнье.

Он не отошел в сторону, когда банкир приблизился.

Фурнье посмотрел на него, как на обычного нищего. Он пригрозил, что позовет жандарма; на лице его были написаны раздражение и отвращение. В ответ Винченцо произнес лишь «Ив Шодрон», и хотя глаза Фурнье чуть расширились, он заявил, что не знает такого. Винченцо не двинулся.

Банкир еще раз пригрозил позвать полицию, на что Винченцо ответил: «Отлично. Мне представится возможность рассказать им о картине, которую вы не так давно купили у Шодрона и Вальфьерно».

После этого Фурнье провел Винченцо в дом. Они прошли мимо удивленной горничной и поднялись по роскошной лестнице в маленькую библиотеку. Там банкир снова сказал, что понятия не имеет, о ком идет речь.

– Если это правда, – спросил Винченцо, – тогда зачем вы меня сюда привели?

Фурнье промолчал, и тогда Винченцо сказал, что купленная банкиром картина является подделкой.

– О чем вы говорите?

– Та картина, которая находится в вашем распоряжении, «Мона Лиза», скорее всего, поддельная.

Фурнье старался сохранять самообладание, но у него начал подергиваться уголок рта.

– Вы, должно быть, сумасшедший!

– Меня зовут Винченцо Перуджа, я был осужден за кражу «Моны Лизы» и сидел в тюрьме. Уверен, вы читали обо мне в газетах. Я украл эту картину для Вальфьерно, он обещал мне заплатить. Это долгая история, и я не стану утомлять вас подробностями, но Вальфьерно и Шодрон скрылись, и я должен их найти. Поэтому я здесь.

– И какое отношение все это имеет ко мне? – спросил Фурнье, продолжая свою игру.

– Шодрон вписал кое-что в каждую из своих подделок, – продолжал Винченцо. – А сделал он не одну копию. Вы не единственный, кто был обманут этой парой мошенников. Если вы позволите мне посмотреть на картину, я смогу это доказать.

– Какие у вас доказательства?

– Шодрон оставил метки на всех своих подделках.

– Скажите мне, какие именно, и я сам проверю.

– Итак, вы признаете, что картина у вас.

– Ничего я не признаю!

– Месье, если бы это было не так, вы бы давно вышвырнули меня отсюда. Пожалуйста, не тратьте понапрасну мое и свое время, и покажите мне картину!

– Откуда мне знать, может быть, вы просто хотите украсть ее у меня? Вы же сидели за кражу.

– За кражу я уже отсидел. А теперь единственная моя цель – месть, но не вам.

Фурнье заставил Винченцо вывернуть карманы и проверил, нет ли у него оружия. Все, что он нашел – баночка скипидара и небольшой кусок ткани, которые Винченцо захватил с собой. Банкир осведомился, зачем ему это, и Винченцо ответил: «Увидите».

Поразмыслив еще немного, Фурнье повел его еще по одной лестнице, затем по длинному коридору. В конце коридора он спустил с потолка чердачную лесенку, по которой они с Винченцо поднялись наверх.

Винченцо ожидал увидеть там обычный пыльный чердак. Вместо этого он увидел идеально чистое помещение с побеленными стенами и блестящим деревянным полом. Там стояли четыре мольберта, а на каждом – накрытая тканью картина. Перед ними – стул, а возле него – столик с бутылкой бренди, хрустальный бокал и пепельница с недокуренной сигарой. Это была приватная галерея господина Фурнье!

Банкир снял покрывало с одной из картин – там действительно оказалась она, со своими всепонимающими глазами и загадочной улыбкой. На миг Винченцо показалось, что он ошибся, и перед ним действительно оригинал работы Леонардо. Он подошел к картине и взялся за раму.

– Что вы делаете? – вскрикнул Фурнье.

– Хочу перевернуть, – ответил Винченцо. Так он и сделал: перевернул ее и поставил обратно на мольберт. Потом он наклонился и внимательно осмотрел часть картины возле рук Лизы дель Джокондо. – Есть. Видите эти две меточки?

Фурнье подошел ближе.

– Да. Что это такое?

– Инициалы. У и С. Ив Шодрон. Он подписал свои копии! – потом Винченцо посоветовал Фурнье понюхать картину. – Вам не кажется странным, что такая старая картина до сих пор источает запах льняного масла и лака?

Не дожидаясь ответа, Винченцо открыл принесенную банку со скипидаром и пролил несколько капель на чистую ткань. Прежде чем Фурнье смог остановить его, он провел это тканью по небольшому фрагменту холста, а затем развернул ткань, чтобы банкир увидел, что она испачкана краской.

– Неужели вы думаете, что краска пятисотлетней давности так легко снимается? Нет, месье, это не так.

Фурнье уже снимал покрывало с картины на другом мольберте – там оказался натюрморт с фруктами и цветами.

– Эта картина совершенно легально куплена мной в солидной картинной галерее. Ее происхождение неоспоримо. – Он выхватил тряпочку со скипидаром из рук Винченцо и потер ей уголок натюрморта. Ткань осталась чистой.

– У вас есть как минимум одна подлинная картина, – констатировал Винченцо.

Нахмурившись, банкир раскрыл третью картину – венецианский пейзаж.

– Каналетто, – сказал Фурнье. – Купил в той же галерее. У меня есть документы, подтверждающие ее аутентичность.

Когда он провел по этой картине тряпкой, ткань также не запачкалась. Тогда банкир снял покрывало с четвертой картины, которую Винченцо сразу же узнал.

– Эту вы тоже купили у месье Шодрона, – произнес он.

– Как вы догадались?

– Я видел ее у него в мастерской. Она называется «Севрская дорога». Оригинал хранится в Лувре.

Поджав губы, Фурнье провел наскипидаренной тканью по пейзажу – на ней осталась краска. Затем банкир вновь обратился к «Моне Лизе», взгляделся в инициалы. Он потер картину тряпкой в другом углу, потом еще раз – ткань всякий раз оказывалась испачканной в краске.

– Я-то думал, что она моя, – произнес Фурнье, и в его голосе звучала смесь отвращения и поражения. – Каким же я был дураком!

Винченцо в душе был согласен и не испытывал жалости к банкиру, но ему была нужна его помощь.

– Нас обоих одурачили.

– Я хочу их смерти! – воскликнул Фурнье.

– Но сперва вы хотели бы вернуть свои деньги, не так ли?

– Вы можете их разыскать?

– Я полон решимости это сделать. Но я понятия не имею, где они скрываются. Я надеялся, что вы это знаете.

Банкир покачал головой, потом задумался.

– Погодите-ка... Я купил еще одну картину у Вальфьерно всего несколько месяцев назад.

Винченцо попросил показать ее.

– Я продал ее, – ответил Фурнье. – Вероятно, это очередная подделка, и если так, то я теперь замешан в преступлении. Но дело не в этом. Важно, как я купил ее и где – в студии Шодрона на юге Франции.

– И вы там были?

– Нет. Картину привез курьер. Мне показали дагерротип картины, я заплатил половину авансом, вторую половину после доставки.

– Кому вы отдали деньги?

– Вальфьерно. Он был посредником, дела всегда вел он. С Шодроном я никогда не встречался.

– А этот курьер, его можно найти?

– В этом нет необходимости, – Фурнье открыл ящик в стоявшем рядом столике, вынул оттуда карточку с надписью «Кафе Блю» и подал ее Винченцо. – Вот. Это в городке Лакост, в департаменте Воклюз. Это все, что я знаю от Вальфьерно, и курьер знает не больше.

– Так вы посылали своего курьера?

– Да. Он встретился с Вальфьерно в кафе, отдал деньги и получил картину.

– И это было несколько месяцев назад?

Банкир кивнул.

Винченцо сунул карточку в карман.

– Значит, вы поедете туда?

– Да. Прямо сейчас.

– Я поеду с вами. Хочу встретиться лицом к лицу с этими подонками! – воскликнул Фурнье, стиснув кулаки.

– Месье, вы президент банка. Готовы ли вы подвергать такому риску свою репутацию?

Фурнье глубоко вдохнул, посмотрел на Винченцо, потом на свой фальшивый шедевр.

– Нет, я вынужден довериться вам.

Итак, они заключили договор: если Винченцо заставит мошенников вернуть деньги, он отдаст большую часть их Фурнье, а себе оставит треть в качестве награды.

По правде говоря, делиться с Фурнье Винченцо не собирался. Деньги ему были нужны, чтобы вернуть себе сына, и это все, что его заботило. Банкир мог себе позволить лишиться части денег. Но Винченцо не мог.

«Кафе Блю» находилось в центре небольшого средневекового городка Лакост. Со станции Винченцо шел пешком. На железнодорожный билет пришлось потратиться, хотя и это он с трудом мог себе позволить. Идти пришлось долго, хотя даже в холодную и сырую погоду древний город выглядел красивым и уютным. Кафе

оказалось простым и чистеньким: на столиках скатерти в бело-голубую клетку, занавески в тон.

Официантка, юная симпатичная блондинка, с улыбкой поприветствовала Винченцо, и тут восприятие сыграло с ним злую шутку: он на миг увидел в ней Симону. Он не смог подавить тяжелый вздох.

Официантка спросила, что с ним.

– Все хорошо, спасибо. Дайте бренди, пожалуйста. Холодно сегодня. – Он потер руки.

– Да, это ужасно, дождь льет целыми днями. Как я скучаю по солнцу!

То же самое говорила Симона в холодные дни в Париже, вспомнил Винченцо.

– Вы живете в этом городе?

– Да, всю свою жизнь. – Она посмотрела на него, очевидно, застеснявшись, что разоткровенничалась с незнакомым мужчиной, и Винченцо улыбнулся, чтобы успокоить ее. – А вы откуда, месье?

Винченцо едва не сказал: «Ниоткуда».

– Из Парижа, хотя я не всегда там жил.

– О, Париж! Я там никогда не была, хотя мечтаю съездить. Там очень красиво? – Ее лицо приняло мечтательное выражение.

– Да, очень, – Винченцо вдруг захотелось рассказать все этой девушке, так похожей на Симону.

– Когда-нибудь я обязательно съезжу.

– Съездите. Париж вас хорошо примет. Этот город ценит красоту, – не удержался Винченцо, сразу же отругав себя за этот флирт.

– Ой, ваш бренди! – Она покраснела и поспешила уйти. Широкая юбка взлетала выше колен, вновь вызвав в памяти Симону.

Винченцо посмотрел ей вслед, потом заставил себя отвести взгляд. Вытащив из-под куртки свой дневник, он открыл его, написал крупно, во всю ширину страницы: «Прибыл. Кафе Блю», – и отложил в сторонку. Подробности можно записать потом.

Девушка вернулась и поставила перед ним стакан бренди.

– Не хотите ли поесть что-нибудь? У нас есть замечательный омлет с травами и...

– Возможно, чуть погодя. После этого... – Он поднял стакан с бренди. – Вы случайно не знаете моего друга и коллегу, здешнего

художника?

– Так вы художник? Как чудесно! Я было подумала, что вы писатель, – она посмотрела на тетрадь в синей обложке.

– А это... Это просто... блокнот, ничего особенного. – Он придвинул к себе дневник. – Моего друга-художника зовут Ив Шодрон, мне кажется, он живет где-то неподалеку.

– Тут в округе живет несколько художников.

– Это такой маленький мужчина с усами и...

– Чем могу помочь? – К официантке подошла женщина лет пятидесяти, ее тон был холодным и настороженным.

– Моя мама, – сказала девушка.

Винченцо встал и слегка поклонился. Женщина не улыбнулась и продолжала смотреть на него с подозрением.

– Кого вы ищете? – спросила она.

Винченцо заново описал Шодрона, и женщина отрицательно покачала головой, коротко и резко.

– Может быть, вы знаете его друга? – Винченцо, не называя имени, описал Вальфьерно, начиная с острых черт лица и заканчивая хромотой и серебряной тростью.

Лицо женщины словно открылось, а потом закрылось снова:

– А почему вы интересуетесь?

– У нас когда-то были дела в Париже... – как можно беззаботней произнес Винченцо. – Я проходил мимо и вспомнил, что он, кажется, живет где-то неподалеку...

Женщина оглядела его: иностранная внешность, поношенный пиджак.

– Я не знаю такого человека, месье. – Она повернулась к дочери. – Бриджит, здесь есть и другие клиенты.

Винченцо видел лишь двоих: парочку за столиком в другом конце зала.

– Да, мама, – сказала Бриджит и отошла.

Винченцо отпил бренди; он был уверен, что мать знала Вальфьерно, он понял это по ее лицу. Через какое-то время он сделал знак Бриджит.

– Еще бренди, месье? Может быть, теперь поедите что-нибудь?

– Да. Еще бренди, и тот омлет, о котором вы говорили. – У Винченцо было мало денег, но он был голоден и хотел еще немного

посидеть здесь. Ему нужно было получить ответы на свои вопросы. Вальфьерно и Шодрон были где-то рядом, он это чувствовал.

Пока он курил, Бриджит принесла еще бренди и поставила на стол омлет. Его золотистая поверхность была посыпана зелеными травами. Винченцо взял вилку.

– Омлет восхитительный. Это вы готовили?

– О, нет. Готовит моя мать.

– Передайте ей, пожалуйста, что это великолепно.

– Скажу, – ответила девушка. – Не обижайтесь на маму. Она бывает резковата с незнакомыми людьми.

– Прекрасно ее понимаю. Прошу прощения, если был невежлив с ней.

– Ах, нет, – произнесла Бриджит и запнулась, словно не решалась сказать что-то еще. Потом она, чуть наклонилась, будто для того, чтобы переставить солонку с перечницей, хотя в этом не было никакой необходимости.

– Тот человек, о котором вы говорили, – прошептала она, – тот, что хромым и с тросточкой, такой странный тип, он сорит деньгами в городе и часто обедает и выпивает здесь. Моя мама боится потерять такого клиента.

– Да мне только парой слов перекинуться. Мы давно не виделись. Когда живешь в таком большом городе, как Париж, понемногу забываешь старых друзей. Мы когда-то были очень дружны, и мне бы хотелось просто повидаться с ним.

Бриджит украдкой оглянулась, затем снова наклонилась и прошептала:

– Он живет в старом каменном доме с голубыми ставнями и высокими вечнозелеными растениями вокруг, примерно в двух километрах к югу от города. Это единственный дом в тех местах. И второй, о котором вы говорили, художник, он тоже там живет.

Винченцо поблагодарил ее, взяв за руку. Ему хотелось прижать эту руку к своей щеке, и хотя бы разок назвать девушку Симоной.

Помедлив секунду, Бриджит осторожно высвободила руку, а когда он поднял на нее глаза, покраснела и поспешила уйти.

Снаружи все так же моросило. Винченцо сунул дневник за пояс и надел куртку. Заглянув в окно кафе, он в последний раз посмотрел на Бриджит. Почувствовав неловкость из-за того, как он вел себя с этой

девушкой, он быстро пошел по улице мимо выстроившихся вдоль нее магазинчиков, пока не миновал старую каменную городскую стену. Здесь тротуар сменился грунтовой дорогой.

Теперь Винченцо дал волю возбуждению и ярости, которые подавлял в душе много месяцев. Он шагал, и гнев разгорался, придавая ему сил. Он хотел получить лишь то, что ему причиталось, но готов был драться за это. Складной нож в кармане постукивал по его ноге при каждом шаге.

Облака разошлись, и лучи солнца осветили каменный дом с голубыми ставнями. Дом одиноко стоял на склоне холма; высокие вечнозеленые растения, о которых говорила официантка, стояли по обеим сторонам от него, как часовые.

Винченцо достал дневник и сделал в нем последнюю запись.
– Trovati! – написал он. – Я нашел их!

– Ничего себе! – Смит встал, закуривая новую сигарету. – И что дальше? Он поехал в Париж? Продал картину?

– Не знаю. Больше ничего не написано.

– Издеваешься? Вот черт... Ну, ладно, во всяком случае, мы знаем главное – как опознать поддельных Джоконд.

Это была правда, и я приехал сюда для того, чтобы именно это узнать. Почему же в душе у меня была пустота и чувство невосполнимой потери?

Смит уже сидел за ноутбуком, барабанил пальцами по клавиатуре.

– Надо пробить этого Фурнье по базе данных Интерпола, – сказал он. – Вдруг на него что-нибудь имеется.

– Прошло сто лет.

– Всякое бывает... Нет, на Жоржа Фурнье ничего нет. – Он поработал еще пару минут, потом повернул ноутбук ко мне экраном.

– Что мы здесь видим?

– Гугл-карты, вид улицы.

Большую часть экрана занимал величественный дом с серебряным куполом на крыше.

– Дом банкира... Он все еще там?

– Да, – подтвердил Смит, – и завтра мы пойдем и проверим его.

– Говорить буду я. – Смит взялся за дверной молоток. Молоток был большой, металлический, возможно, железный: тяжелое кольцо свисало из пасти какого-то рогатого существа. Он выглядел старым, дорогим и немного устрашающим, как и все остальное в этом доме с куполом.

Дверь открыла женщина лет шестидесяти, в бежевой прямой юбке и блузке. Смит показал свое удостоверение Интерпола, представил меня как своего «помощника», и я снова почувствовал возбуждение, которое вело свое начало уже из более ранней эпохи, чем подростковая компания: маленькие дети, собравшиеся поиграть в «войнушку».

Смит сказал, что мы пришли по старому, но поднятому заново делу, добавив «rien de sérieux»^[77] – по-моему, он очень неплохо говорил по-французски, но женщина ответила на английском, как обычно делают французы. Вид у нее был настороженный, и на Смита она смотрела с подозрением.

– Вы мадам Леблон, нынешняя владелица этого дома?

Она кивнула, и Смит попросил разрешения войти в дом. Поколебавшись, женщина открыла дверь и провела нас через фойе в большую гостиную с современной мебелью и абстракционистскими картинами на стенах, смотревшимися неуместно в таком солидном старом доме. Указав нам на гладкий кожаный диван, сама она устроилась на стуле с жесткой спинкой и выжидающе посмотрела на нас, слегка прищутив глаза.

Смит спросил, давно ли она живет в этом доме.

– А что?

– Это просто вопрос, мадам.

– Да, – ответила женщина. – Я прожила здесь большую часть жизни. Этот дом принадлежал моему отцу, а до него – деду.

– Здесь проживает кто-нибудь еще?

– Нет, я живу одна. Это так важно?

Мне хотелось посоветовать Смигу не торопиться и вести себя обходительней. Было видно, что он занимался на службе аналитикой, а не общением с людьми; его манере вести беседу недоставало обаяния.

Смит сказал, что это просто формальность и тут же переспросил, одна ли одна живет.

– Да, – повторила она. – Я разведена. У меня есть сын, но он с женой живет отдельно на острове Сен-Луи^[78]. Так в чем, собственно, дело?

– Вашего деда звали Жорж Фурнье?

– Дедушку с материнской стороны. Он умер до моего рождения.

– Можно узнать, как...

– Месье, – перебила Смита мадам Леблон и поднялась со стула. – Прежде чем я отвечу на следующий вопрос, вам придется объяснить, в чем причина вашего появления здесь.

Я слегка похлопал Смита по руке, но он не обратил на это внимания.

– Мадам, вам совершенно нечего опасаться.

– Хотелось бы на это надеяться! Я ничего не знаю о делах моего деда.

– Но вы живете в его доме.

– Это преступление?

– Нет, конечно.

– Я не хочу больше об этом говорить!

– Не нужно так волноваться, – сказал Смит. – Еще несколько вопросов, и все. Сядьте, пожалуйста.

Мадам Леблон послушалась, хотя и без особого восторга. Она рассказала, что унаследовала этот дом после смерти своих родителей. На вопрос Смита, от чего они умерли, она, поколебавшись, ответила: «погибли в автомобильной аварии, много лет назад». По ее словам, дедушка был честным и достойным восхищения человеком, и даже если случайно имел дело с какой-нибудь картиной сомнительного происхождения, то, безусловно, по неведению.

– Эта история с картиной лишь недавно всплыла, – вставил я. – Поэтому мы проверяем все, что с ней связано.

Мадам Леблон была удивлена, но впервые за все время заинтересовалась.

– К сожалению, от коллекции моего дедушки уже давно ничего не осталось, – заметила она, – кроме одной шуточной картины.

– Какой именно?

– Пойдемте посмотрим.

По контрасту с ярко освещенной и современной гостиной, в кабинете было темно, переполненные книжные шкафы ломались от книг, обивка на креслах полопалась, обои отлипали от стен и понемногу скручивались обратно в рулон.

Но все это не имело значения. Единственное, что привлекло мое внимание – это картина.

– Забавно, не правда ли? – сказала мадам Леблон. – Шутка, как я ее называю.

Нам со Смитом не было забавно, мы заворожено смотрели на картину, висевшую на стене без рамы, просто на проволочке.

– Думаю, для копии это довольно неплохо, – продолжала она.

Я подошел ближе, изучая манеру письма художника – мягкое размытое сфумато. Инициалы я тоже разглядел, даже в перевернутом виде.

– Эта картина тоже принадлежала вашему дедушке? – невозмутимым тоном спросил Смит.

– Думаю, да. Она висела на этом месте всегда, сколько я себя помню. Здесь был кабинет дедушки, потом отца. Мне не хотелось ничего менять. Может быть, это сентиментально с моей стороны, но после смерти отца я решила оставить все как есть.

Она повернулась к нам.

– Но она же не может быть той картиной, которую вы ищете?

– Это она, – ответил Смит.

Мадам Леблон попросила объяснений, и он сказал, что таких подделок несколько, и Интерпол составляет их каталог, чтобы их не могли выдать за оригинал.

– Кто же поверит, что это подлинник, – недоверчиво спросила она, – если все знают, что оригинал хранится в Лувре?

– Бывают люди, которых легко одурачить, – уклонился от объяснений Смит.

– Господи, если бы я знала, что это возможно, я бы давно продала ее за миллион евро! – Мадам Леблон даже рассмеялась, потом посерьезнела. – Шучу, конечно. Это была единственная картина, оставшаяся во всем доме, когда я его унаследовала. Насколько я знаю, моя мать распродала всю дедушкину коллекцию после его смерти.

Не удержавшись, я спросил, как умер ее дед.

– От сердечного приступа, кажется, – ответила она, нахмурившись, – во время отдыха на юге Франции.

Смит, уже держа наготове мобильник, попросил разрешения сфотографировать картину. Сделав несколько снимков общим планом и вблизи, он попросил разрешения на время снять картину со стены.

– Боже мой! – воскликнула мадам Леблон, увидев искусно воспроизведенные пятна и печать Лувра на обороте картины. – Я никогда не смотрела на эту сторону. Как интересно!

Смит ничего не сказал, продолжая щелкать камерой мобильного. Пока он фотографировал, я задал еще один вопрос.

– Вы говорите, что ваш дедушка умер на юге Франции. Вы случайно не знаете, в каком именно городе?

– Это какой-то маленький городок в департаменте Воклюз, – ответила мадам Леблон. – Кажется, Лакост.

Лакост.

Средневековый город, описанный в дневнике Винченцо, всплыл в моем сознании, вместе с множеством вопросов. Нашел ли он Вальфьерно и Шодрона? Получил ли свою долю? Увидел ли вновь своего сына?

Сидя на скамейке в скверике, он иногда ворочается и пощипывает себя за простреленный бок, чтобы вновь ощутить боль, вспомнить, что он жив и ему предстоит еще работа. Начинается дождь, он чувствует холод и отвращение. Недавно он позвонил посреднику и передал, что те двое зашли в дом с серебряным куполом. Ему велели подождать и выяснить, кто там живет.

Он смотрит на часы: они вошли полчаса назад.

С Американцем теперь ходит тот, высокий и явно крепкий, с которым он дрался. Надо будет с ним поквитаться. Проигрывать неприятно, такое с ним редко случается. Там, откуда он родом, проиграть бой, вообще проиграть – невыносимо, даже наказуемо.

В сознании всплывает образ: брат падает, из него брызжет кровь и впитывается в землю. Андрей, высокий, светловолосый, ему девятнадцать, он на год старше, его лучший друг, его герой. Они поклялись никогда не расставаться, и они сдержали слово, даже когда Андрей умер у него на руках. Вокруг гибли и другие солдаты... да какие там солдаты, мальчишки необстрелянные.

С того ли момента – когда погиб брат – ему стало все равно? Или после того, как он видел множество мертвых детей, убитых кассетными бомбами, выпущенными то ли «сепаратистами», то ли «нашими»? Кто знает? Он зажмуривается и думает, что потеря брата сделала его бесчувственным. Хотя на самом деле одно чувство у него осталось – это желание умереть.

Входная дверь открывается, и видение прошлого рассеивается, расплывается, как кадр старой пленки, застрявшей в проекторе.

Те двое спускаются по ступенькам. Он сдвигает шляпу на лицо, но они так увлечены разговором, что проходят совсем близко, даже не взглянув на него. Он слышит, как Американец произносит «Лакост». Он понятия не имеет, что это, но решает выяснить.

Когда они доходят до конца квартала, он достает свой мобильник, следит, как красная точка сворачивает за угол, встает, потягивается и зевает. Он так устал от всей этой слезки и сидения в засаде, его выдержка и самообладание иссякли, ему уже сорок один год, а может, сорок два – фальшивые документы приходилось менять так часто, что

он уже не помнит свой возраст. Что ему нужно, так это поразмяться. Позабавиться. Он подходит к входной двери дома с серебряным куполом и берется за дверной молоток.

– Из Лувра позвонили, – сообщил Смит, вернувшись в номер после очередного перекура.

– Быстро они. Ты же только отослал фотографии, сделанные у мадам Леблон?

– А ты бы не позвонил человеку, приславшему тебе фотографии еще одной «Моны Лизы», будь ты куратором в Лувре? – Смит помолчал. – Они позволят мне осмотреть настоящую картину, учитывая полномочия Интерпола, но есть одна загвоздка... Я должен идти один.

– Что? Я-то думал, мы заодно. Один за всех, и все за одного! Ты называл меня своим помощником... Значит, ты «слил» меня, Смит?

– Нет. Просто они требуют документы, а у тебя их нет.

– А у тебя, значит, есть? Надолго ли? – Я понимал, что бью ниже пояса, но слишком уж обидно мне стало. Мне хотелось быть там, принять участие в открытии, каким бы оно ни было. Ведь я это заслужил.

– Таково их условие, нравится тебе это или...

– Условие, которое ты принял.

– Послушай, мне и так пришлось на них давить. Я пригрозил опубликовать то, что у нас есть, если они не дадут мне посмотреть на картину, но это все, что мне удалось добиться. К тому же, я не могу выполнить свою угрозу. Сегодня вечером, после закрытия, я иду в Лувр на частный просмотр с директором. Таков договор, и он окончательный.

Вот чем все в итоге закончилось; вот награда за все, чем я рисковал – я оказался за бортом. Я долго молча смотрел на него, потом опустил на стул.

– Я ведь говорил тебе, что мне кое-что нужно, что я, может быть, напишу об этом, и ты согласился.

– Может, и напишешь, если ты так этого хочешь.

– Это не вопрос желания. От этого зависит моя работа. – Я смотрел в окно на клонившееся к закату солнце, и возбуждение вместе с разочарованием выходило из меня, как воздух из пробитой шины.

Столько напряжения, надежд и потерь... все напрасно? Если я не смогу написать об этом открытии, что мне вообще теперь делать?

– Слушай, я обещаю рассказать тебе все, что удастся найти. Мы хорошо поработали, дружище, и дело еще не закончено.

– Для меня закончено.

– Это неправда. Перестань ныть, Перроне, это некрасиво.

– Вот как, ты собираешься давать мне уроки красоты? Сейчас ты посоветуешь мне взять себя в руки и быть мужчиной.

– Не-а, я знаю, что это бесполезно. – Смит улыбнулся, но я не ответил на улыбку. – Как бы то ни было, надо прошерстить тот список коллекционеров, который я тебе дал.

– Почему ты думаешь, что я еще буду тебе помогать?

– Потому что ты очень хочешь знать правду, так же, как и я.

Он стоит напротив гостиницы, глядя на ее потертый кирпичный фасад и дрожа от холода. В Париже еще холодней, чем во Флоренции. Он обещает себе отпуск, где-нибудь в теплых краях, на Карибском море, а еще лучше, на Майами-Бич. Он был там год назад, и ему понравилось: пастельные тона гостиниц, океанские волны, кубинская кухня. Хотя насладиться всем этим было некогда, сработать нужно быстро: день на то, чтобы найти объект, на второй день устранить его, на третий – уехать. На сей раз, он снимет номер в одном из этих отелей персикового цвета, закажет обслуживание в номер и проститутку. Он представляет себе, как лежит под солнцем Флориды, и его бледная кожа постепенно розовеет... его мечты прерывает виброзвонок сотового телефона. Он держит его на удалении от уха – противный гнусавый голос посредника и так слышно.

– Мы получили вашу посылку.

– Хорошо, – отвечает он, припоминая, как снял картину со стены и спрятал ее под куртку, вспомнил дорогой парфюм той богачки, и как он требовал от нее рассказать, что нужно было тем двоим. Она призналась, что они приходили насчет картины, шуточной подделки, и что они сфотографировали картину, и что это были агенты Интерпола. Последнее стало для него сюрпризом, хотя он не очень-то в это поверил. Второй – еще может быть, но Американец-то нет.

– Босс будет доволен, – произнес посредник.

– А как вам?

– Мне? Я даже не открывал пакет. Переслал – и все.

Он знал, что посредник лжет. Несомненно, он вскрывал пакет и видел картину. В этом бизнесе каждый лжец и мошенник, а знание – это сила.

– Вы следите за ними?

– Да. – В его ушах еще звучали стоны богачки: он затягивал на ее шее жемчужное ожерелье, пока она не угомонилась. Оплошал, увлекся. С другой стороны, он ведь всегда подстраховывается, никогда не оставляет свидетелей, которые могли бы его опознать. Посреднику он ничего об этом не рассказал – с какой стати? Он добыл для них нужную информацию, плюс картину, бонусом, бесплатно. Какое им

дело, что он немного позабавился, если результат на выходе тот же? Пусть спасибо скажут.

– Вы слушаете?

– Да, – отвечает он, поднимая взгляд на окно гостиницы: его огонь сияет на фоне парижской ночи.

– Дневник у них, – гнусавит посредник. – Босс говорит, что пора его забрать.

Наконец-то, думает он, хотя ему этого кажется недостаточно. Так как быть с Американцем и тем вторым, который работает на Интерпол?

Им нельзя позволить просто так уйти.

Последние несколько кварталов мы шли пешком: Смит хотел сосредоточиться перед встречей в Лувре. Я быстро замерз. К тому же шел снег, и я сказал об этом Смицу.

– В Париже не бывает снега, – рассеянно ответил он.

Раскрытыми ладонями я стал ловить снежинки, летевшие с ночного неба. Они быстро таяли.

– Это называется снег, Смит. А я замерз.

Он велел мне перестать хныкать и погладил по голове, как собаку.

Я стряхнул его руку и плотнее запахнул куртку. Больше всего на свете мне хотелось пойти с ним в Лувр.

– Все, что случилось, – сказал я, – оно ведь должно что-то значить.

– Ну, не знаю, – ответил Смит. – Иногда что-то просто случается – и все. Мы делаем свой выбор и живем потом с этим, но судьбе не прикажешь.

– Глубоко копнул, – съехидничал я, но сам задумался о своем выборе и риске, на который пошел, о своем туманном будущем и грядущей судьбе.

Смит спросил, не жалею ли, что взялся расследовать историю своего прадеда. Я честно ответил, что уже не знаю.

– А я не сомневаюсь, что ты найдешь способ извлечь пользу из этой истории, – сказал он, – и принести пользу людям своими знаниями.

У меня не было такой уверенности. Сейчас мне казалось, что это конец, а не начало чего-то нового, на что я раньше надеялся. Я поглубже засунул руки в карманы, а Смит свернул в небольшой парк, бронзовая табличка на воротах которого гласила, что это сад Катрин Лабуре,^[79] а ранее в нем располагался монастырь.

Парк был слабо освещен, деревья и виноградные лозы сплелись в сплошной навес над нашими головами, пятна фонарного света выхватывали из темноты пустые скамейки и участки земли.

– Ну, что, ты готов взять штурмом самый знаменитый музей мира и, может быть, раскрыть тайну столетней давности?

– Готов как никогда. – Смит вытащил из-за пазухи пачку сигарет. Я сказал, что он должен бросить курить, и он пообещал, что скоро бросит.

Едва он щелкнул зажигалкой, и его лицо осветилось, как светильник на Хэллоуин, меня кто-то сильно ударил ногой, я задохнулся и упал. Темный силуэт – в одной руке дубинка, в другой сверкнуло что-то металлическое – метнулся к Смигу, хлестнул его по лицу, они сцепились. Я поднялся, но тут же получил дубинкой по голове – вспышка в глазах, я отшатнулся, Смит ударил напавшего и выбил у него дубинку из рук, но тот продолжал наносить колющие удары. Время замедлилось и двигалось рывками в доли секунды, Смит упал, я снова кинулся на бандита со спины, схватил за горло, повалил... Вдалеке слышались голоса, крики: Arrêt! Arrêt!^[80] – громче, потом резкий свисток, но в этот момент бандит вывернулся из моих рук и бросился бежать.

– Люк... – прошептал Смит.

Я склонился над ним и положил руку ему под голову. Мы оказались в пятне света одного из фонарей, как на сцене. Смит судорожно втянул воздух.

– погоди, – сказал я, – у тебя же сегодня свидание с самой знаменитой женщиной в мире, помнишь?

Смит с усилием улыбнулся и сжал мою руку. Свист и крики становились все громче, а приближающиеся тени обрели плоть.

Свет в полицейском участке седьмого округа был ослепительно ярким, до рези в глазах. Прищурившись, я дотронулся до большого места над ухом, вспомнил свист и тени в парке, превратившиеся в полицейских. Потом они погрузили Смита в машину «скорой помощи», а меня посадили в полицейскую машину, и всю дорогу у меня звенело в голове.

Меня отвели в какую-то белую комнату, где к холодному свету ламп добавился свет прожекторов, и один из них был направлен прямо на меня.

Французские полицейские словно сошли со страниц плохого детективного романа. Их было двое: один молодой и злой, с плохой кожей, придававшей ему сходство с рептилией, второй средних лет и помятый, на манер Коломбо, он играл «доброе копа», но довольно фальшиво. Они задавали набор рутинных вопросов, снова и снова, и когда количество повторов перевалило за десяток, мне это надоело.

– Pourquoi étiez-vous dans le parc?^[81] – в очередной раз спросил, наклонившись надо мной, Рептилия.

Я уставился на него молча, как будто ничего не понял.

– Отойди, не дави на человека, – произнес Коломбо и притворно улыбнулся мне. Я понимал, что он пытается втереться в доверие, и в очередной раз ответил, что мы со Смитом гуляли в парке. Про Лувр я ничего не говорил, полагая, что это не их дело.

– В снег? – спросил Рептилия.

– Да, я хотел слепить снеговика, – ответил я, и он схватил меня за плечи. Казалось, воздух в комнате стал разреженным и наэлектризованным.

Коломбо велел Рептилии расслабиться, сел напротив меня, закурил и предложил мне сигарету. Я отрицательно покачал головой.

– Мы гуляли, – повторил я. – Это что, запрещено во Франции, как кетчуп? Почему вы не ищете того чертова парня, который на нас напал, а зря тратите свое и мое время?

– Успокойся, – сказал Коломбо.

– На меня только что напал бандит с дубинкой и ножом, а вы хотите, чтобы я успокоился? Ничего лучше нельзя было придумать?

– Куда вы направлялись? – снова спросил Рептилия.

– Домой, например, – ответил я. – Я бы и сейчас пошел, если вы не возражаете.

Рептилия снова сунул мне в лицо свою морду – от него сильно несло чесноком – и опять вцепился мне в плечи. Еще секунда, и кто-то кому-то врезал бы – во всяком случае, я уже был готов – но в этот момент дверь открылась.

Вошла дама в сером форменном костюме, сидевшем на ней в обтяжку, с коротко стриженными волосами, крашенными хной. На лацкане костюма висел значок: Даниэль Кабеналь, Генеральная ассамблея, Лион, Франция. Дама холодным кивком отпустила копов, села и положила руки на стол. Ногти у нее были не покрашенные, короткие и идеально подстриженные.

– Вы прямо из Лиона? – спросил я.

– Здесь недалеко лететь, – ответила она по-английски.

– Который сейчас час? – Я успел потерять счет времени, и мобильник куда-то подевался.

– Около десяти утра. Хочу выразить вам сочувствие.

– Пустяки, – заметил я, – несколько синяков.

– Я имела в виду аналитика Смита.

– Что с ним?

– Он в критическом состоянии. Боюсь, что он не выживет.

Сначала меня бросило в жар, потом в холод. Я вскочил на ноги, в голове опять зашумело, и я ухватился за спинку стула, чтобы не упасть.

– Этого не может быть... У него было несколько порезов и синяков, но...

– Боюсь, все гораздо хуже, – говорила Кабеналь, и лицо у нее оставалось непроницаемым, как у сфинкса. – Внутреннее кровоизлияние, большая потеря крови...

– Но я же был рядом с ним, боже мой... Он же улыбался. Он должен выжить!

– Если верить врачам, вряд ли. Мне очень жаль. – Чего нельзя было сказать ни по ее виду, ни по голосу.

– Где он, в какой больнице? Я должен его увидеть.

– Это невозможно. Он в реанимации. В том маловероятном случае, если он выживет, вы с ним больше не должны контактировать.

– Даже нельзя узнать, жив ли он?

Инспектор Кабеналь сжала губы, словно сдерживая слова, которые хотелось, но не стоило говорить. Потом все же решилась.

– Если аналитик Смит выживет, он будет уволен – да он уже уволен, его действия были неприемлемы – и вы больше не будете с ним контактировать. Понимаете? – Она уставилась на меня, ожидая ответа.

– Давайте договоримся. Если вы...

– Мы не вступаем ни в какие сделки, мистер Перроне.

– Просто дайте мне знать, поправился ли он. Это все, что мне нужно. Иначе... – я посмотрел ей в глаза, – я выясню все сам, и не представляю, как вы сможете меня остановить.

Глаза Кабеналь сузились.

– Я могу вас остановить, мистер Перроне, и я это сделаю. Но... хорошо, если он выживет, я дам вам знать. Однако вы больше не будете выходить на контакт с ним, таково условие с нашей стороны. Договорились?

Я едва заметно кивнул.

– Вот и хорошо. – Кабеналь сцепила руки на столе и перешла к делу. Она предупредила, что они уже изучили компьютер и записи Смита.

– Я в курсе, что вы помогали ему. Вовлекать в это дело гражданское лицо было ошибкой – хотя и наименьшей из всех, что он совершил. У него вообще не было полномочий этим заниматься.

– Чем заниматься? – спросил я с самым невинным выражением лица. Кабеналь лишь чуть приподняла одну бровь.

– Не скромничайте, мистер Перроне. Мы знаем, что ему было нужно, зачем он шел в Лувр. Он говорил вам, что уполномочен заниматься этим делом?

– Нет. В общем-то, он дал понять, что это не так, что он действует сам по себе.

– Интерпол так не работает, – сказала Кабеналь гневно; ей даже потребовалось коротко вздохнуть и без необходимости поправить подогнанный по фигуре пиджак, чтобы вернуть на лицо выражение невозмутимости. – Его, безусловно, уволили бы только за это.

– Не знаю ничего про Интерпол, – ответил я, – но могу сказать, что Смит хороший человек, преданный своему делу.

– Этим делом теперь будет заниматься Интерпол, вместе с парижской полицией. Вот так это делается. Мы выпустили красное уведомление на человека, который напал на вас и аналитика Смита.

Кабеналь спросила, что я могу рассказать о нападавшем. Я начал описывать его, но она вскоре остановила меня, ушла и вернулась с художником-криминалистом старого покроя, который рисовал углем по бумаге. Он попросил Кабеналь оставить нас на время одних.

– У меня лучше получается, если я работаю наедине со свидетелем, – сказал он.

Кабеналь, поджав губы, поколебалась и ушла.

Художник оказался американцем по имени Нейт Родригес; парижская полиция одолжила его для какого-то важного дела, о котором он не имел права рассказывать. Это был энергичный, но приятный мужчина примерно моих лет, родом из Нью-Йорка – отчего я сразу заскучал по дому. Он предложил мне устроиться поудобней и рассказывать. Я начал описывать внешность бандита, и Родригес несколько раз уточнял: форму лица – «круглое... нет, скорее квадратное и широкое», форму носа – «плоский, как будто сплюснутый», глаза – «глубоко посаженные, светлые, голубые или серые, почти бесцветные».

Художник обесцветил глаза на рисунке. Я смотрел, как под его руками постепенно проступает образ.

– У вас хорошо получается.

– Я давно этим занимаюсь.

– Зубы, – вспомнил я, глядя на ехидную улыбку нарисованного бандита. – Они у него короткие и потемневшие.

– У вас хорошая зрительная память, – похвалил Родригес. Его рука с угольком двигалась по бумаге, по мере того как я вспоминал и проговаривал детали. Через некоторое время он повернул блокнот, чтобы мне было лучше видно.

– Очень похоже, – оценил я и посоветовал ему сделать нижнюю челюсть пошире, опустить лоб и расширить рот, оставив губы тонкими. Он стирал и тут же перерисовывал, следуя моим указаниям, в общем, мы прекрасно взаимодействовали. Еще минут через пятнадцать-двадцать он снова повернул блокнот.

– Господи, это он. Как вы это сделали?

– Это вы сделали, – ответил Родригес. – Я лишь следовал вашим указаниям.

– Ну, я не знаю. – Я уставился на рисунок с чувством выполненного долга, к которому примешивался холодок узнавания.

Инспектор Кабеналь изучила эскиз и сказала, что Интерпол прогонит его через свои идентификационные базы данных и отправит по факсу во все полицейские участки Парижа.

– По-моему, не исключено, что он убил еще несколько человек, – предположил я, вспомнив молодого монаха и Кватрокки.

– Вам нужно написать заявление обо всем, что произошло. Все, что вы помните, – сказала Кабеналь.

– Я и так уже ответил на все ваши вопросы.

– Не на все. – Она подкрепила свое возражение новым вопросом. – Что вы предпочитаете: ноутбук или ручку и бумагу?

Я выбрал ноутбук и долго печатал. Подробно описал, как получил электронное письмо Кватрокки и приехал во Францию, как впервые пришел в библиотеку, как волновался, обнаружив дневник и начал его читать. Написал о предупреждении брата Франческо – *Na un amico a Firenze?*^[82] – и о своем подозрении, что это могло стать причиной его смерти. Я написал о своих поисках книготорговцев в Париже и Флоренции и их подозрительных смертях. Написал об Этьене Шодроне и его девушке, и их окровавленные лица и мертвые тела всплывали в моем сознании. Не забыл я и о недостающих страницах за картиной Вермеера, и об инициалах Шодрона на подделках. Описывая все это – каждую деталь, каждое событие, произошедшее с тех пор, как я выехал из дома – я думал: вот что вышло из той загадки, о которой я надеялся поведать всему миру. Я-то собирался написать об открытии, а не о смертях. Вместо этого получился полицейский отчет, который никто, кроме нескольких сотрудников Интерпола, никогда не прочитает.

Умолчал я только об Аликс. Как будто ее и вовсе не было.

А теперь у меня и вовсе ничего не осталось – из того, что я надеялся открыть, чем мог бы распорядиться. Теперь все мои мечты казались прихотью, причем смертельно опасной прихотью.

Закончив, я просмотрел написанное. Оно напоминало синопсис книги, которую мне не суждено было написать.

Взглянув еще раз на рисунок художника-криминалиста, я увидел человека, нападавшего на меня в гостиной Этьена Шодрона, на промозглой парижской улице и, наконец, в парке; я вспомнил его нож, направленный на Смита – кошмарный фильм ужасов, кадры из которого навсегда остались в моем сознании вместе с мыслью: никаких сомнений, что этот тип снова придет за мной.

Кабеналь читала мое заявление, время от времени поглядывая на меня.

Затем, когда заявление было распечатано, и я его подписал, она протянула мне мой мобильный телефон и сказала, что я могу идти.

«Куда идти?» – подумал я. Я был не готов вернуться домой, вернуться в колледж на свои «часы», вернуться к поискам галереи – и оставить так много вопросов без ответа, оставить Смита...

На выходе я остановился у поста дежурного, жандарма в форме, с озабоченным видом сидевшего за столом и постоянно отвечавшего на телефонные звонки. Очевидно, утро в Париже выдалось напряженным для правоохранителей. Мобилизовав все свои знания французского, я выразил ему сочувствие, пошучивал и всячески прикидывался «своим» в перерывах между звонками, а потом непринужденно задал вопрос, куда они отвезли моего «напарника» Джона Смита. Я понадеялся на то, что он слишком занят и не спросит у меня удостоверение; так оно и вышло. Ответив на очередной звонок, он перелистал кучу бумаг у себя на столе и сказал: «Больница Сен-Жак» – и снова схватился за телефон.

Над Парижем сгустились темные тучи, и я торопливо завернул за угол, сел на первую попавшуюся скамейку и позвонил. «Я ищу пациента, американца Джона Смита». Меня заставили так долго ждать, что я даже вздрогнул, когда в телефоне вновь раздался человеческий голос. Женщина спросила, не родственник ли я, и после того, как я замешкался с ответом, сказала, что не может дать мне никакой информации.

– Я всего лишь хочу знать, стало ли ему лучше?

– Все, что я могу вам сообщить: мистера Смита больше нет в реанимации, – ответила она после долгой паузы.

– Так ему лучше?

– Извините, больше я ничего не могу вам сообщить, – сказала она и повесила трубку.

Набрав номер Кабеналь, я попал на автоответчик голосовой почты. Я оставил сообщение с вопросом о состоянии Смита. Я напомнил ей о нашем договоре, что она даст мне знать, если Смит выживет. Затем я двадцать минут сидел на скамейке, дожидаясь, когда она мне перезвонит, потом еще два часа бродил по парижским улицам, но телефон мой так и не зазвонил, и я понимал, что это значит.

Я не имел представления, где буду спать в эту ночь, но точно знал, чего я хочу, и что найти это будет нетрудно.

Сколько баров я тогда обошел?

Помню первый, бар гостиницы в квартале Сен-Жермен-де-Пре, не совсем пятизвездочной, там я подцепил какую-то замужнюю дамочку, или это она меня подцепила, мужа она называла «бомж». На что я ответил, что я тоже бомж, и мы оба хохотали, как будто это было самая смешная шутка на свете. Мы чередовали поцелуи с порциями виски – не самая эстетичная картина. Но в какой-то момент я, очевидно, свалил, потому что оказался в другом баре, на два разряда ниже первого. После трех или четырех стаканов меня оттуда вывел бармен. А я ругался на него: *Connard! – T'es un salaud! – Va te faire foutre...* [83] – не самое лучшее мое публичное выступление, хотя в тот момент я очень гордился тем, что помню эти французские ругательства. С некоторым опозданием до меня дошло, что третье место, куда я забрел – это гей-бар, и это могло мне дорого обойтись: вспоминается только, что какой-то парень в кожаном костюме облизывал мне лицо. Дальше уже почти ничего не помню. Очевидно, меня вырвало, хотя и это событие не сохранилось в памяти; но запах рвоты долго меня преследовал.

Меня разбудил жандарм, не очень ласково толкнув сапогом в ребра. Я с трудом встал, голова раскалывалась, тело налилось свинцом, я чувствовал тошноту и отвращение к себе самому.

Название отеля, в котором я остановился, напрочь вылетело из головы, и анонимная ключ-карта никак не помогла. Я попытался зарегистрироваться в небольшом бутик-отеле, но женщина-портье, сказала, что мест нет, и я не мог на нее обижаться, когда увидел свое отражение в окне и понял, что от меня несет рвотой.

В итоге я оказался в третьеразрядном мотеле, где мой вид никого не беспокоил; там я проспал весь день, проснулся, выпил воды из-под крана, наверное, литра четыре, опять спал, не помню сколько; наконец встал, принял душ и понял, что оставил сумку с одеждой в одном из баров.

Я выбросил рубашку в мусорное ведро, смыл рвоту с джинсов, почистил кожаную куртку и надел ее, застегнув молнию, чтобы не

видно было, что я без рубашки. Удивительно, но бумажник все еще был при мне, и я мысленно поблагодарил производителя джинсов за внутренний карман на «молнии».

Потом я нашел магазин «секонд-хенд», порылся в вешалке с рубашками и выбрал себе одну почище и посимпатичнее. Кроме того, купил дешевые темные очки, потому что у меня резало глаза, но скорее всего, хотелось просто спрятаться. После чего я нашел интернет-кафе, где выпил несколько чашек черного кофе и воспользовался одним из их компьютеров, чтобы найти ближайшее собрание «анонимных алкоголиков», каковое и обнаружилось в Американской церкви недалеко от Дома инвалидов. Эта церковь предназначалась для американцев за рубежом, и собрание проходило на английском языке. Присутствовало, наверное, человек двадцать. Сначала я слушал рассказ молодой женщины о том, что ее муж добился опеки над их двумя маленькими детьми. Затем выступал мужчина, преподаватель английской литературы, при костюме и галстук; он рассказал о том, что напился на работе и уже не помнил, за что против него было выдвинуто три обвинения в сексуальных домогательствах. Хотя гораздо больше его огорчало то, что его уволили из университета, с постоянной работы – лично мне эта история показалась самой поучительной.

После этого наступила пауза, и казалось, что больше никто не собирается говорить. Я тоже не планировал делиться проблемами или давать клятвы, но вдруг встал и представился: «Здравствуйте, меня зовут Люк, и я алкоголик».

Я услышал, как мое имя отозвалось эхом, прозвучавшие слова одновременно успокаивали и огорчали: я не мог поверить, что после десяти лет трезвости снова оказался здесь.

Я закрыл глаза, чтобы не видеть присутствующих, хотя я знал, что они все прошли этот путь и не осудят меня. Перед моим мысленным взором стояли профессор Кватрокки и брат Франческо, и я не знал, как о них сказать.

Я видел Смита: как я поддерживаю его голову, слабую улыбку, которую он смог изобразить, несмотря на то, что умирал – и я не смог сдержать слез. Я пытался зашмыгать их обратно, пробовал глотать и моргать, но все это было бесполезно.

Десяток голосов сказали мне, что все в порядке, я могу освободиться от этого груза. Я вытер слезы и изо всех сил попытался взять себя в руки. «Я потерял близкого человека, – произнес я. – Друга. Не по своей вине, но...» Я замолчал. Но это же была не моя вина, правда? Смит сам взялся за мной следить, я его не просил. Но если бы я не отправился на поиски дневника, он был бы еще жив... Нужно было прогнать эти мысли. От них не было пользы, уже слишком поздно, и ничего не исправить.

Это как болезнь, корь или ветряная оспа, вспомнились мне слова Александры.

«Я чувствую...» Что я чувствовал? Что потерял все, что имел. Но произнес я лишь: «...желание очиститься и снова быть трезвым». И все покивали. А позже, когда люди подходили, хлопали меня по спине и поздравляли с тем, что я пришел, я чувствовал, как к глазам вновь подступают слезы. Я изо всех сил сдерживался, потому что мне казалось, что если я опять заплачу, то не остановлюсь никогда.

Нью-Йорк Сити

Картина стояла на бетонном полу хранилища, прямо под другой версией самой себя. Больше часа он переводил взгляд с одной на другую: две пары глаз и губ, одинаково сложенные руки. Картины были идентичными вплоть до трещин в краске. Но как узнать, которая из них настоящая – и есть ли она среди них вообще? Вот вопрос, который так долго его мучил.

Он пристально посмотрел на портрет и прошептал: «Скажи мне, Лиза». Конечно, он хорошо знал ее историю, прочитал все, что можно было знать о Лизе дель Джиокондо, жене торговца шелком: родилась в 1479 году в младшей ветви знатной семьи Герардини, вышла замуж в пятнадцать лет, родила пятерых детей, пережила своего мужа Франческо дель Джиокондо. Муж заказал ее портрет, когда Леонардо был стеснен в средствах, но его финансовое положение вскоре улучшилось, так что картина не была закончена и осталась у художника.

«Ты – это она?» – спрашивал он, переводя взгляд с одной пары глаз на другую.

Устав от напряжения, коллекционер тяжело откинулся на спинку своего золотого платнеровского кресла.

Когда он начал следить за Американцем, все, что ему было нужно, – это информация, какое-нибудь, наконец, достоверное свидетельство, чем же он владеет так много лет, является ли его картина оригиналом или подделкой. Действительно ли он владеет самой известной картиной в мире? И вот его шансы удвоились. Конечно, никто не должен об этом знать, иначе он может потерять их обеих – или, что еще хуже, попасться. Хотя этого нельзя допустить.

Еще раз переведя взгляд с одной Моны Лизы на другую, он поднес к уху сотовый телефон.

– Этот ваш человек, мне нужно, чтобы вы от него избавились. – Помимо доставки ему этой картины, которая, следовало признать,

была отличным подарком, этот человек оказался совершенно неподконтрольным, он не слушался инструкций и действовал слишком рискованно, создавая ненужные проблемы.

– Хорошо, я выгоню его.

– Я не это имел в виду.

– Понял, – и после паузы. – Я позабочусь об этом.

– Я хочу, чтобы вы лично об этом позаботились. Никаких свидетелей. Понятно?

– Но это не моя... – посредник запнулся. – Хорошо.

– И еще, мне нужно будет подтверждение, какие-нибудь документы, фотографии. Найдите способ мне их передать. Надежный, естественно.

Коллекционер отложил сотовый телефон и шагнул ближе к картинам, переводя взгляд с одной на другую.

– Ох, Лиза, – произнес он. – На что я иду ради тебя.

Прошла неделя с тех пор, как я вернулся в Нью-Йорк. Первые несколько дней я провел, приходя в себя после запоя, смакуя свое горе, усталость и стыд.

Время между собраниями анонимных алкоголиков я проводил дома, переходя с кровати на диван или на испачканный краской стул в своей студии в Бауэри, где часами смотрел на импровизированный «алтарь» в честь прадеда, который я создавал много лет. Теперь все материалы воспринимались иначе, они были пропитаны опасностью и трагедией. Я хотел разобрать его и дважды начинал, но меня останавливало чувство полного разочарования; силы нужны были для других дел. Замещение в колледже должно было закончиться через пару дней. Нужно было выходить на работу, и мысль о предстоящей встрече со своим заведующим кафедрой и комитетом по утверждению на должность, мягко говоря, беспокоила меня. Что я мог им сказать? Что предъявить?

Мне хотелось стереть из памяти все, что произошло, особенно смерть Смита, но его призрак не отпускал меня. А больше всего я хотел забыть Аликс.

Но не мог. Я не мог перестать думать о ней – кто она такая, где она? Я дважды звонил ей на мобильный – робот отвечал, что этот номер больше не действителен. Я искал ее в «Фейсбуке», «Твиттере» и «Инстаграмме» – безуспешно. Потом я позвонил друзьям из Бруклина и узнал, что у них никогда не училась студентка по имени Александра Грин.

Неужели она лгала во всем?

Я тоже лгал, в свою очередь, но хотя бы не про имя.

Найду ли я ее когда-нибудь? Получу ли от нее весточку? Существовала ли она вообще? Я пытался притвориться, что мне все равно, хотя думал о ней каждый день, мечтал о ней почти каждую ночь. Я задавался вопросом, а думала ли она когда-нибудь обо мне, было ли ей дело до меня вообще.

Когда мама позвонила и пригласила меня в гости, я согласился, главным образом, из чувства вины – прошло шесть месяцев с тех пор, как мы в последний раз виделись. Я сел на автобус от Портового

управления, взял с собой ноутбук и попытался подготовиться к лекциям, но никак не мог сосредоточиться.

Западная Шестая улица Бейонна все эти годы не менялась, и пасмурный день не делал ее краше: серое небо, серые дома, серые деревья без листьев, серый сайдинг на нашей старой пристройке, давно нуждавшейся в ремонте. Я готов был развернуться обратно еще до того, как добрался до входной двери.

Внутри дом казался меньше, чем мне запомнилось: низкий потолок, комнаты заставлены мебелью с пластиковым покрытием, искусственные цветы на обеденном столе из ламинированного дерева, воздух затхлый от меланхолии. Мама приготовила ужин, и он был неплох, она даже испекла в духовке те пышные булочки, которые мне так нравились в детстве – и они все так же мне понравились. Мать бросила пить несколько лет назад, и это пошло ей на пользу, хотя она все еще выглядела на десять лет старше своих пятидесяти восьми лет, и это меня огорчало. Мой отец, ее ровесник, выглядел на все восемьдесят, и не на лучшие восемьдесят: мясистые мешки под налитыми кровью глазами, красные пятна на носу и щеках. За ужином он держался отстраненно, опустошил шесть банок пива и рухнул перед голубым экраном.

Мы с мамой сидели за кухонным столом и разговаривали, что бывало очень редко. Тихая молчаливая женщина, какой я знал ее всю жизнь, оказалась очень разговорчивой, и я впервые увидел в ней отдельного человека, а не только мою мать, и понял, что она одинока. В какой-то момент она сказала, что гордится мной и всем, чего я добился, и достала альбом для вырезок, который хранила, с фотографиями моего выпуска в колледже и моими степенями, статьями, рецензиями и фотографиями с выставок и даже парой интервью. Все это было заламинировано и стало для меня полной неожиданностью. Мне было очень стыдно за то, что я так редко ее навещал, и когда она попросила меня заночевать у них, чтобы мы могли позавтракать вместе, я согласился.

Моя комната осталась в неприкосновенности, как музей, только не совсем понятно, чего именно. У меня на стенах не было тех спортивных плакатов или призов, которые висят в спальнях «хороших» старшеклассников. До сих пор висели постеры альбома «Painkiller» группы Judas Priest, один Iron Maiden и листовка с

последнего выступления GG Allin вместе с The Murder Junkies, которую я вставил в рамочку. Лавовая лампа, которая в тринадцать лет казалась мне такой классной, все еще стояла на тумбочке вместе с тремя книгами: «Европейские художники», «Бойцовский клуб» и «Колледжи в Америке». Последнюю я перелистал, посмотрев загнутые двадцать лет назад страницы и обведенные абзацы: все художественные училища.

Какое-то время я листал «Европейских художников», затем прочел несколько электронных писем. Попытался заснуть, но не смог: моя старая кровать казалась мне слишком узкой и чересчур мягкой. Потом я посмотрел видео на YouTube о проекте из области виртуальной реальности, который Лувр собирался представить на своей предстоящей выставке, посвященной Леонардо: семиминутное путешествие внутрь картины «Мона Лиза». Зритель получал краткий урок по истории искусства, некоторое представление о технике Леонардо и основные факты из жизни Лизы дель Джокондо. Заканчивалось это действие виртуальной поездкой на одном из летательных аппаратов Леонардо, как если бы он действительно был построен: зритель парил в романтическом пейзаже картины.

Мне отчасти хотелось совершить эту «поездку» – главным образом, чтобы проверить, смогу ли я хоть мельком увидеть инициалы Шюдрона. Хотя, если бы они были на картине, Лувр их вряд ли показал бы. Можно не сомневаться, что это веселое и легкое развлечение; сидите сложа руки, ничего не делайте, получайте удовольствие. В этом нет ничего плохого. Или все-таки есть?

Нужно ли людям совершать воображаемый полет внутри нарисованного пейзажа? Разве они не могут просто посмотреть на произведение искусства? Неужели этого недостаточно? Что меня действительно зацепило, так это тот факт, что вам при этом не нужно идти в музей и приближаться к картине, просто зайдите на платформу виртуальной реальности – и вуаля!

Не хватает только самой картины. Я выключил видео на YouTube и стал думать о других вещах, но эта мысль не давала мне покоя. Или я видел в этом угрозу себе, своим устаревшим представлениям о живописи? Неужели я стал старомодным? Вспомнилось, как Винченцо насмеялся над кубистами, как он бежал прочь от студии Пикассо, убегая из будущего в безопасное прошлое. Было неприятно

чувствовать себя ностальгирующим консерватором. Возможно, с этим приходилось сталкиваться каждому художнику: вся проблема в том, много ли из прошлого мы хотим сохранить, двигаясь вперед.

Время было позднее, и я еще раз попытался уснуть, но никак не мог успокоиться: сознание словно застряло в прошлом, переселившись в голову Винченцо, меня не отпускало чувство гнева, уязвимости и грозящей опасности. Это уже началось – настоящее становится никому не нужным, искусство и художники устаревают.

Но я знал кое-что еще: на свете есть люди, готовые убить за реальную картину и, конечно, за «Мону Лизу», даже фальшивую.

Тут меня осенило. Я вскочил на ноги. Теперь мне уже точно не уснуть.

Чердак выглядел еще хуже, чем раньше. Пыль клубилась повсюду как перекасти-поле, превращая паутину в некое подобие подвесных мостов. Вероятно, последним, кто здесь прибирался, был я в четырнадцать лет, и тогда я не очень хорошо поработал. Кофр стоял на своем месте, и с тех пор, как я открывал его в последний раз, на нем образовалось несколько новых слоев пыли. Из-под крышки также пахло пылью и плесенью. Я ожидал увидеть винтовку, забыв, что не только брал ее похвастаться перед друзьями, но чуть позже продал на ярмарке антикварного оружия за тридцать долларов.

В тот раз я не порылся в сундуке как следует – мне хватило винтовки и фотографии прадеда – и взялся за это дело теперь. Изъеденные молью рубашки и брюки, пара высохших и потрескавшихся коричневых кожаных ботинок, деревянная шкатулка. Внутренность шкатулки была обтянута бархатом, но если там когда-нибудь и были какие-то драгоценности, то они исчезли. Пара помятых картонных коробок, в одной – старомодные кальсоны, в другой – две пары изящных женских перчаток и маленькая фотография в тонах сепии:^[84] торжественно одетые мужчина и женщина. Мой дедушка и его жена? Подкладка кофра с одной стороны лопнула и оторвалась, и там что-то виднелось. Это оказался конверт, без марки или почтового штемпеля, просто имя, написанное знакомым почерком: Симон Перуджа. В конверте находились сложенные пополам листки бумаги, тонкой и пожелтевшей, но хорошо сохранившейся. Я сразу попробовал начать их читать, но на чердаке было плохое освещение и душно.

В спальне хотя бы не было паутины, но кровать за это время не стала удобней. В конце концов, я растянулся на полу, используя кровать в качестве изголовья.

Дорогой Симон,

Когда-то я вел дневник, в котором рассказал о своем преступлении. Почему я это сделал, и как.

Этот дневник был утерян давным-давно. Кое-что я заново напишу здесь, потому что хочу, чтобы ты знал, что произошло. Хочу, чтобы ты знал правду о своем отце...

Там была дюжина страниц. Вначале описывались события, о которых я знал и читал раньше – смерть Симоны, встреча с Вальфьерно, кража «Моны Лизы», подделки Шодрона и визит к банкиру Фурнье – в основном, они пересказывались сокращенно, как будто Винченцо торопился все это записать. Далее он рассказывал, как собирался отправиться на юг Франции – это я тоже знал и быстро пробежал эти строки. Но последние страницы я читал внимательно.

Я шел пешком из города Лакост, полный решимости найти Вальфьерно и Шодрона. И я это сделал. Дом с голубыми ставнями стоял на пологом склоне холма, окруженный вечнозелеными растениями. В точности так, как описывала официантка Бриджит. Перед домом был припаркован «лоррен-дитрих». Шикарный автомобиль, купленный, несомненно, на деньги от продажи подделок. Я подкрался к дому через кусты и деревья. Низко пригнувшись, медленно двинулся к окну.

Осторожно заглянул внутрь. На деревянном столе – большая палитра. Тюбики с краской и кисти. На стенах висели картины. Студия Шодрона! Два мольберта стояли рядом. И на каждом – «Мона Лиза»! Один полностью закончен. Второй только наполовину. А они говорили мне, что все копии закончены и проданы. Но они продолжали делать новые!

Я прокрался вдоль дома к другому окну и заглянул в него. Увидел богато обставленную комнату: бархатные диваны, позолоченные зеркала, на полу персидский ковер. Все выгоды от недобросовестных сделок этой парочки были налицо. Слышался побрякивающий звук граммофона. Вальфьерно и Шодрон сидели за столиком в другом конце комнаты, каждый с бокалом вина. Вальфьерно попыхивал сигарой, как какой-нибудь южноамериканский магнат. Шодрон сидел в заляпанном краской халате и, казалось, подпевал музыке.

Я нацупал в кармане нож, щелкнул лезвием, открывая его. Я дал своему гневу разгореться. Затем побежал к входной двери. Распахнул ее и ворвался в комнату. Выбил ногой стул из-под Шодрона и увидел, как он падает на пол. Потом я обхватил Вальфьерно за плечи и приставил ему нож к горлу.

Шодрон попытался подняться на ноги, но я пнул его в живот. Вальфьерно назвал меня «милым мальчиком». Стал говорить, что они собирались связаться со мной.

Я назвал его лжецом. И, конечно, так оно и было. Он вел себя спокойно, хотя я чувствовал, как колотится его сердце. Он продолжал нести всякий вздор, постоянно повторяя «милый мальчик». Он сказал, что у них есть деньги для меня, и попросил Шодрона принести их.

Я прошел с ними в спальню. Держал Вальфьерно возле себя, с ножом у горла.

Шодрон начал открывать большой деревянный сундук. Я оттолкнул его с дороги. Придвинулся ближе. Попытался заглянуть в сундук.

Вальфьерно сказал, что все деньги там. Спрятаны под одеялом.

Я наклонился над сундуком, и Шодрон ударил меня ногой. Я начал падать, и тут Вальфьерно показал, что в нем еще кое-что осталось от южноамериканского мальчика, выросшего в трущобах. Он сильно толкнул меня локтем и вырвался. Шодрон попытался схватить меня за руки, а в это время Вальфьерно пошарил в сундуке и достал пистолет. Он прицелился в меня. Сказал мне, что у них нет денег.

Я кричал, что убью его. Убью их обоих.

Вальфьерно рассмеялся. Снова назвал меня «милым мальчиком». Наставил на меня пистолет, а Шодрон выкрутил нож из моей руки.

Я кричал, что они украли у меня все. Что они мне должны деньги. Но это было бесполезно.

Шодрон связал мне веревкой руки за спиной. Я сопротивлялся, но Вальфьерно приставил мне пистолет к виску. Он хотел убить меня сразу, но Шодрон уговорил его подождать и убить меня позже. За домом, ночью. Вальфьерно согласился. Он стал дразнить меня. Он потешался надо мной.

Назвал меня иммигрантом и вором. Сказал, что никто меня не хватится. Они обыскали меня. Нашли второй нож. Вытащили дневник у меня из-за пояса. Шодрон пролистал страницы, передал дневник Вальфьерно, и тот тоже почитал его. Они увидели, что я написал о них. Были очень удивлены. Сказали, что оставят дневник себе и прочтут позже. Затем Шодрон сунул тетрадь в карман своего пиджака.

Они силой усадили меня на стул. Привязали меня к нему за запястья и лодыжки.

Я сказал, что знаю, что они всучили мне подделку. Спросил, подлинная ли та законченная «Мона Лиза», что стоит в студии Шодрона. Они отказались отвечать.

Вальфьерно провел своей научьей рукой по моей щеке, и я плюнул ему в лицо.

Шодрон обвязал мне нижнюю часть лица тряпкой, испачканной в масляной краске, засунув такую же мне в рот.

Потом они пили вино и курили сигары. Они издевательски поднимали свои бокалы с вином за мое здоровье. И смеялись.

Я смотрел на них. Связанный и с кляпом во рту. Бессильная ярость жгла меня изнутри, как кислота.

Я пытался что-нибудь придумать. Мои ножи лежали на столе рядом с пистолетом Вальфьерно. Смогу я пододвинуть стул поближе? Но добраться до них со связанными руками было невозможно.

Эти двое совсем напились. Шодрон завел свой фонограф и поставил пластинку. Он, пошатываясь, пританцовывал, а Вальфьерно аплодировал.

За окнами стемнело. Они стали собираться вывести меня в сад и убить.

Затем дверь распахнулась, и на пороге появился Жорж Фурнье с пистолетом в руке.

Шодрон потянулся за пистолетом, лежащим на столе. Фурнье сбил его пистолет на пол и направил на них свой. Потом приказал им развязать меня.

Когда кляп вылетел у меня изо рта, я начал кашлять и ругаться.

Банкир потребовал, чтобы Вальфьерно и Шодрон вернули ему деньги. Вальфьерно опять стал – сама невинность. Он спросил Фурнье, почему он недоволен своей покупкой. Фурнье сказал, что он знает про подделку.

Вальфьерно все отрицал. Говорил, что это шедевр Леонардо.

Я кричал, что он лжец. Но Фурнье уже знал это. Он видел доказательства. Он ударил Вальфьерно пистолетом по лицу, Вальфьерно споткнулся и упал. Шодрон прижал льняную салфетку к окровавленной губе своего друга. Затем он вскочил. Дикая человек! Он прыгнул на Фурнье и выбил пистолет. Тот заскользил по полу в сторону. Я бросился к нему, но Вальфьерно добрался до него первым. Он взмахнул пистолетом в воздухе, приказывая всем не двигаться. Но было слишком поздно, я уже разогнался, и наши тела столкнулись.

Выстрел разнесся по всему дому.

Вальфьерно на четвереньках подбежал к своему другу. Шодрон смотрел на кровь на своем халате. Через секунду Вальфьерно увидел,

куда тот ранен. Он заверил Шодрона, что задето всего лишь плечо, ничего серьезного.

Я бросился к пистолету. Как и Фурнье. Затем Вальфьерно. Мы втроем боролись за оружие. Пистолет выстрелил еще раз.

Фурнье отшатнулся. Схватился за шею. Оттуда хлестала кровь. Затем он упал на пол. Я оторвал край своей рубашки и завязал вокруг его шеи.

Кровь просочилась быстро. Фурнье обнял меня рукой и притянул к себе. Прошептал, что никто никогда не должен узнать, что здесь произошло. Затем его рука опустилась, и тело обмякло.

Только тогда я заметил, что Вальфьерно и Шодрон сбежали. Я увидел цепочку кровавых следов, ведущих к входной двери. Я побежал за ними, но опоздал. «Лорен-Дитрих» уже мчался по дороге и вскоре исчез вдаль.

Я вернулся в дом и посмотрел на безжизненное тело Фурнье. Я не думал, что дело так обернется. Никогда этого не хотел. Но было поздно сожалеть.

Я вышел на участок за домом. Нашел лопату. Начал копать. Я радовался, что ночь выдалась пасмурная. Ни луна, ни звезды не освещали мое ужасное занятие. Я копал и копал, поддерживая себя мыслями о сыне. Когда яма стала достаточно большой, я взял персидский ковер и вытащил тело Фурнье наружу. Перед этим я обшарил его карманы. В бумажнике было больше ста франков.

Потом я свалил тело в могилу. Прикрыл его ковром и засыпал землей. Собрал камни, гальку и упавшие ветки и разложил их поверх свежего слоя земли.

Затем я вернулся в дом. Смыл кровь с пола и стен.

Помыл руки и вымыл раковину. Потом я прошел по дому в поисках денег. Мне казалось, что у парочки жуликов не было времени забрать их. Я обыскал все ящики комодов. Посмотрел в шкафах и под кроватью. Разрезал матрас. Обыскал кухонные шкафы. Сбил стаканы и изящный фарфор на пол. Отодвинул плиту и ледник подальше от стен. Топал по половицам. Но ни одна не подалась.

Потом я опять вышел на улицу. Я подумал, что негодяи, возможно, закопали деньги, и снова схватил лопату. Но где копать? Я понятия не имел. Опустившись на холодную землю, я закрыл лицо руками. Тело было истощено и измучено.

В моем сознании возникло лицо Симоны. Я слышал, как она звала меня по имени. Но это звучало скорее жалостливо, чем успокаивающе.

Потом я обыскал студию Шодрона. В ящике под столом были только краски. В единственном шкафчике тоже ничего важного. Я обследовал половицы в студии. Ничего не нашел.

Потом я стал рассматривать его подделки. Голландский натюрморт. Английский пейзаж. Средневековая Мадонна с младенцем. Шодрон великолепно умел старить краски, чтобы они потрескались. В любом другом месте я бы поклялся, что это подлинники. Я снял законченную «Мону Лизу» с мольберта. Мистический ландшафт. Нежная краска плоти. Красиво очерченные руки Лизы дель Джокондо. Я поискал под ними инициалы. Там их не было. Шодрон еще не успел их нанести. Если только это не оригинал!

Я перевернул картину. Осмотрел пятна и отметины, а также штамп Лувра. Но я уже видел раньше, как Шодрон копирует эти детали, и они ничего не доказывали. Я понюхал поверхность. Но в студии так пахло маслом и скипидаром, что этот запах перебивал все остальные. Я мог бы проверить картину скипидаром, но меня больше не волновало, настоящая она или нет. В моем сознании возникла идея, новый план. Такой культурный человек, как Фурнье, попался на подделку. Найдутся и другие. А может быть, это и есть подлинная «Мона Лиза».

Возможно, это одна из подделок Шодрона. Для меня это уже не имело значения.

Я обернул картину тканью и перевязал шпагатом. Еще раз обдумал свой план. Я собирался сказать возможному покупателю, что отдал в Лувр подделку. Ведь так оно и вышло! А оригинал, мол, спрятал и забрал после освобождения из тюрьмы. И теперь хочу его продать.

Это звучало правдоподобно. И даже могло оказаться правдой. Во мне крепла уверенность, что я смогу осуществить этот план.

Ведь я следил за курьерами, которые шли из студии Шодрона к коллекционерам и перекупщикам произведений искусства. Я мог бы теперь пойти к этим покупателям. Сказать им, что картины, которые они купили, были поддельными. А та, которая у меня – настоящая. Возможно, я бы даже не солгал при этом. Ведь я уже выполнил

невыполнимую задачу – украл самую знаменитую картину в мире. Из самого известного музея в мире.

Продать ее не должно было составить труда.

Я нашел в шкафу в спальне подходящую одежду и переоделся.

Поискал свой дневник. Потом вспомнил, что Вальфьерно и Шодрон забрали его.

Затем я сжег свою окровавленную одежду. Развеял пепел. Приготовился уходить.

Но подделки Шодрона жгли мое сознание. Они отравляли мне душу. Я хотел избавить мир от этих подделок. Эти мерзкие фальшивые красавицы!

Я сорвал наполовину законченную «Мону Лизу» с мольберта и пробил ее ногой. Схватил голландский натюрморт и сделал то же самое. Сорвал английский пейзаж с гвоздя. Несколько мгновений я изучал мастерскую руку фальсификатора, потом стал кромсать мастихином холст, пока он не превратился в свисающие с подрамника ошметки. «Мадонну с младенцем» я швырнул на пол и растоптал. Дерево расколосось у меня под ногами. Затем я отступил назад, осматривая разрушения. Вытащил из кармана банку «Ла Паса», свернул сигарету. Закурил.

Помахав спичкой, чтобы погасить ее, я бросил огарок на пол и повернулся, чтобы уйти. Но тут я заметил маленький красный огонек. Моя спичка не погасла, а подпалила кучу промасленных тряпок. Я наступил на разгоравшееся пламя ботинком. Но искры из-под ноги брызнули и рассыпались в разные стороны. Языки пламени метнулись к столу с палитрами Шодрона. К бутылкам с маслом. К открытой банке скипидара. Я попытался погасить пламя руками. Обжег ладони и отступил назад. Я заворожено смотрел, как колышется и кружится пламя. Как легко было бы лечь и позволить огню забрать меня. Присоединиться к Симоне. Я вдохнул ядовитый дым.

Почувствовал, как у меня перехватило дыхание.

Но тут образ моего младенца-сына, твой образ, Симон, вспыхнул в моем сознании ярче любого огня. Я понял, что должен жить. Я бросился прочь из студии, через парадную дверь, на улицу.

Вдохнул холодный ночной воздух.

У меня в кармане были наличные, которые я нашел у Фурнье. Я положил картину на заднее сиденье «берлие», на котором приехал

банкир. Теперь я был готов.

Мои руки дрожали, но я смог завести машину. Я мало водил в своей жизни, но имел дело с техникой и быстро разобрался, что к чему. Когда я вывел «берлие» на главную дорогу, в зеркале отразилось извивающееся красное пламя. Треск горящего дерева был слышен сквозь шум двигателя. Но я не оглядывался назад.

Я не сводил глаз с дороги и взял направление на север, в сторону Парижа. В голове была одна-единственная мысль: продать картину и вернуть тебя.

Через несколько недель я это сделал. Я продал картину!

Я не говорил, что продаю подлинную «Мону Лизу». Мне и не потребовалось это говорить. Тот факт, что я был вором, укравшим ее из Лувра, был более чем достаточным доказательством.

Продажа состоялась заглазно. Я не встречался с покупателями. Они согласились с моей ценой в пятьсот тысяч франков, и мне этого было достаточно.

Затем я снова повел «берлие» по проселкам. Твоя бабушка в это время жила в маленьком доме в Тулузе. Мы с Симоной, твоей матерью, когда-то ездили туда. Потребовалось два дня, чтобы добраться из Парижа до окраины Тулузы, и когда я приехал, было уже поздно. Я снял номер в гостинице. Поужинал в одиночестве. Ни с кем не разговаривал.

В ту ночь мне приснилось, что мы с Симоной живем в великолепной квартире с тобой, нашим любимым сыном. Мы были известными художниками, критики нас заметили и одобрили.

Я проснулся со слезами на глазах. Но я был счастлив. Я верил, что этот сон был предзнаменованием того, что я верну тебя.

Утром я, не торопясь, собрался. Умылся, тщательно побрился. Подстриг усы. Аккуратно уложил волосы на пробор. Надел новую одежду и обувь, купленные в Париже. Мне хотелось выглядеть как можно лучше, нужно было казаться преуспевающим. Я оторвал подкладку от своего старого пальто, где прятал франки. Аккуратно уложил их в пояс с деньгами и обернул его вокруг талии. Сверху надел объемистый шерстяной жилет и застегнул до самого верха.

Ведя машину по узким местным дорогам, я думал о Симоне.

Вспоминал наш единственный визит сюда несколько лет назад. Это был прекрасный летний день. Симона вся так и сияла в своем

белом платье, с распущенными светлыми волосами.

Дом ее матери был все таким же, каким он мне запомнился. Крошечный каменный коттедж с выцветшими желтыми ставнями. Я остановил «берлие».

Твоя бабушка вышла и встала на крыльце. На руках она держала малыша, завернутого в одеяло. Казалось, что она меня не узнает. Возможно, ее слепило яркое зимнее солнце, или она была ослеплена дорогой машиной и модной новой одеждой. Потом она узнала меня. Ее лицо ожесточилось. Она спросила, что мне нужно. Я сказал, что просто хочу поговорить. Попросил пустить меня в дом. Я старался, чтобы мой голос звучал спокойно и мягко.

Она долго оценивающе глядела на меня. Шикарная машина. Дорогая одежда. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она согласилась.

В доме было грязно и людно. Кроватка занимала половину гостиной.

На спинках стульев висели мокрые подгузники.

Я спросил, могу ли я взглянуть на тебя.

Маргарита поколебалась, затем откинула одеяло, и я увидел твои прекрасные золотистые волосы, длинные ресницы и глаза такого же цвета, как у твоей матери. Мое сердце наполнилось любовью и печалью.

Я сказал твоей бабушке, что заработал много денег. Она ничего не ответила. Но я заметил, что ее лицо слегка смягчилось, в нем мелькнуло любопытство.

Я спросил, могу ли я тебя поддержать.

Еще немного помедлив, она подала мне тебя. Ты уткнулся головой мне в шею. Я никогда не испытывал такой радости. Слезы навернулись мне на глаза.

Маргарита опустилась на стул у кухонного стола. Она казалась старой и уставшей.

Я спросил ее, как она тебя назвала. Она сказала «Симон», и я повторял шепотом это имя, касаясь губами твоей щеки. Симон. Симон.

Я спросил Маргариту, ненавидит ли она меня по-прежнему. Она сказала, что слишком стара для ненависти. И слишком устала.

Потом мы сидели за кухонным столом, пили кофе и разговаривали. Я сказал ей, что добился большого успеха в Париже, продавая картины. Мои собственные картины. Я не был уверен, что Маргарита поверила в мою ложь. Но она ничего не сказала. Я видел, что она нуждается в моей помощи. Что она хочет мне верить.

Я помог ей убрать со стола. Подбросил поленьев в огонь. Маргарита приготовила гороховое пюре, и я покормил им тебя. Когда ты заплакал, я ходил, укачивая тебя, пока ты не заснул. Потом я уложил тебя в кровать.

Я вернулся к столу, где ждала Маргарита. Она спросила, сколько у меня денег. Я сказал, что много. На всех нас хватит. Повторил, что заработал все это на продаже моих картин. Она сказала, что ей безразлично, как я раздобыл деньги. Сказала, что устала, одинока и уже немолода. Что с ребенком ей трудно, но она не хочет тебя терять. Что внук – это все, что у нее осталось после смерти дочери.

Я посмотрел ей в глаза. Я сказал, что сын – это все, что у меня осталось от Симоны.

Она сказала, что дальше по улице выставлен на продажу дом. Простой каменный дом. Крепкий. В два раза больше, чем ее нынешний.

Я сказал, что готов его купить, если мы все трое будем вместе там жить. Она ответила «хорошо». А потом заплакала.

Проснувшись, я обнаружил, что спал на полу, свернувшись калачиком. Все тело ломило. В окно моей спальни в Бейонне светило утреннее солнце. Моей первой мыслью было: я должен немедленно позвонить Смиту и рассказать, что стало дальше с Перуджей. Затем я проснулся окончательно и все вспомнил, но все равно произнес вслух: «Смит, теперь мы знаем конец этой истории».

Отец все еще спал, с похмелья, конечно, и мы позавтракали с мамой вдвоем. Она спросила, хорошо ли мне спалось, и я ответил, что да. Это была ложь, но не совсем: в каком-то смысле я действительно отдохнул душой и успокоился, узнав, что Винченцо вернулся к сыну, и впервые после возвращения домой я чувствовал себя по-настоящему хорошо. Мама приготовила яичницу-болтунью и клубничные блины, и я все это съел, сдобрив половиной бутылки «Лог Кэбин»^[85], а она тем временем брала у меня интервью о моей работе («все отлично») и о моей карьере в искусстве («все отлично»). Не обошла она и свою любимую тему, встречаюсь ли я с кем-нибудь («да ни с кем особо») – еще одна «ложь, но не совсем»: ведь я не встречался с Аликс, а остальное не в счет.

Вернувшись в город, я позвонил инспектору Кабеналь и оставил ей несколько вопросов на голосовой почте: нашли ли они человека, нападавшего на Смита? ищет ли кто-нибудь подделки Шодрона? Я сомневался, что получу ответ, и действительно не получил. Мне хотелось понять, делают ли они вообще хоть что-нибудь? Обращались ли они в Лувр, проверяли ли тех подозрительных коллекционеров из списка Смита? Вспомнив про список, я просмотрел свои бумаги, но не нашел его. Потом вспомнил, что Смит отправил его мне по электронной почте, отыскал список в почтовом ящике и распечатал.

Там было четыре человека с манхэттенскими адресами. Я долго смотрел на эти имена, спрашивая себя, зачем я все это напечатал, и что, по моему мнению, я мог бы сделать. Позвонить им и спросить: эй, вы меня не знаете, но нет ли у вас случайно краденых произведений искусства? Например, поддельной «Моны Лизы»? А, может быть, и настоящей?

Да, нелепо.

Потом я подумал о Смите; мне казалось, что я у него в долгу. Я мог бы, по крайней мере, обелить его перед Интерполом, хотя дело тут было не только в долге или обязательствах. Мотив мой был гораздо менее благородным – месть. Вспомнилось: пачка «Мальборо» в рукаве футболки, татуировка на плече, мы с дружками выходим на тропу войны, чтобы поквитаться с теми, кто кого-то из нас обидел. Мы не всегда были правы, но это нам никогда не мешало. Забавно, а мне казалось, что все это осталось в прошлом. Но далеко ли мы уходим от самих себя прежних?

Я не стал долго размышлять над этим философским вопросом. Вместо этого я взял первое имя в списке Смита, Джонатан Тейвел, посмотрел, какое легальное произведение искусства за ним числится, и быстро составил план. Позвонив в его офис, я сказал секретарше, что я искусствовед, пишу статью о Тициане, и поинтересовался, нет ли у мистера Тейвела картин этого художника, и если есть, то не позволит ли он мне на них посмотреть. Все это я придумал на ходу, особо не задумываясь.

Секретарша ответила деловым, но любезным тоном, что ее босс в данный момент на деловой встрече, но она передаст ему это сообщение. Я повесил трубку, чувствуя одновременно разочарование и облегчение, и тут же позвонил следующему коллекционеру. Еще одна секретарша выслушала похожую историю со статьей, которую я якобы писал. У этой босс уехал в путешествие и не вернется в течение месяца. Я поставил вопросительный знак рядом с его фамилией и, пока решимость не иссякла, набрал номер следующего фигуранта из списка. Это был адвокат, и он, по словам его помощника, вел какое-то дело в Лос-Анджелесе и должен был вернуться не раньше чем через несколько недель. Еще один вопросительный знак. Остался только один местный коллекционер.

– Рембрандт? – дружелюбная и разговорчивая помощница повторила названное мной имя. – Мистер Бейн действительно коллекционирует произведения искусства, и некоторые из них находятся в наших офисах, но Рембрандта, насколько мне известно, среди них нет. Возможно, Рембрандт есть в одном из его домов, хотя я не уверена. Мистера Бейна сейчас нет на месте, но я передам ваше сообщение.

Фух, я сделал это. Позвонил. Этого пока достаточно. Смит гордился бы мной.

Осталось подождать и посмотреть, что из этого получится. Я сильно сомневался, что получится хоть что-нибудь.

Финансовый район закрыт, в 2:00 ночи все тихо.

Русский затягивается сигаретой, направляясь по Уотер-стрит на условленную встречу.

Посредник позвал его на личную встречу. Зачем это, после того, как он выполнил два его заказа без всяких встреч? Ловушка? Возможно. Он выполнил свою работу, и теперь они хотят с ним покончить. Он уже имел дело с такими клиентами раньше и готов ко всему, но сначала хочется посмотреть, что можно выудить из посредника – например, на кого он работает. Мысли о мести выются в его голове, как рой пчел-убийц.

В это время окрестности практически безлюдны, но его чуткий слух улавливает скрежещущий звук мусоровоза, отдаленную сирену, сигнал противотуманной сирены на реке. Он бросает украдкой взгляд в одну сторону, потом в другую, его рука лежит на рукояти ножа в кармане.

На Брод-стрит он поворачивает на восток, к реке.

Бар «Уличный ангел» открыт всю ночь, единственный в округе, вы легко его найдете.

Вот она, неоновая вывеска бара, мигает в темноте, как предупреждение.

Когда до бара остается полквартила, откуда-то появляются двое, один подскакивает спереди, другой сзади, они хватают его и тащат в переулок. Он был готов к нападению, но что-то прожужжало у шеи, и тело свело судорогой. Быстро придя в себя, он выбивает электрошокер из руки нападавшего, потом замечает у второго пистолет. Преодолев судорогу, он хватается за длинный ствол с глушителем, раздается выстрел, и пуля задевает край его ладони. Не выпуская пистолета, он достает нож из кармана и вонзает стрелявшему в живот. Но первый, тот, что с электрошокером, снова на ногах. Русский бьет его кулаком, затем бросается и всей своей сотней килограммов сбивает парня с ног. Приземлившись сверху на нападавшего, он перехватывает пистолет и прижимает ствол к его виску:

– Так ты... тот... чьи приказы я выполнял...

– Не-ет, – стонет парень, мотая головой в сторону того, что лежит неподалеку. – Вот он меня нанял. Я ничего не знаю! Я никто!

– Будь по-твоему, – говорит русский, стреляет ему в голову, откатывается, встает на ноги и, несмотря на то, что мышцы еще плохо его слушаются, целится из пистолета в человека на земле, который зажимает ножевую рану в животе.

– На кого ты работаешь? Кто послал тебя убить меня?

– Я... просто делаю то, что мне говорят... как ты. Выполняю приказы.

Русский ухмыляется, обнажая короткие темные зубы.

– У тебя есть выбор, мой друг. Через пять секунд я начну отстреливать тебе пальцы на руках и ногах, или ты скажешь мне то, что я хочу знать, и я уйду.

Раненый поднимает голову, глаза мигают, как гаснущая лампочка.

– Что... ты хочешь знать?

– Имя твоего босса.

– Не знаю... Никогда не знал. Никогда не встречался с ним. Ты же знаешь, как это делается, – его руки прижаты к животу, между пальцами сочится кровь.

– Тогда номер телефона.

– Он прикажет меня убить.

Русский наклоняется, вытаскивает сотовый телефон из кармана посредника.

– Не волнуйся, – говорит он и прицеливается. – Он не успеет.

Он стреляет в парня дважды, для верности. Затем поднимает с земли свою шляпу, выворачивает пальто наизнанку, чтобы скрыть следы крови, и уходит из переулка.

Пробираясь по пустынной улице, он просматривает сотовый телефон посредника, одержимый одной мыслью: найти человека, который приказал его убить, и убить его.

Через день секретарша Джонатана Тейвела перезвонила и сказала, что ее босс меня примет. Я немного удивился и даже подумал, не отказаться ли, но потом все-таки пошел.

Тейвелу было лет пятьдесят с небольшим, высокий лоб, волосы зачесаны назад.

– Напомните-ка мне, пожалуйста, почему вы решили, что эта картина Тициана находится у меня? – спросил он, засунув большие пальцы рук под полосатые подтяжки.

– Знакомый куратор из музея в Европе дал мне список картин Тициана и коллекционеров, которым, по его мнению, они могут принадлежать.

– Ваш друг ошибается. У меня есть кое-какие произведения искусства, но картин Тициана нет.

Тейвел взглянул на окно во всю стену, которое заливало его кабинет ярким утренним светом, открывая вид на реку Гудзон, статую Свободы, побережье Нью-Джерси.

– В каком музее, вы сказали, работает ваш друг?

Этого я не говорил, но теперь с готовностью ответил:

– В Лувре.

– В самом деле? Как его зовут?

– Жанжамбр. – Вряд ли он будет наводить обо мне справки у куратора Лувра, особенно если имеет дело с краденными произведениями искусства.

– Что ж, боюсь, ваш друг зря потратил ваше время.

Если так, то я не мог не задаться вопросом, почему Тейвел не пожалел своего времени на встречу со мной. Вслух я сказал, что ничего страшного, время у меня есть.

Тейвел хищно улыбнулся.

– Моя секретарша говорит, что вы историк искусства, пишете о Тициане.

– Об искусстве эпохи Возрождения в целом.

– Понимаю. И для какого издания, как вы сказали?

Опять-таки, я и этого не говорил.

– Для «Академического журнала», – ответил я. – А если не Тициана, то каких художников вы коллекционируете?

– Да разных... немного эпохи Возрождения, немного современности.

– Какие художники Возрождения?

– Рафаэль и Джорджоне. Конечно, только рисунки. Боюсь, картины мне не по средствам.

Я окинул взглядом его большой угловой кабинет с живописным видом из окна. Идя сюда, я немного подготовился и знал, что Тейвел является партнером-основателем инвестиционной фирмы, одной из крупнейших и самых престижных в городе. Вряд ли ему что-то было не по средствам. Солнце заиграло золотом на его запястье.

– Вижу, вам нравятся мои часы. «Вашерон Константин»... серия «Традиционель»... вечный календарь... открытый циферблат, – четко проговаривая каждое слово, он приподнял манжету, чтобы показать свое сокровище. Часы были стилизованы под солнечные, у них было даже четыре миниатюрных солнечных циферблата, и вся внутренняя механика на виду.

– Корпус из розового золота и сапфировое стекло. – Он поднес запястье к моему лицу. – Двести семьдесят шесть деталей. Тридцать шесть камней. Дни недели, календарь на сорок восемь месяцев, включая високосный год, и, конечно, фазы Луны.

– Конечно, – произнес я, чувствуя, что Тейвел пользуется цитрусовым одеколоном.

– Я без них никуда. Непременно обзаведитесь такими.

– Непременно, – сказал я, понимая, что он издевается. – Обменяю на такие свой «Таймекс».

Он рассмеялся. Чересчур громко. Я спросил, могу ли я посмотреть рисунки Рафаэля и Джорджоне, о которых он упоминал.

– Они у меня не в офисе, а в разных домах: на Парк-авеню, в Палм-Бич, в Аспене. Вы ведь не похититель картин, правда?

Еще один слишком громкий смех. Я тоже засмеялся.

– Нет. Просто адъюнкт-профессор истории искусств.

– В каком учебном заведении? Какой-нибудь общественный колледж?

Я не без удовольствия произнес название своего солидного университета, из которого меня скоро могли уволить. Правда, у меня

было ощущение, что Тейвел уже навел обо мне справки и знает, где я работаю.

– Рад за вас, – сказал он. – Вы живете в Нью-Йорке?

– В Бауэри.

– В Бауэри? Действительно? Трудно представить, чтобы район Бауэри, где раньше были сплошные трущобы, стал сейчас приятным местом проживания, хотя, возможно, все изменилось. Вам там не страшно?

Я сказал ему, что теперь это совершенно безопасный район.

– Очень может быть, – небрежно заметил Тейвел. – Хотя никогда нельзя быть уверенным, не так ли? Я имею в виду, все может случиться, где угодно.

Это он что, угрожает?

– Вот почему у меня на дверях засовы, – сказал я.

– А на окнах нет решеток?

– Я на верхнем этаже. Так что, если только Человек-Паук...

– Мой любимый супергерой, – проговорил Тейвел.

– В самом деле? Я бы предположил, что Росомаха.

Тейвел рявкнул смехом, похожим на смех росомахи.

– Вы мне льстите.

Ни единой зацепочки я не получил. Мы поговорили еще несколько минут о современных художниках, которых он коллекционировал – Уорхол, Баския, Кунс – но Тейвелу это, кажется, наскучило.

Возможно, он, в свою очередь, понял, что я не представляю для него серьезной опасности. Он подвел меня к двери своего кабинета и протянул руку.

– На вашем месте я бы все-таки поставил решетки на эти окна в Бауэри. – Он сильно сжал мою руку. – Ведь никогда не знаешь, когда может появиться Человек-паук.

Он снова рассмеялся.

– Да нет. – Я сдавил его руку в ответ. – Я никогда не боялся маленького Питера Паркера.

– А как насчет Росомахи? – Отпустив мою руку, он выпроводил меня за дверь и захлопнул ее перед моим носом.

Дома я отыскал визитную карточку инспектора Кабеналь. Я знал, что она не обрадуется моему звонку, но хотел рассказать ей о Тейвеле – просто упомянуть в разговоре его имя и посмотреть, что из этого выйдет.

К моему удивлению, она ответила на звонок, хотя, как и ожидалось, он ее явно не обрадовал. Я спросил о Джонатане Тейвеле. Это имя ничего для нее не значило.

– Это имя было в списке коллекционеров Смита, среди тех, кого он собирался опросить...

– И вы встречались с этим человеком?

– Да.

Последовала пауза, затем она заговорила, и слова ее звучали как ружейные залпы.

– Мистер Перроне! Если вы будете упорствовать в этих вопросах, у меня не останется иного выхода, как сообщить местным властям, чтобы они вас арестовали. Вы... понимаете?

Я хотел послать ее к черту, но промолчал.

– Алло? Вы меня слышите?

– Да, слышу.

– Все, что расследовал аналитик Смит, больше вас не касается. Его это тоже больше не касается. Его работа здесь закончена. Вы поняли?

– Понял, – сказал я и повесил трубку.

Пытаясь унять злость, я произвел тщательную уборку в своей студии. Неужели Интерпол совсем не интересуется этими нечистоплотными коллекционерами, или все, что связано со Смитом, дискредитировано и отвергнуто?

Все, что расследовал аналитик Смит, больше вас не касается. Его это тоже больше не касается.

Снова и снова я прокручивал эти слова в голове, механически наводя порядок на своем столе, комкая бумаги и засовывая ручки и карандаши в держатель.

Его работа здесь закончена. Ну, естественно, если он мертв.

На мгновение я остановился и уставился невидящим взглядом в окно на соседнее здание, продолжая вслушиваться в слова Кабеналь. Было что-то странное в формулировке «его это тоже больше не касается... его работа здесь закончена». Означало ли это, что она не закончена в другом месте? Может быть, она только что сообщила мне, что Смит жив?

Вспомнил я и свой звонок в больницу в Париже.

Мистер Смит больше не находится в реанимации.

Тогда я предположил, что это значит: он умер – основываясь на том, что Кабеналь не сообщила мне, как мы договаривались, что Смит выжил. Но что для нее значит наш договор? Она покончила со мной и со Смитом – живым или мертвым. Я еще раз позвонил ей, но на этот раз звонок перешел на голосовую почту. Я не оставил сообщения. Связавшись с международным оператором в Лионе, я попросил номер Джона Вашингтона Смита. Такого в списках не было. Но у меня ведь где-то был номер Смита; я точно помнил, как он протягивал мне свою визитку. Но не отдал ее в руки, а засунул в карман моей рубашки. А что было потом? Я на мгновение задумался, вспомнил, что звонил ему, прокрутил список исходящих, но не смог вспомнить, какой из них – номер Смита. Так, а откуда я ему звонил? Из такси, после того, как на меня напали. Точно.

Я достал бумажник, порылся в нем и нашел ее, маленькую белую карточку, завалывшуюся между евро и долларами.

Я слушал, как телефон дал три, четыре, пять звонков. Может быть, я сошел с ума; может быть, Смит мертв? Затем включилась его голосовая почта. «Оставьте сообщение».

И все; он не назвался, но голос определенно его. Старое сообщение?

Работал бы его телефон по-прежнему, если бы он был мертв? Может быть.

– Смит, – проговорил я, – это Люк Перроне. Мне надо тебе кое-что сказать. Перезвони мне... э-э... если ты жив.

Я повесил трубку. Через пару секунд телефон зазвонил.

– Перроне?

– Срань господня! Ты жив!

– Откуда у тебя этот номер?

– Ты мне сам его дал, не помнишь? Господи, все это время я думал, что ты мертв.

– Да какая разница...

– Тебе не к лицу хныкать, Смит.

– Да пошел ты, Перроне.

– Сам иди. Только скажи сначала, ты цел и невредим?

– На мне больше швов, чем на футбольном мяче, но я в порядке.

– Кабенька сказала мне, что ты мертв. Хотя не совсем так. Она сказала, что у тебя мало шансов выжить, проколоты внутренние органы и тому подобное.

– Какое-то время я висел на волоске. Полагаю, Кабенька сожалеет, что я не умер и не избавил ее и весь Интерпол от большого неудобства. Я потерял работу и селезенку, но, очевидно, селезенка – не самый нужный орган. В остальном, я почти цел и невредим.

– Господи, я сейчас позвоню этой сучке и выдам ей по первое число.

Смит попросил меня не делать этого; он сказал, что у нас обоих от этого будут лишние проблемы.

– Она дала мне понять, что ты умер, Смит. Знаешь, что со мной из-за этого было?

– Наверное, плакал, как дитя? – в его голосе впервые прозвучало ехидство.

– Хуже. – Я не стал вдаваться в подробности. Вместо этого я рассказал, что взялся за его список коллекционеров, о своих звонках и угрозах Тейвела.

– Ты с ума сошел? – воскликнул он.

– Я не более сумасшедший, чем ты.

– Послушай, теперь уже поздно. Я уволен, отстранен от работы. Как будто меня никогда и не было.

– Где ты сейчас? – спросил я.

– На своей дерьмовой квартире в Лионе, где же еще? Но я сваливаю отсюда.

– Куда пойдешь?

– Пока не знаю. Куда пойдешь сорокасемилетнему мужику без работы и без перспектив?

– В частный сектор?

– Служить охранником в каком-нибудь захолустном банке?

– А что, если я докажу, что ты был прав?

– О чем ты говоришь?

– Прослежу за этими коллекционерами, посмотрю, что можно выяснить. Накопаю что-нибудь и докажу Интерполу, что ты расследовал крупное дело, и твоя репутация восстановится.

– Моя репутация? Господи, Перроне, какой ты все еще романтик. Ничего из того, что ты скажешь, не повлияет на Интерпол. Я ведь говорил тебе, что уже слишком поздно – да и слишком опасно.

Я хотел сказать, что он заслуживает большего – за все, что он уже сделал. Но я знал, что он прав. Я не смог спасти его, сам-то еле спасся.

– Просто прекрати этим заниматься, – настойчиво произнес он. – Я не прошу. Я требую. Остановись. Ты слышишь меня?

– Я тебя слышу.

Его вздох в трубке прозвучал как порыв ураганного ветра.

– Послушай, я ценю твою заботу, но это бесполезно, и тебе нельзя так рисковать. Ты же видел, что может случиться, помнишь?

Я помнил.

– Обещай мне, что ты откажешься от этой затеи!

И я обещал.

В ту ночь я долго не мог заснуть. А когда все-таки уснул, мне снились кошмары: Смит умирал на парижской улице, модные часы Джонатана Тейвела таяли как на картине Дали, «Мона Лиза» парила в воздухе вверх ногами. Утром мне пришлось напомнить себе, что Смит выжил, и мне стало стыдно, что я тогда «сорвался» и запил по случаю его мнимой смерти. Мне хотелось позвонить Кабеналь и наорать на нее, но я понимал, что это ничего не даст, кроме проблем – тут Смит был прав. Вспомнил я и Тейвела, его лающий смех Росомахи и угрозы. Смит был прав и в этом: связываться с этими людьми было опасно, и мне следовало остановиться. Забудь эти глупости и сосредоточься на себе, своей жизни и карьере, подумай, что ты скажешь квалификационной комиссии, и займись творчеством.

Я открыл ноутбук, нашел список коллекционеров, составленный Смитом, и удалил его. Затем скомкал уже распечатанный список и выбросил его в мусорное ведро.

После этого я разобрал свой «алтарь» и опустошил картотеку: карты Лувра с маршрутом Перуджи, моя переписка, статьи о краже «Моны Лизы», которые я собирал более двадцати лет – все пошло в мусорное ведро. Единственное, что я оставил – это фотография прадеда, хотя с тех пор, как я сбрил усы и постригся, я стал гораздо меньше на него похож.

Было даже приятно выбросить все это из головы – не просто начать новый день, а в каком-то отношении начать жизнь сначала.

Затем я развернул картины, которые оставил незаконченными несколько недель назад, прислонил их к стене и разложил кисти и тюбики с краской. обстоятельно, как в годы учебы, я разложил краски вокруг палитры в установившемся порядке: земляные тона рядом с желтыми, далее оттенки красного, потом фиолетовые и синие, а по краям – большие тюбики черного и белого. Приятно было хоть что-то упорядочивать, после того как большая часть моей жизни вышла из-под контроля.

После этого я осмотрел незаконченные картины.

Сильные и красочные, полные надежд и внутренней логики, которая помогает им подняться над обычными абстракциями, – так

писала «Нью-Йорк таймс» четыре года назад, во время моей последней выставки. Так что же стало со всеми этими надеждами?

Я посмотрел на маленькую картину, стоявшую на подоконнике, натюрморт Перуджи: фрукты, выложенные на красную ткань и обведенные темно-сине-черным.

Через несколько минут я уже забивал гвозди в стену и вешал новый чистый холст – я никогда не пользовался мольбертом – затем выдавил краску на палитру и разлил по банкам растворители.

Несколько часов я увлеченно работал, потом остановился и отступил назад, чтобы лучше оценить результат.

Основой для картины послужил вид, открывавшийся из окна моей студии, она была написана жирными мазками и являла собой смесь абстракции и городского пейзажа – он проступал при внимательном рассмотрении. Уродливая и красивая, непохожая ни на одну из моих прежних работ, с таким толстым слоем краски, что на его высыхание требовалось несколько недель, края форм были прочерчены в краске обратной стороной кисти или обведены чернильно-сине-черным контуром.

Я долго смотрел на холст, оценивая его, словно чужую работу. Возможно, это была самая честная и убедительная картина, которую я когда-либо создавал – образ, рожденный исключительно чувствами, впечатлениями данного момента, «здесь и сейчас». Впервые за много лет мне захотелось немедленно продолжить работу, и я прикрепил к стене новый чистый холст. На этот раз я писал сразу краской, позволяя кисти делать то, что она хотела – сама направляла мою руку.

Прошел час; картина была еще сырой и не полностью прописанной, но бурлила жизнью: обнаженная натура без лица. Несколько раз я пытался нарисовать лицо – и каждый раз стирал его тряпкой, оставляя пятно размазанной краски над грудью и шеей. Хотя я точно знал, чей образ пытался уловить – той женщины, которую я не смог удержать в реальной жизни. Женщина, которую я бросил – или она бросила меня?

Сунув кисти в уайт-спирит, я переоделся и стер краску с рук – и все это время думал об Аликс.

Через минуту я уже разговаривал по мобильному телефону. Спенс. Далтон. Бирли. Я обзвонил все элитные частные школы Манхэттена. Никто из них никогда не слышал об Александре Грин.

Я оглянулся на незаконченную обнаженную натуру и понял, что Аликс где-то недалеко, в этом городе. Я это чувствовал.

Он оглядывает улицу в обе стороны; бесцветные глаза обшаривают новые и старые здания, какую-то металлическую конструкцию под непонятным названием Новый музей, кишачий пешеходами тротуар. Он ищет взглядом тех, кто никуда не идет: фокусируется сначала на молодом человеке, уткнувшемся в мобильный телефон, затем на неряшливо одетом мужчине на углу – действительно бездомный или притворяется? Обычно ему удается распознать профессионала, но здесь, на Манхэттене, на странной разношерстной улице под названием Бауэри, это сложнее – людей тут много, и они очень разные: изысканно одетые и оборванцы, американцы, азиаты, европейцы... Одни в мехах, другие в такой рванине, что наверняка мерзнут – сырой холодный ветер с двух больших рек продувает весь город насквозь.

Он проверяет свое устройство для слежки: красная точка не движется, Американец дома, в каких-то пяти этажах над ним. В памяти всплывают эпизоды их пребывания во Флоренции и Париже, и он размышляет об их странной взаимосвязи. Он понимает, что Американец как-то связан с тем человеком, которого он сам ищет, человеком, который пытался его убить. Он подозревает, что этот человек тоже хочет смерти Американца, и, скорее всего, следит за ним. Он просматривает звонки и сообщения Американца – вряд ли это что-то даст, но проверить нужно. Портативное устройство подает звуковой сигнал: это значит, что Американец начал двигаться. Через несколько минут русский поднимает глаза, и – конечно, вот же он, выходит из здания. Русский отворачивается, не сводя глаз с движущейся по экрану мобильного красной точки, затем осторожно оглядывается через плечо и видит, как Американец исчезает в метро.

Меньше чем за минуту он вскрывает цифровой замок входной двери и поднимается по старой металлической лестнице на пятый этаж.

Входную дверь студии Американца оказывается так же легко открыть.

Он заходит, осматривает неровные деревянные полы и металлический потолок, скудную мебель, большую стену с полками,

забитыми книгами. На низком деревянном журнальном столике – еще книги, одна прямо сверху, она про художника Караваджо, картину которого он видел в музее Флоренции, и она ему понравилась. Он быстро пролистывает книгу, останавливается на цветной репродукции головы Медузы во всю страницу и вырывает ее. Сворачивает листок в плотную трубочку и засовывает в нагрудный карман. Он идет по коридору в следующую, более просторную комнату с холстами на стенах, брызгами краски на полу и тяжелым запахом масла и скипидара в воздухе. Он подходит к картине и дотрагивается до нее. На кончиках пальцев остается краска, на поверхности картины – небольшие вмятины. Он берет кисточку и смазывает ею отпечатки пальцев.

Потом он вытирает рукоять кисти тряпкой, той же тряпкой вытирает пальцы, выворачивает ее наизнанку и засовывает в задний карман. Он останавливается на мгновение, чтобы полюбоваться картиной обнаженной женщины без лица. Он с трудом подавляет в себе желание оставить Американцу записку: «Эта мне нравится – закончи ее!»

На длинном деревянном рабочем столе стоит ноутбук, рядом с ним стопка счетов, чековая книжка, несколько заметок, которые ему не удастся прочитать, потому что почерк Американца – неразборчивые каракули. Рядом со столом – маленькая корзина для мусора, она переполнена. Наклонившись, он вытаскивает оттуда небрежно скомканный листок бумаги с эмблемой в виде синего шара – она-то его и привлекла – и расправляет его на столе. Теперь он ясно видит, что это логотип Интерпола и список напечатанных имен. Он вспоминает богачку из дома с куполом и ее слова, что эти люди из Интерпола. Может ли Американец работать на Интерпол, или эта бумага принадлежала другому человеку – тому, с которым покончено?

В любом случае, имена в списке Интерпола – это то, что нужно проверить. Он засовывает бумагу в карман, рядом со свернутой картиной Караваджо. Затем он берет аккуратную стопку счетов, конвертов и чековую книжку и перекладывает их с одной стороны стола на другую. Ведь если жертва не подозревает, что ее преследуют, это как-то даже неинтересно.

Я начал с Далтона. Сочинил еще одну легенду – на сей раз, будто я пишу статью о лучших частных школах Нью-Йорка. Директриса изъявила готовность ответить на мои вопросы. Я тоже был готов к разговору: узнал заранее имена некоторых прославившихся выпускников их заведения: Клэр Дэйнс, Андерсона Купера, Чевы Чейза. Среди прочих упомянул я и Александру Грин, добавив: «Она стала известным искусствоведом». Но директриса никогда о ней не слышала. Я показал ей фотографию Аликс на мобильном телефоне, которую я сделал, когда она спала в номере гостиницы. Снимок я, конечно, обрезал, чтобы было видно только голову. Директриса сказала, что не знает ее. Я попросил ее посмотреть еще раз. Она ответила, что абсолютно уверена, и я ей поверил. Ни в ее лице, ни в голосе не было и тени колебания.

То же самое было и в Спенсе.

Я уже готов был сдать, когда добрался до Брирли, одной из лучших школ Манхэттена, для девочек из высшего общества.

– Она училась у вас около десяти лет назад, – сказал я тамошней директрисе, являвшей собой типаж женщины-администратора с солидной фигурой и тугим пучком волос на макушке.

Она ответила, что занимает эту должность почти тридцать лет и не помнит ни одной студентки по имени Александра Грин, – «а у меня отличная память, и я помню всех моих девочек, хотя и не чувствую себя вправе разглашать подобную информацию».

Я показал ей фотографию с мобильного телефона.

– А, – произнесла она, потом сразу, – нет. Понятия не имею, кто это.

Но я видел по глазам, понял по небольшой заминке и интонации в голосе, что она узнала Аликс. Я хотел продолжить расспросы, но понимал, что она ничего мне не скажет. Директриса сразу же попрощалась, пожелала мне удачи со статьей и выпроводила меня из кабинета.

Вернувшись домой, я сразу же почувствовал знакомое ощущение вторжения – то же самое чувство я испытал в своем гостиничном номере во Флоренции. Уже на пороге казалось, будто сам воздух в

квартире был потревожен, к тому же пропах табаком. Я прошел через прихожую, заглянул в ванную, даже отодвинул занавеску для душа, словно ожидал увидеть там визжащего Нормана Бейтса.^[86] В студии я осмотрел стеллажи с краской, свой длинный рабочий стол, потом заглянул под него. Казалось, ничего не пропало. Тем не менее что-то было не так; например, бумаги и конверты лежали слева от ноутбука, а я мог бы поклясться, что всегда держал справа – или все же так и было?

Дальнейший осмотр ничего не дал: казалось, все вещи на своих местах. Неужели паранойя, которую я испытывал в последние несколько недель, стала постоянной частью моей психики? А может быть, это сработала плохо завуалированная угроза Джонатана Тейвела: «Вы чувствуете себя в безопасности в Бауэри?»

Я проверил окна и открыл одно из них, с улицы пахло причудливым местным букетом: алкоголь, мусор, бензин.

Еще разок пройдясь по студии и не обнаружив больше ничего подозрительного, я махнул рукой на свою тревогу, приписав ее паранойе. А что же это еще?

Наконец, я уселся за компьютер и произвел тот поиск в Гугл, который собирался сделать, идя домой. Я набрал «выпускницы Брирли», прикинул истекший срок и ограничил поиск 2008 и 2009 годами.

Бегло просмотрев список выпускниц 2008 года, я обстоятельно изучил личные странички – они были заведены на каждую девочку. Но Аликс среди них не было.

Таким же образом я проработал выпуск 2009 года. И снова ничего.

Тогда я принялся изучать выпуск 2010 года, просматривая фотографии, расположенные в алфавитном порядке, и задержался на букве «Г». Никакой Александры Грин там не было. Я был разочарован, но продолжал просматривать страницу с фотографиями – и вдруг остановился и замер, увидев фото с подписью: Алексис Верде.

Совсем немного времени мне потребовалось, чтобы последить связь: Александра Грин – Алексис Верде.

«Верде» – по-итальянски значит «зеленый».

Я зашел на «Фейсбук», набрал «Алексис Верде» – и вот она, маленькая фотография девушки, которую я ни с кем не смог бы

спутать. Но единственный способ узнать больше – это «подружиться» с ней. Подумав, я решил, что это плохая идея.

Еще немного покопавшись, через «Уайтпейджиз»^[87] я смог узнать лишь следующее: Алексис Верде, Нью-Йорк, возраст 24–30 лет.

Я подумывал о том, чтобы вложить десяток долларов в поиск по системе «Интелиус», но засомневался: действительно ли я должен искать ее, если она так явно не хочет, чтобы ее нашли?

Аликс-Алексис. Которая солгала мне про свое имя и про то, в какую школу она ходила.

О чем еще она солгала? И почему?

Ричарду Бейну-младшему на вид было лет шестьдесят с небольшим, это был мужчина примерно моего роста, с копной совершенно белых волос.

Когда его помощница позвонила и сказала, что она передала мое сообщение и ее босс будет рад меня видеть, я подумал: «Нет, я же обещал Смигу, что откажусь от этого». Затем я быстро поискал в Гугл – и не нашел никакой информации о Бейне, кроме того факта, что он создал одну из самых успешных инвестиционных фирм Уолл-стрит. Это меня заинтриговало.

А как же мое обещание не лезть в эту историю? Ну, в последний раз!

И вот я стою в офисе Бейна на тридцать восьмом этаже, просторном помещении с гравюрами старых мастеров на прохладных белых стенах, с видом на небоскребы «Крайслер» и «Эмпайр-Стейт-билдинг» и широкую полосу реки Гудзон.

Бейн поднялся из-за стола с мраморной столешницей, на котором не было ничего, кроме компьютера – ни единой бумаги, папки, карандаша или ручки – все в этом офисе выглядело так, словно здесь никогда не работали. Правда, на большом экране на противоположной от хозяина стене беззвучно отображалась рыночная информация.

– Похоже, вы сами проложили себе путь к успеху, – сказал я.

– Почему вы пришли к такому выводу? – спросил он с приветливой улыбкой.

– Просто о вас очень мало информации в Интернете. Можно подумать, вы родились прямо здесь, на Уолл-стрит.

– Не совсем. – Бейн рассмеялся, обнажив ярко-белые зубы. – Итак, вы наводили обо мне справки в Интернете.

– Разве в наши дни не все так делают?

– Только не я, – сказал он. – Я из той эпохи, когда ничего не знаешь о человеке, пока не познакомишься с ним – и мне так больше нравится.

От моих извинений, что я отвлекаю его от работы, Бейн благодушно отмахнулся, добавив, что он почти устранился от дел:

«Бываю в офисе раз или два в неделю, главным образом, чтобы действовать на нервы своим партнерам».

Я посмотрел на одну из висящих на стене гравюр – руки, нарисованные с дотошной детализацией.

– Это Дюрер? – спросил я.

– А вы разбираетесь в художниках.

– Я же преподаю историю искусств, так что... Вы коллекционируете старых мастеров?

– Раньше я этим занимался, но теперь уже нет. Я почти все раздарил.

– И у вас не возникает желания приобрести что-нибудь еще?

– В определенном возрасте человек перестает чувствовать в этом потребность. – Бейн наклонился к гравюре. – Красиво, не правда ли, такая изящная штриховка. Эта гравюра Дюрера у меня уже давно, да еще несколько картин – в их числе тот Рембрандт, которым, как мне сказали, вы интересовались. Это мои любимчики, от которых мне не хочется отказываться из чисто сентиментальных соображений, но период серьезного коллекционирования у меня закончился. Я пришел к выводу, что коллекции – это игрушки эгоистов.

Он серьезно посмотрел на меня и спросил, коллекционирую ли я произведения искусства.

Я ответил, что не могу себе этого позволить, хотя иногда обмениваюсь картинами с друзьями-художниками.

– Значит, вы художник?

– Ну, вроде того.

– Не скромничайте, молодой человек. Я не добился бы того, чего смог добиться, будь я скромным. – Он похлопал меня по плечу. – Люблю поговорить об искусстве с людьми, которые в этом что-то понимают. Я изучал бизнес, поэтому ничего не знал об искусстве, пока не начал коллекционировать.

– И вы совсем не скучаете по этому занятию?

– Не так чтобы очень. У меня есть несколько вещей, и мне их достаточно. – Бейн снова улыбнулся. – Так вы пишете о Рембрандте?

– Да, для академического художественного журнала... гм, «Аполлон». Он издается в Лондоне, небольшим тиражом. Вряд ли вы о нем слышали, – сказал я, надеясь, что так и есть.

Бейн ответил, что не слышал, и выразил удивление, что я пишу о Рембрандте, ведь большинству людей он больше не интересен, несмотря на то, что его имя тесно ассоциируется с искусством.

– Я один из тех, кто все еще считает Рембрандта великим художником.

– Тогда вы должны взглянуть на мою гравюру Рембрандта. Мы немножко выпьем, и вы сможете спокойно поведать мне о статье, которую пишете... – тут он прервал себя, извинился и сказал, что совсем забыл: послезавтра он уезжает в Лондон.

Ничего страшного, ответил я, время терпит, я могу подождать, пока он не вернется, но Бейн отверг этот вариант.

– Меня может не быть несколько недель, возможно, месяц. Приходите завтра вечером, в шесть тридцать. Я уже полностью готов к поездке и буду дома, мне все равно нечего делать.

– Мне не хотелось бы стеснять вас...

– Не говорите глупостей, – отмахнулся Бейн и протянул мне карточку со своим адресом.

Американец выходит из здания, и он дает ему уйти вперед, прячась за толпами прохожих. Все они на вид такие богатые, что он не может понять, хочется ли ему стать одним из них – или убить их всех. Он знает, что Американец только что встречался с одним из людей в списке, валявшемся в его студии, – он проверил номер телефона через приложение «Уайтпейджиз». Поисковые системы утверждают, что этот тип – финансовый жирный кот, в точности как и тот, другой, Тейвел. За Тейвелом он вчера проследил от офиса до дома, отвлекшись от Американца, и видел, как Тейвел вошел в здание на Парк-авеню с несколькими швейцарами у входа, все они раскланивались перед ним.

Теперь он знает, где работает и где живет Тейвел, а теперь и где работает этот Бейн. Узнать, где живет Бейн, тоже будет нетрудно.

Он следит за перемещением красной точки, давая Американцу уйти подальше вперед, затем спускается за ним на станцию метро, едет с ним в одном вагоне, сохраняя безопасную дистанцию и наблюдая за ним через плечи десятка пассажиров. Он закрывает глаза и представляет себе мастерскую Американца, большую просторную студию и холсты, покрытые краской. Другая жизнь, так непохожая на его собственную – хотя иногда ему кажется, что собственной жизни у него и вовсе нет. Рядом с ним стоит молодая женщина, даже девушка: подкрашенные глаза, волосы с фиолетовыми прядями, кольцо в носу – она падает на него каждый раз, когда поезд останавливается или кренился.

Она напоминает ему о его первой работе после войны, о молодых девушках, которых он продавал торговцам. Только в наши дни это уже не «прокатывает», все подрядчики и международные агентства стали настороженно относиться к этому бизнесу. Что им не нравится?

Можно подумать, дома этих девочек ждало что-то лучшее. Он подавляет в себе желание продеть палец в кольцо в носу девушки и увести ее с поезда, сделав своей рабыней. Он улыбается ей, но она смотрит куда-то перед собой, ее наушники явно заглушают шум вокруг, взгляд ее пуст; несомненно, вся захвачена какой-то идиотской мелодией, которая звучит для него как стрекотание насекомых.

Он смотрит мимо девушки сквозь толпу, чтобы убедиться, что Американец еще на месте. Он надвигает шляпу пониже на лоб, похлопывает себя по нагрудному карману, нащупывая трубку, в которую свернута картинка, вырванная из книги. Он представляет себе картину с Медузой, скользящих змей и отрубленную шею, брызги крови, выражение беспримесного ужаса на лице. Каждая работа чему-то учит. В этот раз он узнал, что был такой художник – Караваджо. Очевидно, родственная душа.

За восемь долларов «Интелиус», онлайн-поисковая система для публичных записей, нашла адрес: Восточная Тридцать Вторая улица. Это было совсем не то, чего я ожидал. Я всегда представлял, что Аликс живет в шикарной квартире в Верхнем Ист-Сайде с видом на реку и двумя-тремя швейцарами у входа, а не в Мюррей-Хилл, районе студентов и молодых людей, снимающих жилье за разумную арендную плату.

Для верности я еще раз проверил адрес, а потом отправился туда. Здание оказалось средней величины, из красного кирпича. Швейцар там все же был, но только один. Я спросил Алексис Верде, и когда он ответил, что ее нет дома, я сделал вид, что уточняю что-то по своему мобильному телефону, и сказал, что, видимо, перепутал время. Потом я повернулся и вышел на улицу, чувствуя скорее облегчение: я не приготовил плана, что сказать и как себя вести, если она окажется дома. На углу я остановился и стал ждать.

Прошло десять минут. Потом еще двадцать. Решимость моя поубавилась, хотелось сбежать, но я должен был увидеть ее, должен был узнать, кто она такая и почему солгала мне.

Думая о ней, я начал составлять в уме список, за что я ее, как мне казалось, полюбил: внешность, ум, манера держаться, голос, самообладание, прикосновения, умение понять меня... во всяком случае, мне казалось, что она меня понимала. Хотя, возможно, все это был обман. Единственное, что я знал наверняка, так это то, что я был пленен женщиной, которую, как мне казалось, я знал, но выяснилось, что нет. Я прошел по улице в одну сторону, потом в другую, репетируя, что скажу ей, но не мог сосредоточиться, мысли и чувства пребывали в полнейшем беспорядке. Время от времени я поглядывал за угол и дальше по кварталу, надеясь увидеть ее и в то же время страшась этого.

Еще через полчаса, все еще перебирая в голове фразы, с которых лучше начать разговор, я увидел, как она идет по улице. Дождавшись, когда она окажется в нескольких футах от меня, я шагнул к ней навстречу из тени.

– Люк... – выдохнула она, застыла на мгновение, а потом быстро обошла меня и практически побежала к своему дому. Я пошел рядом, безуспешно пытаюсь вспомнить хоть одну из заготовленных фраз.

– Почему ты солгала мне? Я хочу понять... Я думал... Я не знаю, что я думал... Поговори со мной, пожалуйста... Объясни, в чем дело...

– Ты должен уйти! – бросила она и скрылась в подъезде.

– Я не уйду! – крикнул я ей вслед. – Ты должна мне все объяснить.

Швейцар, молодой латиноамериканец с бейджиком «Эдвин» и крепкими мышцами под тесной униформой, преградил мне путь.

– Не заставляйте меня звонить в полицию, сэр. – Он положил руку мне на грудь.

– Эдвин, – взмолился я. – Ты когда-нибудь был влюблен?

Эдвин сочувственно посмотрел на меня и посоветовал пойти домой и как следует выпить.

В любое другое время я бы, наверное, посмеялся над такой иронией судьбы. Еще раз выкрикнув имя Аликс, я повернул к выходу. Всего в одном шаге от двери я услышал, как ее голос тихо произнес мое имя.

Мы стояли рядом в лифте, молча, как чужие, потом зашли в ее квартиру. Я попытался придумать, что бы такое сказать, но не смог. Квартира тоже оказалась не такой, как я себе представлял, – большой и просторной, но со старыми створчатými окнами, обеденным столом с разномастными стульями, слегка потертым диваном, грубо обработанными деревянными полами. Подходящая декорация для двух актеров, не выучивших свои роли.

– Аликс... Алексис... Я даже не знаю, как тебя называть.

– Это была плохая идея, Люк.

– Что ты имеешь в виду? Мое присутствие здесь или всю ту ложь, которую ты мне наговорила?

– А как насчет того, что ты мне наговорил? Разве ты мне не лгал?

– Я... пытался защитить тебя.

– От чего?

– Я не хотел, чтобы ты пострадала.

– Не понимаю... – произнесла она, и на ее лице отразилось замешательство. – Это я пыталась защитить тебя!

– Защитить меня?

– Я не думала, что все так получится. Я не хотела...

Она закрыла глаза, судорожно плотнула, по ее щекам потекли слезы, и я притянул ее к себе, мои губы коснулись ее губ, прежде чем она смогла возразить; и она поцеловала меня в ответ, затем отстранилась и сказала, что я должен уйти.

– Нет, я не уйду, пока ты не расскажешь мне, что происходит. Я тоже расскажу тебе все, что ты хочешь обо мне знать, вообще все – если ты просто объяснишь мне, что происходит.

– Слишком поздно, – сказала она.

– Для чего?

– Для всего этого. Для нас. – Она отвернулась, дневной свет из окна высветлил ей лицо. – Это была работа... мне поручили выяснить, чем ты занимаешься... во Флоренции.

Мне показалось, что я ослышался. Работа? Неужели она шпионила за мной? Но почему?

– Это из-за дневника Перуджи?

Она произнесла «да» так тихо, что я едва расслышал. Я схватил ее за плечи, повернул к себе лицом, снова спросил «для чего» – мой голос дрожал от мольбы и гнева.

– Я не могу тебе сказать. – Она пыталась вырваться из моей хватки, но я не отпускал.

– Ты не можешь – или не хочешь?

– Это не имеет значения. Не сейчас. Ты должен забыть все, что между нами произошло. Забудь меня.

Мне захотелось встряхнуть ее.

– Но ведь дело не только в нас с тобой, Аликс. Погибли люди. Ты это понимаешь? Я бы хотел забыть об этом, но не могу. Я собираюсь все выяснить, независимо от того, скажешь ты мне что-нибудь или нет. У меня есть список имен, коллекционеров произведений искусства, которые...

Аликс перестала сопротивляться, ее напряженное от ожидания и страха лицо приблизилось к моему.

– Коллекционеры произведений искусства? Что ты имеешь в виду?

Я рассказал ей о списке коллекционеров краденых произведений искусства и о том, что я уже начал связываться с ними.

– Что ты делаешь? Ты должен остановиться! Немедленно! – теперь ее голос задрожал от мольбы. – Послушай, этот дневник... люди, с которыми ты связался... они опасны, они более опасны, чем ты можешь себе представить.

– И ты работаешь на них, на этих опасных людей?

– Я... Это уже не имеет значения. Просто остановись.

– Уже слишком поздно. Я уже встречался с некоторыми из них.

– Кто они? Как их зовут? Назови мне их имена.

– Джонатан Тейвел и Ричард Бейн. Эти имена тебе что-нибудь говорят?

– Нет, – произнесла она решительно, коротко вздохнув перед этим.

– Ты все еще лжешь, не так ли?

Она вырвалась из моей хватки, открыла дверь своей квартиры и положила руку мне на спину.

– Просто уходи! – сказала она напоследок, после чего вытолкнула меня за дверь, закрыла ее и заперлась.

Дальше по улице, наполовину скрытый навесом высокого здания, стоит русский и ждет. Купив себе пальто из мягчайшей шерсти, он чувствует себя одним из многих хорошо одетых ньюйоркцев, которых видит повсюду в городе. Никогда в жизни он не тратил столько денег на предмет одежды. Но пальто, купленное на послерождественской распродаже за полцены, было таким мягким, что он время от времени невольно поглаживает ткань рукой. «Стопроцентный кашемир», – сказал продавец. Шляпу он тоже здесь купил, серую фетровую шляпу взамен старой, испачканной кровью.

Кроме того, он приобрел новую пару солнцезащитных очков, с металлической оправой и зеркальными стеклами: с его стороны все видно, а снаружи ничего.

Из тени и из-под полей своей новой шляпы он пронаблюдал, как Американец и блондинка зашли в здание из красного кирпича.

Он уже близко к цели. Он это чувствовал. Чутье его никогда не подводило.

Да, он ценный кадр, хоть и устал изрядно. Ему срочно нужен отдых: пляж и тот самый отель в пастельных тонах.

Но сначала он найдет человека, который хотел его убить, оплатит ему равной мерой, и если получится, помучит перед этим.

Аликс слышала, как Люк колотит в дверь и зовет ее. Зажав уши руками, она ушла в спальню, села на край кровати и смотрела на размытое небо за окнами, пока Люк не перестал стучать.

Трудно было в это поверить. Он все-таки нашел ее. Случилось то, на что она в глубине души надеялась. То, чего она так боялась. Ей хотелось рыдать, кричать, метаться по комнате, но она сидела тихо и неподвижно, не зная, что делать.

Когда она поняла, что выбора у нее нет, что Люк в любом случае все узнает, она потянулась за мобильным телефоном и набрала номер.

– Алексис, дорогая, – произнес в трубке мужской голос, – я ждал твоего звонка.

Я долго держал перед собой две рубашки, синюю и белую, выбирая, какую из них надеть, но думал совсем не об этом. Просто я ни на чем не мог сосредоточиться с того момента, как ушел от Аликс. А уж то, какую рубашку надеть, чтобы посмотреть гравюру Рембрандта, до которой мне не было никакого дела, занимало мое сознание в последнюю очередь.

Я нашел ее. Александру Грин. Алексис Верде.

А она, оказывается, шпионила за мной.

Все мои мысли занимал тот факт, что женщина, о которой я не мог не думать постоянно, та самая женщина, которую, как мне казалось, я полюбил и до сих пор не мог избавиться от этого чувства, – была кем-то нанята, чтобы следить за мной.

Махнув рукой, я выбрал синюю рубашку и продолжал думать об Аликс. Кто она на самом деле? Может быть, она до сих пор лжет мне? Конечно, так оно и есть; я видел это по ее лицу.

Но в чем именно? И почему я не распознал эту ложь раньше?

Потому что я был ей очарован, ослеплен. Может быть, все, что со мной творится – это морок, а не любовь.

Мой разум напряженно искал ответ, какое-нибудь объяснение происходящему. Я должен был знать. Я не готов был сдаться или отпустить ее.

Одевшись на автопилоте, я решил, что после того, как посмотрю Рембрандта, я отправлюсь к ее дому и буду стоять под окном на улице весь день. И всю ночь, если понадобится. Сколько угодно времени. Я должен убедить ее рассказать мне все, довериться мне – даже несмотря на то, что я не могу доверять ей.

Ривервью Террэс представляла собой тупичок из шести стильных таунхаусов в конце Восточной Пятьдесят Девятой улицы, с частной дорогой, красивым закрытым сквериком и живописным видом на Ист-Ривер и мост Куинсборо. В этой части города мне до сих пор не доводилось бывать. Она словно сохранилась с прошлого века, и так оно, безусловно, и было. Здесь не было уличного движения и шума пронсящих мимо машин и автобусов, слышался только плеск воды да изредка сигнал противотуманной сирены.

Железные ворота с жужжанием открылись, и голос Бейна, искаженный переговорным устройством, объяснил, как пройти к его дому, описав деревянную дверь с вычурной резьбой. Я ожидал, что дверь откроет слуга, но меня встретил сам хозяин, одетый с элегантно небрежностью: темно-синий свитер, брюки и топсайдеры. [88] Стены фойе были отделаны темным деревом, пол – мрамором.

– Я понятия не имел, что этот район вообще существует, – сказал я.

– Да, можно десять раз пройти мимо и не заметить его, – ответил Бейн. – Он совершенно скрыт от окружающего мира, потому мне здесь и нравится.

Да и кому бы не понравилось? Я окинул взглядом широкую изогнутую лестницу с дубовыми перилами и дорогим ковром на ступенях.

– У вас тут красиво.

– Спасибо. – Он повел меня по коридору, украшенному расписанной орнаментами керамикой на подставках.

– Греческие? – спросил я.

– А вы разбираетесь. Середина восьмого века. Поздний геометрический стиль.

– Значит, все-таки коллекционируете.

– А, это у меня уже тысячу лет стоит. Почти не шучу. – Бейн улыбнулся. – Пойдемте сюда, к Рембрандту.

Мы прошли в небольшой кабинет, также отделанный темным деревом, с мягкими стульями, встроенным шкафом и ковром цвета

крови.

– Вот, – он указал на картину в тяжелой раме, стоявшую на антикварном письменном столе прислоненной к стене. – Взгляните, а я пока принесу вам выпить.

Он отвернулся к барной тележке с бутылками и хрустальными бокалами разных форм и размеров.

– Вы ее не вешаете? – спросил я, подходя к гравюру.

– Она была упакована, я принес ее сюда для вас.

Я сказал, что не стоило беспокоиться, и он ответил, что это не составило труда.

– Вина? – предложил он. – Или чего-нибудь покрепче? У меня есть прекрасный односолодовый скотч.

– Звучит заманчиво, – ответил я, – но я не пью.

– Может быть, передумаете? – Бейн поднял бутылку. – Макаллан, двадцать пять лет выдержки. Уверены?

– Я бы с удовольствием, но нет, спасибо. Мне воды, если можно.

– Напрасно. – Бейн налил себе скотча, а мне «перье». [\[89\]](#)

– За искусство, – произнес он, чокаясь со мной стаканами, затем взял со стола большую лупу с костяной рукояткой, протянул ее мне и предложил изучить детали.

Водя увеличительным стеклом по гравюру, как когда-то по «Моне Лизе», я испытал жутковатое чувство «дежа вю». В деревьях и облаках обнаружили скрытые фигуры, удивительные и красивые. Я отметил, что «вживую» картина производит гораздо более сильное впечатление – как будто раньше видел ее.

– Это относится ко всему искусству, не так ли? В наше время люди думают, что они что-то знают, потому что видели это на экране компьютера, но так невозможно оценить мастерство художника, манеру письма, текстуру, краски... Извините, я увлекся.

Я ответил, что мне нравится слушать человека, по-настоящему увлеченного искусством.

– Мне кажется, некоторые из моих студентов предпочтут распечатать такую гравюру у себя с ноутбука. Так проще и удобней – не нужно толкаться в шумной толпе.

– Насчет толпы и шума должен согласиться. Я перестал ходить в музеи. Мне не нравится смотреть из-за чужого плеча и выслушивать мнение каждого. Так невозможно оценить искусство, – сказал Бейн,

стоя рядом и вместе со мной глядя на картину. – Эта гравюра – одна из трех существующих в мире сегодня, хотя я не знал этого, когда ее покупал. Я просто восхитился тем, сколько труда Рембрандт в нее вложил... Так расскажите мне об этой вашей статье.

Он повернулся ко мне, и я начал пересказывать позаимствованную из Интернета теорию о способе работы Рембрандта. В это время до нас донесся тихий стук закрываемой входной двери.

– Жена пришла, – Бейн извинился и спустился вниз.

Я продолжил рассматривать гравюру, но меня отвлекали голоса Бейна и какой-то женщины, приглушенные расстоянием, толстыми стенами и коврами. Так прошло пять минут, десять... Еще через пять минут я, не утерпев, вышел в коридор.

Здесь их слова еще трудно было разобрать, но голоса звучали громче, и стало понятно, что они о чем-то спорят.

– Оставь его в покое, – донеслись слова женщины.

– Извини, этого я не могу себе позволить, – отвечал Бейн.

Мне не хотелось вмешиваться в супружескую ссору, но что-то в их голосах влекло меня вперед. Сделав еще несколько шагов по коридору, я услышал, как женщина сказала: «Ну, пожалуйста». В голосе, произнесшем эти слова, звучала такая мольба, что по моему телу пробежал холодок.

Когда я вошел в комнату, она подняла глаза и застыла, приоткрыв губы на полуслове.

– Боже мой... – она медленно моргнула, не веря своим глазам.

Я тоже пытался осознать происходящее и избавиться от ощущения нереальности этой сцены. Окружающая обстановка превратилась в некий размытый фон вокруг двух центральных персонажей. Несколько секунд потребовалось, чтобы собраться с мыслями и обрести голос.

– Это тот, на кого ты работаешь?

– Ты не понимаешь, – сказала Аликс. – Ты думаешь, что все понял, но это не так.

– Ну, что ж, – вздохнул Бейн, – теперь, когда мы разобрались с этим, давайте немного усложним условия игры.

Он открыл ящик стола и достал маленький пистолет. Сквозь шум в ушах я слышал обрывки того, что он говорил: «Эд браун компакт... без отдачи... адаптированная рукоять... менее 3000 долларов».

Он направил пистолет на меня.

– Перейдем к делу, не возражаешь? Мне нужна твоя помощь кое в чем.

Я все никак не мог прийти в себя, воспринимая окружающий мир как некий коллаж: пистолет Бейна, лицо Аликс – сознание продолжило этот калейдоскоп клочками мыслей и образов: вырванные страницы дневника, тело брата Франческо на носилках, мертвые книготорговцы... Неужели за всем этим стоит Ричард Бейн?

– Пожалуйста, – повторила Аликс.

– Перестань хныкать, – сказал Бейн. – Как тебе не стыдно!

– Иди к черту! – огрызнулась она.

– Аликс, – обратился к ней я. – Скажи мне, что происходит?

– Ты получишь ответы на свои вопросы, когда ответишь на мои. – Бейн приставил пистолет к моей спине, подталкивая меня и Аликс вперед.

– Ты сумасшедший, – сказала ему Аликс.

– Радость моя, перестань обзывать, пожалуйста.

Бейн провел нас по коридору, затем вниз по лестнице в кабинет. Там он приказал мне взять из тайника ключ, объяснил, как отодвинуть книжный шкаф и открыть хранилище. Когда дверь открылась, он приказал нам войти и щелкнул выключателем. Комната залилась светом. Стоя рядом, мы с Аликс хором ахнули. Переводя взгляд с одного произведения искусства на другое, я увидел две картины «Мона Лиза»: одна висела на стене, другая стояла под ней на полу.

– Господи, – произнесла Аликс. – Я никогда...

– Нет, ты никогда, – согласился Бейн. – Это у меня для личного пользования.

Мне потребовалась какая-то секунда, чтобы разглядеть инициалы на «Моне Лизе», стоящей на полу – это была наверняка подделка Шодрона.

– Все картины краденые? – спросил я.

– Не все. Некоторые получены в обмен, за другие заплачено больше, чем вы можете себе представить.

– Отчего же, могу, – я вспомнил брата Франческо, Кватрокки и книготорговцев. – Скажите, все это доставляет вам удовольствие?

– Ты даже не представляешь какое. – Бейн недобро улыбнулся.

– У вас очень хороший вкус, – продолжал я, надеясь заговорить ему зубы и дожидаться момента, когда он утратит бдительность.

– Согласен, – усмехнулся он. – Но хватит светских бесед. Я хочу знать: какая из этих двух картин является оригиналом?

– Если бы я знал ответ на этот вопрос, я был бы богатым человеком.

– Но ты ведь знаешь. У тебя страницы из дневника Перуджи, где написан секрет Шодрона.

– Нет, – сказал я. – Вы ошибаетесь. Эти страницы были вырваны, и не мной. Если вы следили за мной, вы должны это знать.

– Хватит врать! – крикнул Бейн, прицеливаясь в меня.

– Стреляй, – произнес я, – но ты не получишь ответа, если сделаешь это.

– Я жду. – Он прищурил глаза; его пистолет был нацелен мне в сердце.

– Убив меня, ты ничего не изменишь, – сказал я, пытаюсь оценить ситуацию. Смогу ли я справиться с ним, не убив себя при этом?

Бейн повернул пистолет.

– А если я убью ее? Это для тебя имеет значение?

– Не говори ему ничего, – посоветовала вдруг Аликс. – Он этого не сделает.

– А вот посмотрим. Увидим, как он к тебе относится, – предложил Бейн. – Считай это проверкой: любит, не любит.

– Ты болен, – заметила Аликс.

– Но я хотя бы не спал с ним за деньги.

– Заткнись! – вскрикнула она, затем обратилась ко мне: – Все совсем иначе...

– Так что же это было? – спросил я, словно мы были вдвоем.

– Ты не понимаешь, Люк. Я...

– Пожалуйста, выключите эту мелодраму. – Бейн провел пистолетом по небольшой дуге от головы к сердцу Аликс. – Любит, не любит... Так что, Люк? У меня терпение кончается.

– Он меня не любит, – сказала Аликс Бейну, как будто пыталась подсказать мне эти слова.

– Красотка за красотку, – продолжал Бейн, переводя взгляд с Аликс на двух Джоконд. – Честный обмен.

– Он этого не сделает, – вновь обратилась ко мне Аликс. – Поверь. Он этого не сделает.

– А вот увидим, – хмыкнул Бейн.

– Тогда давай, – сказала она. – Убей меня.

Бейн поднес пистолет к ее груди, но я видел на его лице то ли сомнение, то ли страх, и рука его дрожала.

Доли секунды на принятие решения; тело изогнулось, готовясь к прыжку.

– Стой на месте! – Бейн взвел курок. – Не заставляй меня делать это.

Я застыл; теперь времени было недостаточно. Глядя на Бейна и Аликс, я заметил, как они обменялись взглядами, в которых было не только напряжение, но и еще что-то.

– Давай, стреляй, – сказала Аликс, выпятив грудь и бросая вызов Бейну.

– Ох, Алексис, ты думаешь, это теперь что-то для меня значит? Я же давно потерял тебя.

– Да, – согласилась она. – Потерял.

– До сих пор не простила меня за то, что я развелся с ее сумасшедшей матерью, – обратился ко мне Бейн. – Ерунда какая-то. Почему я должен жить с овощем?

Аликс мгновенно вlepила ему сильную пощечину. Бейн даже не вздрогнул, но щека его покраснела.

– Он твой отец? – ошеломленно спросил я.

– У людей столько предрассудков, – вздохнул Бейн. – Родитель-потомок... что это такое вообще? Столько суеты вокруг кучки клеток и генов. Произвести потомство может любой дурак.

– Тогда давай, убей меня! Пристрели нас обоих! – закричала Аликс, дрожа от гнева. – Ты ведь этого хочешь – чтобы мы оба гнили тут, в этом твоём склепе, с этими твоими мертвыми художниками и этими мертвыми картинами! Давай, стреляй!

Бейн только вздохнул и покачал головой.

– Как мало ты понимаешь в красоте и бессмертии, Алексис. Даже не верится, что ты моя дочь. А ведь ты была таким милым ребенком, вся из улыбок и золотых локонов, непритязательная и отзывчивая. – Он повернулся ко мне. – Конечно, она и сейчас все такая же. Не со мной, правда, если только речь не заходит о деньгах, но ты же сам видел, Люк, не так ли? Она умеет угодить, сделать, все, что нужно. У нее хорошо получается, правда?

Аликс обернулась ко мне, все в слезах, и я бросился на Бейна, попытался вырвать у него пистолет из рук, но он увернулся и сильно

ударил меня пистолетом по лицу. Я отшатнулся, прижав руку к щеке, Аликс взвизгнула.

– Осторожней! – крикнул Бейн. – Не запачкай кровью мои картины!

Я посмотрел на свою руку: на пальцах была кровь. Вот чем он дорожит, подумал я. Своими картинами. Я вытер пальцы о морской пейзаж Эдуарда Мане.

– Перестань! – взревел Бейн.

Сорвав со стены картину, я бросил ее на пол и занес над ней ногу.

– Картина или Аликс, – вызывающе сказал я. Неужели он действительно готов убить свою дочь за подвал с картинами? Бейн ничего не ответил, и я опустил ногу, вдавив ее в холст. Лицо Бейна потемнело от муки, но он не убрал пистолет от груди Аликс.

– В мире есть еще Мане, – произнес он с наигранным спокойствием, хотя я видел, как дрожит его рука. – Ну, хватит. Мне нужен ответ, немедленно. Какая «Мона Лиза» настоящая?

Он так сильно ткнул пистолетом в тело Аликс, что она вскрикнула.

– Подождите, – сказал я. – Сейчас посмотрю.

Я быстро подошел к картинам-близнецам, демонстративно переводя взгляд с одной на другую. Бейн ждал с нетерпением, пистолет в его руке дергался.

– Дайте мне минутку, – говорил я. – Мне нужно здесь кое-что найти.

– Что? – Бейн подался вперед.

– То, что великий фальсификатор Ив Шодрон добавил в свои копии, – я наклонился, внимательно разглядывая поверхность нижней картины. – Вот оно.

– Что – оно? Где?

– Погодите. – Я перевел взгляд на верхнюю картину. – Черт! Здесь оно тоже есть!

Взгляд Бейна метался между двумя картинами.

– Мне неприятно говорить вам об этом, но обе ваши картины – подделки.

– Не может быть! Откуда ты знаешь? Покажи, что это и где?

– Вот на этой лучше видно, – я наклонился, указывая чуть пониже рук Лизы дель Джиокондо. – Смотрите сами.

Продолжая целиться в Аликс, Бейн наклонился, пытаясь разглядеть то, что я показывал. В то же мгновение я рванулся вверх, ударив головой его в челюсть. Бейн отшатнулся назад, и его пистолет выстрелил как раз в тот момент, когда вход в хранилище заполнил нечто большой силуэт.

Силуэт входящего принял четкие очертания, и я узнал человека, который напал на нас со Смитом в парке. Теперь он был с пистолетом.

– Замок на воротах простенький, – сообщил он. – Надо бы предупредить ваших богатых соседей.

Бэйн, приходя в себя, потирал челюсть. «Эд браун компакт», выпав из его руки после выстрела, лежал в углу подвала, как притаившийся маленький зверек наподобие опоссума. Аликс, прислонившись к стене, прижимала к груди, как щит, помятую картину Мане.

– Ты в порядке? – спросил я, и она неуверенно кивнула, хотя лицо ее было очень бледным.

Незванный гость взглянул на двух одинаковых Джоконд, потом перевел взгляд на Бейна.

– Это я прислал вам вторую. Я работал на вас, или на вашего посредника – того дурака, которому вы велели убить меня.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите.

Верзила улыбнулся, обнажив мелкие пожелтевшие зубы.

– Ваш посредник мертв, а у меня его телефон с вашим номером. Не стоит изображать невинную овечку.

Бейн равнодушно пожал плечами.

– Сколько вам нужно?

– Я не за деньгами пришел.

– Что вам нужно? Картины?

– Твоя жизнь. – Верзила шагнул к Бейну и так сильно ткнул его пистолетом в живот, что тот согнулся пополам.

В тот же миг я бросился на пол, схватил «Эд Браун» и прицелился в верзилу.

– Ты стреляешь в меня – я стреляю в эту свинью, – сказал он, продолжая целить в Бейна. – Но я быстро стреляю, а ты нет. Я успею еще раз выстрелить, и ты тоже умрешь.

– Люк, нет! – закричала Аликс.

В этот момент Бейн, бросился, схватил верзилу за руку, но тот выстрелил один раз, второй, и Бейн упал. Я выстрелил в верзилу,

потом еще и еще, и стрелял до тех пор, пока в пистолете не кончились патроны.

Когда скорость движения времени нормализовалась, стало понятно, что в итоге произошло: Бейн лежит в углу, держась за плечо, бандит, распластавшись лежит на полу, из головы и груди его течет кровь, Аликс стоит у стены, зажмурившись. Спустя мгновение она выпустила картину Мане из рук и стала падать, и я бросился ее ловить.

Теперь стало видно, что у нее пулевое ранение: по свитеру расплзлось темно-бордовое пятно.

– О, нет! Господи, нет! – воскликнул Бейн, ползя в ее сторону.

– Это была... твоя пуля, – с трудом проговорила она. – Это ты... убил меня, отец.

– Нет, нет... Я не мог этого сделать... Это была просто угроза... игра.

– Игра? – Аликс засмеялась, и на губах ее вырос кровавый пузырь. – Ступай... в ад.

Бейн скорчился в углу, держась за плечо, и заскулил.

Я обнял Аликс и только тут заметил, что тоже ранен: рукав моей голубой рубашки был залит кровью, но я почти не чувствовал боли, и мне было все равно. Я обнял Аликс, сказал, что с ней все будет в порядке, и попросил ничего не говорить.

– Люк, – прошептала она, – обними меня... скажи мне что-нибудь.

Я крепко обнял ее и начал говорить.

– Помнишь, как библиотечарша все время на нас шикала, а Кафедральный собор ночью был такой красивый в свете прожекторов и... – я остановился, в голову ничего не приходило, и спазм сдавил горло.

– Пожалуйста... не молчи, – она взяла меня за руку.

– Подожди, – попросил я. – С тобой все будет хорошо.

– Пожалуйста... продолжай... говорить.

– Сейчас, – я отпустил какую-то шутку о книге про чуму, которую она тогда читала, потом вытащил из кармана сотовый, набрал 911 и назвал адрес. В памяти всплыл образ: Винченцо на заднем сиденье такси прижимает к себе Симону и поет ей песенку, а она кашляет кровью и просит его не останавливаться.

Лицо Аликс побелело, а губы побагровели. Я стал говорить: о кафе, где мы впервые посидели и выпили кофе, о шикарном отеле,

где мы провели свою первую ночь – но к этому времени рука Аликс ослабла, и сама она обмякла в моих объятьях, и я понял, что она уже не слышит меня.

День был прохладный, но весна вступала в свои права: начинали цвести деревья, из-под земли пробивались крокусы, на лазурно-голубом небе ярко светило солнце. У меня в запасе оставалось еще больше часа, и я решил пройтись и подумать. Прошло так много времени, а я все еще пытался разобраться в происшедшем и в своих чувствах. Я пошел на север по Бауэри мимо Купер Юнион;^[90] старые здания здесь резко контрастировали с новыми современными. В последнее время я много думал об этом: о прошлом и настоящем. Почти на каждой второй улице города шло строительство, и шум мешал мне сосредоточиться. На назначенную в центре города встречу я пришел слишком рано.

Обеденный перерыв уже закончился, и кафе было полупустым. Выбрав кабинку в глубине зала, я заказал кофе и уткнулся в телефон, читая и перечитывая электронную почту. Поэтому вздрогнул, услышав рядом: «Привет».

Аликс села напротив, сняла шелковый шарф и расстегнула куртку.

– Хорошо выглядишь, – произнес я осторожно. Хотелось сказать «потрясающе», ведь так оно и было. Хотя в выражении лица ее что-то переменялось за это время, в нем стало больше открытости и понимания – может быть, я впервые увидел настоящую Аликс.

Она заказала чашку чая и подождала, пока отойдет официантка.

– Ты побрился, – заметила она. – Лицо стало видно.

– Это хорошо?

– Да, – ответила она и опустила глаза.

Мы не виделись четыре месяца, с того самого вечера, когда она была ранена, хотя я каждый день звонил в больницу и три раза ездил туда – Аликс отказывалась от свиданий.

Я спросил, как ее самочувствие.

– Теперь все хорошо. Пуля задела легкое... хотя ты это и так знаешь. Все оказалось не так страшно, как выглядело, – когда Аликс говорила это, она приложила руку к груди, потом убрала ее, словно этот жест был слишком интимным. – Хирург сказал, что мне повезло.

Она помолчала, потом поблагодарила за то, что я приходил в больницу, спросила, как моя рука – которая полностью зажила – затем проговорила:

– Прости, что... отказывалась от встреч, но...

– Пустяки, главное, что ты выздоровела.

Она еще раз поблагодарила и продолжала:

– Я хотела попросить прощения за то, что я... – Аликс покачала головой и замолчала, как будто у нее закончились слова или она передумала, что собиралась сказать, а потом просто изобразила улыбку. – Ладно, хватит обо мне. Чем ты занимался?

– А, верно... Ты же не знаешь.

– Чего не знаю?

– Что я вернул ее – «Мону Лизу».

– Что?

Аликс даже подалась в мою сторону, и мне захотелось тоже наклониться и поцеловать ее, но я сдержался и, пересказывая ей события последних месяцев, старался контролировать свои эмоции.

– Только, понимаешь, это не для огласки. Это нельзя никому пересказывать. Обещаешь?

– Да, клянусь.

Я решил рассказать ей все, главным образом, потому что мне этого очень хотелось.

– В общем, я ездил в Париж, в Лувр, все объяснил, привел доказательства и вернул им оригинал. Это если коротко. На самом деле, все было немного сложнее. Я действовал через Интерпол, со мной были аналитик и инспектор. Подробнее я тебе как-нибудь в другой раз расскажу, – слова «в другой раз» отдались эхом в моем сознании, но я надеялся, что так оно и случится. – Это очень помогло моему другу Смигу, аналитику. Его восстановили в должности и даже повысили, но это уже другая история.

– У тебя есть друзья в Интерполе? Я всегда знала, что ты шпион, – Аликс рассмеялась, а потом замолчала. – Стоп, ты говоришь, что нашел оригинал картины и вернул ее в Лувр, а «Мона Лиза», которая висела в музее все эти годы, была поддельной?

Я кивнул.

– А где был оригинал? Как ты его нашел?

– Он... – я не смог удержаться от драматической паузы, – висел на стене в подвале твоего отца.

– Что? Погоди... Значит, ты в тот раз солгал ему?

Я еще раз кивнул.

– Ух ты, – сказала она, потом, подумав, попросила. – Пообещай мне одну вещь.

– Все что угодно.

– Обещай, что мой отец никогда не узнает, что оригинал был у него. Не хочу, чтобы он испытывал удовольствие при мысли об этом.

– Из моих уст он этого никогда не услышит.

– Из моих тоже. – Аликс, откинувшись на спинку стула, покачала головой. – Выходит, ты не получишь никакого общественного признания, сделав такое важное открытие?

– Нет, – ответил я. – Мы дали обещание музею. Правду знают только в Лувре и Интерполе. Все документы, абсолютно все, что связаны с этим делом, засекречены. Насколько мне известно, даже уничтожены.

– Ух ты, – снова удивилась она. – Ну, что ж, и я буду молчать как рыба.

– Надо молчать. Даже на суде над твоим отцом.

– Обещаю, – сказала Аликс. – Только суда не будет.

– Что ты хочешь этим сказать? Почему не будет?

– Думаю, он провел в тюрьме не больше одного дня, если вообще до нее доехал. Я уверена, что его выпустили под залог, хотя на самом деле я не в курсе. Я с ним не разговаривала с тех пор и не собираюсь, никогда...

Она судорожно вдохнула и медленно выдохнула. Я сказал, что нам не обязательно это обсуждать, если ей слишком тяжело, но Аликс ответила, что она вполне в силах об этом говорить.

– Так почему суда не будет? – спросил я.

– Он скроется задолго до того, как это случится.

– Разве он не носит на щиколотке одну из этих штуковин?

– О, я уверена, что он уже заплатил кому-нибудь, кто носит ее вместо него. У него деньги припрятаны по всему миру. Он просто исчезнет.

– Ну, хотя бы все его краденые картины были возвращены.

– Да, это уже кое-что.

Мы помолчали. Мне хотелось сказать, как много она для меня значит, и спросить, нужен ли я ей хоть немножко, но я не сказал ни того, ни другого, боясь услышать ответ. Вместо этого я спросил:

– Как поживает твоя мама?

– Это из-за нее... для нее я все это делала... – Аликс воспользовалась моментом, чтобы высказать то, что давно хотела. – Ты понимаешь?

Я кивнул: я это уже давно понял.

– Мой от... Бейн... он грозил, что ее переведут в очень плохую клинику, и...

Она перевела дыхание.

– Это не оправдание, я знаю. Но все, что платил мне Бейн, я переводила на ее лечение. Я внесла предоплату за два года вперед, а это уже кое-что. А потом... потом что-нибудь придумаю, время есть.

– Это здорово, – сказал я, и она кивнула, водя пальцем по цепочке с медальоном – тонкая золотая линия на ее кремовой коже, как на картине, которую я рисовал с нее по памяти.

– А почему Верде? – спросил я.

– Это мамина девичья фамилия. Они развелись, когда я была еще маленькой. Не было смысла брать его... – она замолчала, потом тихо добавила: – Слушай, я должна это сказать. Прости меня, Люк, за все. Я никогда не думала, представить себе не могла...

Мне тоже было за что просить прощения, что я и сделал. Десятки раз я репетировал разные слова, которые собирался при этом сказать, но они как-то вдруг перестали иметь значение, и простого «прости» оказалось достаточно. Аликс кивнула, лицо ее немного просветлело, и она спросила, какие у меня еще новости. У меня не было большого желания говорить о своих делах, но хотелось побыть с ней подольше, поэтому я стал рассказывать, что вновь занялся живописью, и как теперешние мои работы отличаются от того, что я делал раньше.

– У меня даже побывали несколько дилеров, и один из них заинтересовался настолько, что хочет устроить мне выставку, когда я соберу все работы вместе, правда, это может занять некоторое время...

– Вот видишь, – перебила она. – Я же говорила, что ты найдешь другую галерею, и беспокоиться не о чем, помнишь?

– Да, – кроме того, я помнил, что она верила в меня даже тогда, и это для меня много значило. – Кажется, я еще спросил тогда, не ведьма

ли ты?

– Без комментариев, – улыбнулась Аликс. – Как здорово, что ты снова творишь.

Я стал рассказывать о своем ощущении, что я нахожусь на пороге чего-то нового, и мне нужно просто продолжать рисовать, а там будет видно, что из этого получится. Она наклонилась ко мне, и было видно, что она действительно внимательно слушает. Мне хотелось рассказать ей все о своих новых картинах, чтобы она гордилась мной и уважала меня – чего мне так не хватало в юности, когда я усердно работал, чтобы получить все то, что чуть не потерял недавно. Я вспомнил Перуджу и то, как Симона верила в него и его искусство, когда никто больше не верил – и как она унесла эту веру с собой, когда умерла, и эта утрата заставила его лгать и воровать.

– Один друг мне сказал: никогда не знаешь, что придаст сил и заставит тебя снова работать, – мне вдруг вспомнились эти слова Смита, которые я почти забыл, а он оказался прав.

– Приятно слышать. Ты вернулся к преподаванию?

– Да, и оно тоже пошло лучше. – Так оно и было: мне все больше нравилось читать лекции, я чувствовал, что действительно знаю свой предмет и хочу им заниматься. – Это довольно забавно. Теперь я понимаю, сколько тайн в истории искусства, и стараюсь передать своим студентам это ощущение.

– Предлагаю назвать твой новый курс: «О чем мы в неведении в искусствоведении» – даже рифмуется!

Я улыбнулся, и мы оба замолчали. Так много всего хотелось сказать, но я едва ли не физически ощущал, как слова застревают в горле, потому что я совсем не был уверен, что Аликс хочет их услышать.

– Рада, что у тебя все хорошо, – наконец, произнесла она.

– А у тебя как?

– Мне нужно... во многом разобраться.

– Я уверен, что у тебя получится, – сказал я.

Она поблагодарила и начала подниматься из-за стола, но я сказал: «Останься, пожалуйста» – уже не заботясь о том, насколько уместно это прозвучит. Аликс неуверенно села.

– Я подумываю уехать куда-нибудь, – сказала она.

– Да? Надолго?

– Пока не... приду в норму.
– Я думал, ты уже в порядке.
– Я не о физическом здоровье. Мне нужно просто... время. Но мне нужно будет заботиться о маме, так что это ненадолго.

Ну, хоть ненадолго... только мне все равно хотелось прокричать: «А как же я? Как же я без тебя?»

Аликс снова встала.

– Подожди, – помимо воли, я произнес это очень настойчиво. – Мне еще нужно кое-что сказать.

Она вновь опустилась на стул, но так, словно готова была в любой момент убежать.

– Ничего страшного... Просто накопились кое-какие мысли.

– Хорошо. – Она прикусила нижнюю губу, словно ждала, что я начну обвинять ее в чем-нибудь. А у меня вдруг опять куда-то пропали все заготовленные слова и отрепетированные фразы, и вместо них в сознании остался один вопрос, который занимал меня с тех пор, как я вернулся домой. Его-то я и озвучил.

– Как ты думаешь, прошлое влияет на настоящее, или наоборот, настоящее влияет на прошлое? Я хочу сказать, наши знания о прошлом влияют на наше настоящее, на то, кем мы становимся, или наоборот?

– Очень философский вопрос, – ответила Аликс, вдруг успокоившись, и постучала пальцем по подбородку. – Думаю, есть немного и того, и другого.

Она помолчала, отвела взгляд, потом снова посмотрела на меня.

– Я тут тоже кое о чем думала, и тоже хочу у тебя спросить.

Я ждал, и эти несколько секунд были, наверное, самыми долгими в моей жизни.

– Сможем ли мы когда-нибудь забыть прошлое? Все, что было сказано и сделано. Принять – и оставить это позади?

– Да, – с облегчением произнес я и протянул ей руку. – Я точно знаю, что смогу.

Аликс ничего не сказала, только выдохнула, словно долго сдерживала дыхание. Затем она нежно обвила мои пальцы своими.

Юг Франции

Лето в этом году наступило рано: уже в середине мая солнце ощутимо припекало, ярко сияя на светло-голубом небе. Симон пробирался через высокие пурпурные ирисы и траву, такую свежую и зеленую, что она казалась ненастоящей. Винченцо наблюдал за сыном издали. По лицу и по спине у него тек пот: он только что закончил переносить дрова из дома в небольшой сарай, который построил, чтобы освободить место. Они все так же жили втроем, Симону было уже почти три года. Винченцо видел, как сын бойко перебежал через лужайку, а потом понял, что привлекло внимание малыша: лягушка, которая отпрыгивала каждый раз, когда он протягивал руку, пытаясь ее схватить. Симон промахивался и падал набок, смеясь, как от щекотки. Винченцо тоже засмеялся.

Все-таки он как-то смог преодолеть свое горе. Он не забыл Симону, не хотел ее забывать и никогда бы не смог это сделать, но он продолжал жить и двигаться дальше.

Он увидел, как Симон бросился на лягушку, опять промахнулся, упал и захихикал, потом снова прыгнул и схватил ее. Лягушка безуспешно пыталась высвободиться из его руки.

– О-о-о! – закричал Симон и оглянулся на отца, протянув руку и показывая добычу. – Смотри!

– Хороший улов, – одобрил Винченцо.

Симон ворковал над лягушкой, и солнце играло на его щеках и золотистых волосах. Потом он намеренно и подчеркнуто разжал ладонь, и лягушка выпрыгнула.

– Иди, лягушонок, – сказал Симон. – Иди!

Винченцо кивнул ему и улыбнулся.

– Молодец, хороший мальчик. – Он смотрел на сына и думал о том, что жизнь начинается с игры – погоня, плен... Он вспомнил долгие месяцы, проведенные в тюрьме – память об этом начала сглаживаться, словно это случилось с кем-то другим. Вспомнил он и о своих обещаниях, данных Симоне – в частности, обещании принести картину Леонардо. Глупое обещание, которое больше не имело значения.

А что имело значение, так это его последнее обещание – быть счастливым – и он сдержал его.

Он представил себе Симону, как она делает пируэт, и ее широкая юбка задирается до колен, ее лучезарную улыбку.

Симон не торопился вставать на ноги и тянул ручки вверх, покачиваясь из стороны в сторону. Винченцо поднял его на руки. Сын смотрел на него снизу вверх, и отец видел в его лице черты Симоны. Мальчик обхватил его за шею, сказал: «Папа» – и Винченцо показалось, что его сердце вот-вот разорвется от счастья. Он обнял сына, тот положил голову ему на плечо, и Винченцо посмотрел поверх его золотистых кудрей на каменный дом, который он купил и отремонтировал, на посаженные им деревца и кусты, которые, наконец, зацвели.

Он больше не был иммигрантом, безликим бродягой. Теперь у него был дом и сын.

Примечание автора

История, которую вы только что прочитали, основана на подлинных событиях.

Факты таковы:

Винченцо Перуджа, бывший сотрудник Лувра, украл «Мону Лизу» из музея 21 августа 1911 года. Подробности кражи были воспроизведены в первой сцене – как Перуджа провел ночь в музее в шкафу, снял картину со стены и оставил на лестнице раму и защитный футляр, который он сам ранее изготовил, – все это основано на сообщениях об этом преступлении. Газетные репортажи о краже взяты из реальных статей.

Также верно, что Перуджа спрятал картину в специально сконструированном сундуке в своей квартире и что он пытался продать картину итальянскому правительству в музей Уффици, где он был арестован и отправлен в тюрьму Мурата во Флоренции, Италия.

После кражи музей Лувра действительно целую неделю был закрыт, и его обыскивали шестьдесят полицейских.

Все награды, упомянутые в романе, соответствуют действительности: Лувр объявил награду в размере 25 000 франков, равно как и две газеты: Le Matin предложила 5000 франков, а L'Illustration – 40 000 франков.

Художник Пабло Пикассо вместе с поэтом и искусствоведем Гийомом Аполлинером были заподозрены в совершении преступления, доставлены на допрос по поводу кражи, допрошены и даже судимы, но в итоге освобождены.

И маркиз Эдуардо де Вальфьерно, и фальсификатор произведений искусства Ив Шодрон были реальными людьми, оба подозревались в причастности к преступлению, хотя это так и не было доказано. Об их кончине мало что известно.

Некий вандал действительно плеснул кислотой в «Мону Лизу», а другой бросил камень; оба инцидента произошли в 1956 году и нанесли картине некоторый ущерб, хотя и несущественный.

Существует множество подделок (можно было бы назвать их «вариациями») «Моны Лизы» Леонардо.

Не один искусствовед высказывал предположение, что «Мона Лиза» Леонардо в музее Лувра, возможно, является подделкой, подмененной во время печально известной кражи (или даже раньше, что означало бы, что Винченцо Перуджа украл подделку только для того, чтобы заменить ее другой подделкой). Эти обрывочные догадки и предположения и вдохновили меня на эту историю.

Интервью с автором

Как вы впервые узнали о краже «Моны Лизы» Винченцо Перуджей?

Я читал брошюру об истории Лувра, и там упоминалось об этом в одной фразе, но она запомнилась мне и захватила мое воображение: представьте себе, кто-то действительно смог украсть «Мону Лизу» прямо из музея!

Как вы думаете, ваша интерпретация событий может быть правдой?

Я основывался, насколько мог, на фактах – газетных статьях о краже и различных теориях историков искусства. Но если уж мы заговорили об этом, больше всего мне нравится придумывать истории и сценарии, которые могли иметь место.

У Люка и Смита необычное партнерство. Было ли что-то особенное, что внушало им осторожное доверие и уверенность друг в друге?

Поначалу их отношения основаны на необходимости; они не могут получить то, что хотят, добиться успеха в одиночку. Через некоторое время они начинают уважать интеллект и преданность друг друга. Я много думал об этих двух мужчинах, о том, как они вышли из неблагоприятной среды и должны были создать себя сами, стать новыми людьми, что многие из нас делают, чтобы двигаться вперед, а иногда – чтобы выжить. Я рассматривал это как возможную связь между ними, способность увидеть что-то от себя в другом человеке. Для меня это одно из самых важных человеческих качеств: способность сопереживать другим.

Вы сами художник и репликатор. Как ваш опыт в этой области повлиял на книгу?

То, что я учился в художественной школе и был художником, помогло мне понять Люка и его желания, а также желания фальсификатора шедевров Ива Шодрона.

Я рисую копии известных произведений искусства для коллекционеров уже более двух десятилетий. Хотя мне бы в голову не пришло относиться к ним как к подделкам: я делаю все возможное, чтобы копии получились точными, соблюдая при этом юридические

правила, касающиеся воспроизведения произведений искусства. Например, я меняю размер или материал, использую современные художественные средства, которые непременно будут обнаружены при экспертизе, и я всегда подписываю свое имя на обороте. Создание таких «подделок» дало мне потрясающее представление о мире подделки произведений искусства – о том, как вы словно влезаете в шкуру художника, работы которого вы копируете, и как это здорово – иметь законченную картину, которая выглядит точно так же, как у знаменитого Пикассо или Мане, но сделали ее вы сами.

Когда моей дочери было примерно десять лет, она спросила, почему я просто не продаю свои репродукции под видом оригиналов. Я объяснил ей, почему незаконно копировать чужие произведения искусства и пытаться выдать их за свои собственные. Она поняла, но все равно думала, что имеет смысл попытаться продать свою копию как оригинал!

Каковы наиболее распространенные заблуждения относительно подделки и тиражирования знаменитых шедевров?

Я думаю, большинство людей считают, что подделки произведений искусства легко обнаружить, но это неправда. Многие фальсификаторы десятилетиями ускользают от разоблачения, обманывая музеи, аукционные дома и экспертов. В конце концов, они совершают какую-нибудь оплошность (например, случайно используют пигмент, который был изобретен только через несколько лет после создания подделываемой картины), и на этом попадают. В известных коллекциях произведений искусства и музеях по всему миру есть множество подделок, ожидающих разоблачения.

Как вы создаете своих персонажей? Кто-нибудь из ваших друзей или знакомых попал на эти страницы?

Для меня персонажи оживают на странице. У меня есть некое изначальное представление о персонаже, но я на самом деле мало что о нем знаю, пока не начал писать. Затем я должен придумать, как они выглядят, как они говорят, что ими движет. И они все время меняются. Я постоянно перечитываю написанное и думаю: такой-то и такой-то никогда бы так не сказал. Некоторые из моих друзей и их черты действительно попадают на страницы, но по большей части мои персонажи становятся самостоятельными, и я начинаю думать о них как о реальных людях, которые действительно существуют. Если на

кого-то они и похожи, то, скорее всего, в каждом из них есть частичка меня, поскольку именно я их создаю.

Кто из персонажей вам ближе всего? У вас были любимые герои?

В этой книге я ближе всего к Люку. Только он моложе, выше, красивее, умнее и талантливее меня. Хотя тот, про кого я пишу в данный момент, как правило, становится моим любимчиком. И мне нравится писать о плохих парнях и психопатах, потому что я всегда пытаюсь понять, что ими движет. Ужасные люди так забавны на странице и так ужасны в реальной жизни!

Смит характеризует частных коллекционеров как воров, скрывающих произведения искусства от остального мира. Вы согласны с ним?

Нет. Для персонажа из Интерпола логично так думать, но большинство коллекционеров произведений искусства, которых я знаю, – это люди, которые любят искусство и хотят наполнить им свою жизнь. Если бы я мог себе это позволить, я бы делал то же самое.

Как можно наиболее справедливо делиться искусством?

Музеи – это замечательные общественные заведения, такие общественные склады, которые заботятся о больших и малых шедеврах. Я только что был в нью-йоркском музее искусств Метрополитен, и это одно из лучших мест в мире. Вы можете провести целый день, представляя себя в древних доспехах, или прогуляться по египетскому храму Дендур, или смотреть на картины импрессионистов – там есть любое искусство, какое пожелаете. Но есть много разных видов «искусства». Вы можете вставить блок марок в рамку (как я сделал с недавней маркой Марвина Гая), повесить его на стену, и это будет выглядеть потрясающе и стоить всего лишь по цене марок.

Эпизоды со слезкой заставляют читателя переживать, даже когда исследования Люка продвигаются медленно. Как вы уравниваете напряжение и разочарование, строя сюжет?

Разочарование персонажа никак не связано с ходом книги, который является отдельной вещью, которую вы, автор, контролируете. Читатель думает: поторопись, Люк – потому что они немного опережают его и волнуются, а это именно то, чего я добиваюсь, потому что это усиливает напряжение.

Есть ли у вас какие-нибудь советы начинающим авторам, особенно тем, кто интересуется историей и триллерами?

Я всегда говорю «читайте больше». Когда читаешь, приходят в голову вещи, которых в противном случае могло бы и не возникнуть. Кроме того, вы учитесь у других писателей. Если вы хотите писать триллеры, читайте их побольше и проанализируйте парочку, чтобы увидеть, как автор построил сюжет. То же самое и с историческими романами. Свое изначальное вдохновение для написания этой книги я почерпнул из двух романов: «Одержимость» и «Женщина французского лейтенанта». Конечно, я прочитал так много криминальных романов, что какой-то частью своего сознания всегда думаю: в чем же тут тайна? В любой книге мне нужно знать, что является «двигателем», благодаря которому развивается эта история.

Благодарности от автора

Моя благодарность Шане Дрехс за ее веру, пронизательное редактирование и легкость, а также талантливым художницам Молли Ваксман и Кирстен Веном, и другим участникам замечательной команды Sourcebooks Landmark. Спасибо моим друзьям С.Дж. Розану, Дженис Динер, Толге Орнек и Джойс Кэрол Оутс за их отзывы. Сьюзен Крайл, Джейн Ривкин и Марго Александер – за то, что предоставили прекрасное убежище, когда я в нем нуждался. Благодарю свою дочь Дорию, которая ободряет и вдохновляет меня каждый день – за то, что побудила меня отправиться обратно во Флоренцию. Джадду Талли – за то, что я познакомился с Лоренцо Пеццатини, который не только составил мне отличную компанию, но и провел меня по тюрьме «Ле Мурата», а также Валентине Генсини, директору Музея современного искусства во Флоренции. Спасибо Вито Раканелли, моему личному переводчику с итальянского. Некоторые части этой книги были написаны (и переписаны) в Комнате писателей в Нью-Йорке и в обители художников Яддо, лучшем месте, где только может оказаться художник. Выражаю также особую благодарность и признательность моему агенту и неутомимому редактору Джейн фон Мерен.

Об авторе

Джонатан Сантлоуфер – писатель и художник. Его дебютный роман «Живописец смерти» стал международным бестселлером, а его роман «Анатомия страха» получил премию Ниро Вульфа за лучший криминальный роман 2009 года. Джонатан создал Академию криминальной фантастики в Центре художественной литературы. Как художник, он уже более двадцати лет делает копии известных картин для частных коллекционеров.

notes

Примечания

1

«Я могу вам помочь?» (*итал.*)

2

«Извините, извините» (*итал.*).

3

Разрешение (*итал.*).

4

Извините меня, но библиотека открылась (*итал.*).

5

«Дома Баруха» – жилой комплекс в Нью-Йорке для малообеспеченных семей, построенный в 1959 году и названный в честь Бернарда Баруха, советника и доверенного лица шести президентов США.

6

Небольшой город в штате Нью-Джерси.

7

Окруженный стенами внутренний двор монастыря.

8

«Извините» (*итал.*).

9

«Не пользоваться телефоном. Не фотографировать» (*итал.*).

10

«Прием пицци в библиотеке запрещен» (*итал.*).

11

Конфеты фирмы Hershey.

12

«Еда запрещена» (*итал.*).

13

Моя история (*итал.*).

«Национальный салон». Выставка французского Национального общества изящных искусств.

Американская писательница Гертруда Стайн, проживавшая долгое время в Париже.

16

Минеральная вода «San Pellegrino».

17

It will be your funeral – подразумевается «это будут ваши проблемы, под вашу ответственность».

18

20 градусов по Цельсию.

19

Американский дизайнер, выпустил серию мебели, которая стала символом модернизма.

Комплекс студий для бедствующих художников, созданный меценатом А.Буше в 1902 году.

21

О Манон, моя прелестная, мое сердце говорит тебе привет, моя прелестная (*франц.*).

Американские пионеры авиации.

23

Разумеется (*итал.*).

Итальянский десерт, разновидность мороженого.

Американская сеть магазинов спортивной одежды.

Торговцы произведениями искусства.

«Извините, я был здесь на днях и...» (*итал.*)

«Могу я спросить?» (*итал.*)

Молитвенный дом Добрых людей Св. Мартина (*итал.*).

«Извини... С тобой все в порядке?» (*итал.*)

31

А что? (*итал.*)

Сухое игристое вино.

Итальянский вариант сэндвича.

Декоративный белый заборчик вокруг дома с садом, символ благополучной семьи среднего класса в США.

35

Как дела? (*итал.*)

36

Хорошо, а у вас? (*итал.*)

37

Хороший день, ничего не скажешь (*итал.*).

Филиппо Липпи, Беато Анжелико – италянские монахи-художники XV века.

39

Продолжайте в том же духе. Так держать (*итал.*).

40

Базилика в центре Флоренции.

41

Человек пропал (*итал.*).

Недостаточный срок (*итал.*).

43

Что случилось? (*итал.*)

44

Он умер (*итал.*).

45

Что? (*итал.*)

46

Название ряда католических церквей.

47

Сорт бургундского вина.

Мн. число от «пентименто» – закрашенные художником детали картины в результате внесенных изменений.

49

Кто это? (*франц.*)

У нас был обмен сообщениями по поводу вашего двоюродного дедушки Ива (*франц.*).

Самый старый мост во Флоренции, название которого означает «старый мост».

CinemaScope – широкоэкранный киносистема, применявшаяся в США с 1953 до 1967 года.

Популярная американская кантри-певица.

«Феррара» – известная пекарня с кафетерием на Манхэттене.

Старший хранитель, должность музейного работника.

56

Известный американский религиозный деятель.

«Есть ли у вас друзья во Флоренции?» (*итал.*)

Пристройка к церкви или отдельное здание для крещения.

Древняя больница, в настоящее время работающая как конференц-центр.

Вам звонят, месье Жанжамбр (*франц.*).

61

Доверяю его вам! (*франц.*)

62

Что вы ищете? (*франц.*)

63

Что? (*франц.*)

Месье, как вы себя чувствуете? (*франц.*)

65

В чем дело? (*франц.*)

66

Он был сумасшедшим (*франц.*).

67

Частная художественная галерея в Бостоне.

Я не знала, что у нас гости (франц.).

69

Вовсе нет! (*франц.*)

70

Будьте осторожны! (*франц.*)

71

Чего вы хотите? (*франц.*)

Я обожаю американцев... это не настоящее мое имя... мой муж умер... я ни о чем не жалею! (*франц.*)

73

Правда? (*франц.*)

Извините, я не хотел вас пугать (*франц.*).

Паштет из свинины «по-деревенски».

Высокодоходные долговые бумаги с кредитным рейтингом ниже инвестиционного уровня.

Ничего серьезного (*франц.*).

Остров посреди Сены в центре Парижа.

Святая Римско-католической церкви.

80

Стой! (*франц.*)

81

Почему вы были в парке? (*франц.*)

Есть ли у вас друзья во Флоренции? (*итал.*)

Дурак... сукин ты сын... а пошел ты (*франц.*).

Светло-коричневый цвет.

Американский фасованный сироп.

Герой триллера «Психо», психопат и убийца.

Whiterpages – база контактной информации о пользователях Интернета.

Обувь на резиновой подошве для яхтсменов.

Французская минеральная вода премиум-класса.

Здание частного колледжа на Манхэттене.

Table of Contents

[Джонатан Сантлоуфер Последняя Мона Лиза](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)

[32](#)

[33](#)

[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)

[71](#)

[72](#)

[73](#)

[74](#)

[75](#)

[76](#)

[77](#)

[78](#)

[79](#)

[80](#)

[81](#)

[82](#)

[83](#)

[84](#)

[85](#)

[86](#)

[87](#)

[88](#)

[89](#)

[90](#)

[91](#)

[92](#)

[93](#)

[94](#)

[95](#)

[96](#)

[97](#)

[98](#)

[99](#)

[Примечание автора](#)

[Интервью с автором](#)

[Благодарности от автора](#)

[Об авторе](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40

[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

89

90

